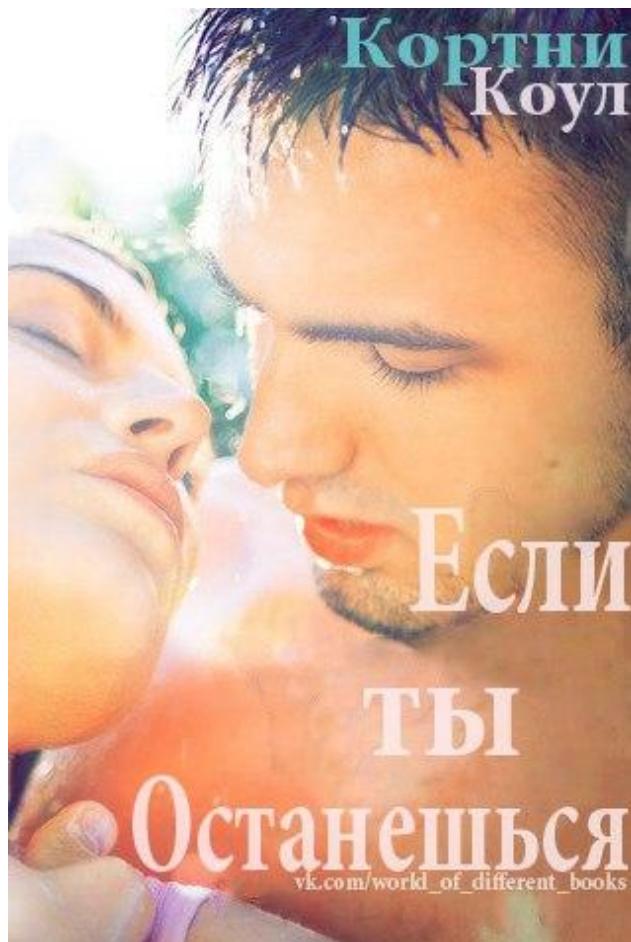

Кортни Коул
Если ты останешься

Оригинальное название: " If You Stay — Courtney Cole"

"Если ты останешься — Кортни Коул"

Серия: "Beautifully Broken #1"/ "Красиво сломленный #1"

Номер в серии: 1

Переводчик: Елена Лакиза, Лиза Вейланд, Елена Мочалова

Редактор — оформитель: Юлия Бубенко

Переведено для группы: http://vk.com/world_of_different_books

**Любое копирование без ссылки
на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Аннотация

24-летний Пакс Тейт — козел.

У него есть татуировки. Он плохой мальчик с плохими привычками.

Но на это у него есть свои причины.

Его мать умерла, когда ему было семь, оставив после себя большую дырку в его сердце.

Пакс мучает чувство вины, но он не понимает, почему. Он знает только то, что после смерти матери они остались с отцом одни, и большое количество проблем свалилось на них.

Пакс взросел, пытаясь быть таким, каким его хотел видеть отец — идеальным пай-мальчиком, но это не сработало. Отец не смог пережить скорбь, и смерть матери, а Пакс не смог удержать эту маску идеального ребенка.

Так он потерял себя...

Сейчас он употребляет наркотики и трахает всех женщин без разбора. Внутри у него пустота, с которой он не хочет бороться. Если притворится, что пустоты нет, ее ведь не станет, правда?

Ошибаетесь.

Он понимает это, когда встречает Милу.

Милая, красивая Мила Хилл. Она, как глоток свежего воздуха. Красота, для его уродливого сердца. Он не знает, как не сделать ей больно, но быстро понимает, что должен это выяснить, потому что нуждается в ней, как в воздухе.

Мила находится рядом с ним, когда воспоминания о матери опять возвращаются к нему оттуда, где он их похоронил. Мила единственная... единственная, кто может спасти его поломанное, обеспокоенное сердце от проблем и пустоты.

Но только, если он сможет поменять свою жизнь так, чтобы она смогла это сделать.

Он знает это. И работает над собой.

Но достаточно ли этого, чтобы она смогла остаться?

Глава 1 Пакс

Я не уверен, что девушка назвала мое имя. Ее голос такой приглушенный и неразборчивый, что трудно разобрать. В основном, потому что мой член находится у нее во рту.

Резко облокотившись на черную обивку сидения своей машины, я направляю голову девушки еще ниже, бессловесно убеждая ее взять меня как можно глубже. Прямо в горло.

— Не разговаривай, — говорю я. — Просто соси.

Я закрываю глаза и слушаю. Я слушаю, как слюни двигаются у нее во рту, и вытекают из угла рта. Ее щеки создают мягкий звук, задевая мою открытую ширинку. Она периодически стонет, но я не понимаю почему. Она ничего с этого не получает. Мои руки на ее голове направляют, подталкивают, руководят ее движениями и скоростью. Я хватаю волосы у нее на шее и погружаю в них пальцы, отодвигаю, а затем приближаю обратно.

Она опять стонет, но я до сих пор не понимаю почему.

Мне все еще все равно.

Я пиздец, как обдолбан.

И еще, я не помню, как ее зовут.

Все, как в тумане, кроме этого момента. Я отключаю все назойливые звуки озера Мичиган справа и звуки шоссе, находящегося в нескольких милях отсюда. Блокирую все огни, освещдающие город. Я погружаюсь в блаженную тишину, и отматаю мысль о том, что кто-то случайно может нас увидеть. На пляже сейчас никого нет, не в 11 часов вечера. И вообще, это меня не волнует.

Прямо сейчас я сосредоточен на минете.

Я знаю, что пока не готов кончить, но я не говорю ей об этом, потому что не хочу, чтобы она остановилась. Я даю ей еще пару минут пососать, а затем отталкиваю.

— Сделай перерыв, — говорю я ей и отодвигаюсь обратно на сиденье.

Я не собираюсь убирать своего дружка обратно. Вдохнув запах морского бриза, я громко зеваю и расслабляюсь. Девушка смотрит в зеркало заднего вида, и пытается справиться с беспорядком на своем лице.

— Подожди, — говорю я. — Задержись на минутку.

Она смотрит на меня в замешательстве. Ее помада размазана.

Я улыбнулся.

— Я знаю, что ты хочешь немного этого, — говорю я ей, доставая маленький пакетик из кармана своего пиджака. Я высыпаю пару кокаиновых пакетиков на маленькое зеркало, и разделяю их с помощью лезвия, превращая в две равные линии.

Я предлагаю ей маленькую соломинку, а она улыбается мне своим искаженным ртом клоуна.

Она нюхнула свою дорожку, закашлялась, снова нюхнула.

Откинувшись обратно на свое сиденье, она запрокидывает свою голову к крыше машины и ждет, пока наркотик подействует. Ее глаза были пусты, когда она передала мне соломинку. Я сомневаюсь всего секунду в том, что кокайн подействовал.

Сегодня я жестко обдолбался, больше чем обычно.

Больше, чем всегда.

Но почему-то именно сегодня мне нужно раствориться в темноте.

В такие паршивые дни как этот, я употребляю сильные наркотики.

Кокс никогда меня не подводит. Я всегда знаю меру. Я надеюсь на него даже тогда, когда не могу надеяться ни на что.

Взяв соломинку, я вдыхаю свою линию.

Знакомое жжение немедленно сковывает мое горло. Пустота проходит по всему телу, притупляя чувства, ускоряя ритм сердца. Я чувствую, как кровь пульсирует в нем тяжело и загнано, неся кислород к моим оцепенелым пальцам.

Сука, как же я обожаю это дермо.

Я люблю его действие. Оно притупляет все, кроме моего внимания. Мне нравится то, как усиливается мое понимание, пока все остальное уходит в черноту и онемение.

Там находится мое любимое место, там мне удобно. Дрейфуя в этом небытие, в этом мраке.

Кокс позволяет существовать, не думая ни о чем.

Перед тем, как схватить девушку за шею, я провожу пальцами по зеркалу с остатками кокса и размазываю его по всей длине своего члена. Я передвигаю ее голову вниз, и она охотно открывает свой рот. Это происходит не против ее воли. Она хочет быть здесь.

Особенно сейчас, после того, как получила дозу от меня. Сейчас, когда она слизывает свою привычку с моего члена.

— Заканчивай, — говорю я ей, поглаживая спину во время движения.

Я уже не чувствую своих пальцев.

Ее голова качается еще пару минут и я, без предупреждения, кончуя ей в рот. Ее глаза расширяются, и она начинает отодвигаться. Сперма вытекает

из ее рта. Пока мой член не перестал пульсировать, я быстро хватаю ее за шею и притягиваю обратно.

— Глотай, — говорю я ей вежливо.

Ее пустые глаза расширяются, но она все проглатывает.

Я улыбаюсь.

— Спасибо, — все еще вежливо, говорю я ей.

Я перегибаюсь через нее, и открываю пассажирскую дверь. Она скрипит, а затем открывается широко, доказав то, что машина сделана из железа аж в 1968 году. Я вытаскиваю свой кошелек и достаю из него помятую двадцатку.

— Купи себе что-нибудь поесть, — говорю я ей. — Ты слишком тощая.

У нее слишком тонкий взгляд, взгляд девушки — наркоманки. Она очень худая.

Наркотик заменяет все, и если вы не заставите себя есть, то похудеете и будете выглядеть, как худое дермо.

Эта девушка, пока что, не выглядит, как дермо. Она симпатичная, но не красотка. Каштановые волосы, бледные голубые глаза, мягкое тощее тело. Я могу послать ее, или попросить остаться.

Она смотрит на меня и вытирает свой рот.

— Моя машина в городе. Ты не собираешься отвезти меня обратно?

Я смотрю на нее и отмечаю, что она не одна, ее три. Потом снова одна, потом опять три. Я пытаюсь вытряхнуть смуту из своей головы. Пытаюсь сосредоточиться.

Не получается. Все равно ее три.

— Не могу, — говорю я ей, роняя свою потяжелевшую голову на спинку сиденья. — Я слишком обдолбан, чтобы ехать. Я не виноват в том, что ты обула эти пятидюймовые стриптизерские туфли. Просто сними их. Тебе так будет легче идти. Тем более, тут не далеко.

— Ты — гребаный засранец, Пакс Тэйт, — говорит она сердито. — Ты знаешь это?

Она берет свою сумочку с пола и хлопает дверцей машины с такой силой, на которую была способна. Моя «Опасность» встряхнулась после такого.

Да, я дал имя своей машине. Додж Чарджер 1968 года выпуска заслуживает имени.

И мне пофиг на то, что эта маленькая кокаиновая шлюшка назвала меня засранцем. Я не собираюсь этого отрицать. Я и есть засранец.

Прямо сейчас я не могу вспомнить ее имя, но мне потребовалась всего секунда для того, чтобы вспомнить имя своего автомобиля.

Я бы смог вспомнить имя девушки утром, а может и не смог бы.... Но это не имеет никакого значения. Она все равно вернется. Она всегда возвращается.

У меня есть то, что она хочет.

Стянув с себя пиджак, я кладу его на пассажирское сиденье. Застегивая свои штаны, я смотрю, как она уходит прочь. Открыв дверь со своей стороны, я выставляю свой ботинок за дверной порог, позволяя прохладному бризу шелестеть по моему покрасневшему разгоряченному телу.

Пейзаж на побережье очень разнообразен: обрывистый, покатистый и дикий. Он такой огромный, что заставляет меня чувствовать себя маленьким ребенком.

Ночь черна, как смоль. На небе едва виднеются звезды. Сейчас одна из таких ночей, когда человек может исчезнуть в темноте. Моя любимая разновидность ночи.

Прислонив свою голову к сидению, я позволяю машине крутиться вокруг меня. Такое чувство... как будто сиденье — мой якорь, и оно держит меня на земле. Без него я, наверное, улетел бы в космос. Никто и никогда меня бы больше не увидел.

Кстати, это не плохая идея.

Машина вращается слишком быстро. Даже в таком состоянии я понимаю это. Но я не буду беспокоиться об этом.

Вытащив маленький пузырек из кармана, я принимаю какую-то таблетку, чтобы замедлить все вокруг.

Мой пузырек, как шляпа фокусника. В нем можно найти все, что хочешь. Все, что нужно. Быстрое или медленное, белое или черное, капсулы или таблетки. У меня все это есть.

Я запиваю таблетку глотком виски, и даже не чувствую жжения, когда жидкость стекает по моему горлу. Около минуты я рассматриваю вещи, которые крутятся и расплываются вокруг меня. Я решаю, что нужно принять еще одну таблетку, а, может, даже две. Положив их к себе в рот, я снова делаю большой глоток Джека Дэниэлса, и выкидываю бутылочку на пол с пассажирской стороны. Я не помню, закрыл ли бутылочку крышкой.

А потом мне становится все равно...

Наркотический туман размывает мое зрение. Все черное и серое сливаются воедино, и я закрываю глаза. Я до сих пор чувствую, что кручусь и кручусь по кругу.

Ночь поглощает меня, и я проваливаюсь в темноту.

Я нахожусь далеко за облаками и ночным небом, пролетаю около звезд и луны, приближаюсь и трогаю их пальцами.

Я смеюсь, или мне кажется?

Трудно сказать в этот момент. Я не понимаю, что реально, а что нет. И я люблю это чувство блаженного рая.

Глава 2 Мила

Я люблю ночь.

Я люблю в ней все.

Мне нравится смотреть, как темнота прячет вещи, которые я, возможно, не хочу видеть, и в то же время, показывает то, что я не увидела бы при свете дня. Я люблю звезды и луну. Я люблю наблюдать, как озеро Мичиган превращается из чёрного в темное и мерцает, как ониксовая крошка в лунном свете.

Я ступила на мягкий влажный песок пляжа и взялась за фотоаппарат. Здесь всегда прохладный бриз, все потому, что холодный воздух идет с озера. Вода всегда холодная. И летом, и зимой, как будто Бог бросил в нее большой стакан воды со льдом.

Прежде чем снова посмотреть сквозь объектив фотоаппарата, я потуже затянула свитер вокруг себя.

Сегодня полная луна, она висит прямо на краю горизонта, там, где вода встречается с морем. На ней есть красноватый оттенок. Моряки называют ее «Кровавая Луна» и я понимаю почему. Она просто прекрасна. Очень редко можно увидеть такую красоту. Вот, почему я сегодня здесь.

Я начала делать снимки. На коленях, стоя, опять на коленях.

Я задохнулась, когда большой клубок тумана проплыл перед луной. Никогда не видела ничего прекрасней этого. Я нарисую эту удивительную картину. И в печатаном виде она будет выглядеть хорошо. В любом случае, для меня это выгодно, так как у меня есть покупатели для обеих картин.

Я сделала не меньше сотни снимков, прежде чем окончательно определиться со светом, яркостью и углом. Отправив свою камеру в сумку, я сделала глубокий вздох свежего озерного воздуха и насладилась своей обратной прогулкой по пляжу. Я люблю, когда мои босые ступни проваливаются в серебристый песок. Я всегда обращаю внимание на то, чтобы случайно не споткнуться о неровность песчаного берега.

Это хорошая ночь, я позволяю своим мыслям дрейфовать. Мертвая тишина и такой чистый воздух. Даже чайки легли спать, так что нет никого, кто бы побеспокоил меня. Полное и прекрасное одиночество.

Пока бриз сдувает волосы с моего лица, я рассеянно думаю о делах в своей студии. Думаю о том, что мне нужно завтра заказать, чтобы пополнить запасы своего художественного магазина. Думаю о том, закрыла ли входную дверь дома перед своим уходом. Хотя... меня это мало волнует.

Я должна быть более аккуратна на счет своей безопасности и, конечно, еще более аккуратна по поводу ночных прогулок одной в большом городе. Но здесь, в Анджэл Бэй, я абсолютно спокойна на счет своей безопасности. Самое криминальное, что тут может произойти — это зеваки во время туристического сезона.

Спустившись с пригорка, я пошла к парковочному месту, где оставила свою машину. Я удивилась, увидев черную блестящую машину, стоящую капотом к реке. Ее не было, когда я сюда приехала.

Я вздохнула, мое одиночество было прервано. Но, по правде говоря, это не имеет никакого значения. Все равно я уезжаю.

Я возвращаюсь к тротуару и иду в сторону своей машины, но тут замечаю другую машину, дверь которой была широко распахнута. Оттуда раздаются звуки. Судя по всему, ключи находятся в замке зажигания.

Это странно, и я останавливаюсь, глядя на одинокую машину.

Мне не по себе, потому что темно, а я одна. Но настойчивое жужжание из открытой двери автомобиля тянет меня к нему. Я могу только надеяться, что владелец машины не серийный убийца. Я оборачиваю пальцы вокруг мобильного телефона в кармане, будто это действительно может оградить меня от опасности. Несмотря на всю нелепость этой мысли, я крепко держу телефон в ладони.

Подойдя ближе, я вижу черный потрепанный ботинок, свисший через дверной порог автомобиля. Он не двигался.

Я думаю, что человек спит. Но здесь что-то, кажется... неправильным. Что-то ощутимо зловещее нависает тут как облако.

Не многие люди могут спать при раздражающем шуме, исходящем из открытой двери машины.

Я подкрадываюсь к машине и заглядываю внутрь. В салоне стоит жуткий запах рвоты, и я сразу замечаю причину этого. Парня, находящегося на водительском сиденье, вырвало. Остатки рвоты стекают с его подбородка. Я содроганием смотрю на это. Определенно, это не звездный час парня.

Я знаю, что он дышит, потому что издает какие-то странные булькающие звуки.

Это явно не хорошо.

Я встряхиваю его за плечо. Его голова свободно падает на грудь. Я снова его встряхиваю, но он не приходит в себя, а его голова просто бевольно мотается из стороны в сторону, как у куклы со сломанной шеей.

Святое деръмо.

Я начинаю паниковать все больше и больше с каждой минутой, мое сердце стучит как у колибри, которую поймали в клетку. Я не знаю, что делать. Может, он слишком много выпил, отчего и потерял сознание. Я замечаю бутылку виски на полу, это может подтвердить мою теорию. Но что-то не так.

Первое, о чем я думаю — надо позвонить.

Я достаю свой телефон и набираю 911.

Они отвечают на втором гудке и спрашивают, что у меня произошло. Я смотрю на молодого парня.

— Я не уверена, — нервно говорю я, — но меня зовут Мила Хилл, я на парковке Гроуз Бич. Тут парень в своей машине. Я не могу разбудить его. Кажется, с ним что-то случилось.

— Он дышит? — спокойно спрашивает женщина. Я еще раз проверяю и говорю:

— Да.

— Это хорошо. Ты можешь подождать с ним, пока приедет помочь?

— Да, — отвечаю я, — я буду ждать с ним.

Я знаю, что помощь уже в пути, и это успокоило меня.

Я отхожу назад на пару шагов и смотрю на парня.

Он продолжает сидеть неподвижно. Я решаю рассмотреть его.

Я замечаю татуировки на бицепсах и зубчатые шрамы в форме буквы «Х» у большого пальца. Я отмечаю это, потому что его рука болтается снаружи автомобиля.

Рвота стекла по его предплечью и капнула прямо на тротуар.

Меня передернуло от отвращения, но я подошла к нему, поднимая руку и кладя ее ему на живот. Он был покрыт рвотой.

Если бы он не лежал в этой блузотине, то был бы даже довольно красивым. Я была уверена в этом, даже в темноте. Он выглядел как парень конца двадцатых. На нем были черные джинсы, черная футболка, а его волосы были коричневато-светлыми. На щеках виднелась однодневная щетина, и сейчас я действительно захотела, чтобы он открыл глаза.

— Проснись, — говорю я ему. Я его не знаю, но определенно хочу, чтобы он был в порядке. Я и до этого видела, как люди падали в обмороки от

алкоголя. Это не то. Это гораздо хуже. Странное бульканье из носа является тому доказательством.

Я снова смотрю на его машину. Я видела ее по всему городу, но его вижу в первый раз. Я никогда не сталкивалась с ним... до сих пор. И это очень дерзкое первое впечатление.

Я снова пытаюсь разбудить его и слышу гневный женский голос:

— Пакс, ты гребаный засранец! Я не дойду до города, так что отвези меня.

Я напугалась и выпрямилась, встретившись лицом к лицу с владельцем этих слов.

Она вздрагивает, как и я.

Я видела ее раньше. Она девушка, которая вечно болтается в баре на главной улице. Так как мой магазин находится всего в нескольких кварталах от отеля, я видела ее, гуляя там. Прямо сейчас на ней была мини-юбка и рубашка, которая открывала пупок. На ее коже были старые, выцветшие татуировки, а макияж был размазан. Замечательно.

— А ты еще кто? — спрашивает она, шагая к машине. Ее каштановые волосы взъерошены и запутаны.

Она выглядит очень сурово. А как только замечает парня в машине, начинает кричать.

— Пакс, — кричит она и бросается к нему, — о, мой Бог. Проснись. Проснись! Я не должна была оставлять тебя.

Святое дерзко, святое дерзко.

— Что с ним случилось? — быстро спрашиваю я ее, — я позвонила 911, потому что не смогла разбудить его.

Она отворачивается от него.

— Ты позвонила в полицию? — она встает, — зачем ты это сделала?

Я недоверчиво взглянула на нее. Очевидно, что ее логика сильно отличается от моей. Ее приоритеты, безусловно, в другом месте.

— Потому что ему нужна помощь, — ответила я, — очевидно, помощь уже едет.

Она снова смотрит на меня, но парень в машине, Пакс, начинает снова булькать. А потом он резко останавливается.

Его подбородок по-прежнему лежит на груди, которая больше не двигается.

Мы с девушкой смотрим друг на друга.

— Он не дышит! — плачет она, хватая его, — Пакс! Проснись!

Она так сильно его трясла, что даже зубы бились друг о друга, издавая клацанье. Я хватаю ее за руку.

— Это не поможет, — говорю я ей быстро

Святое дермо. Он не дышит. Мой ум гудит, пока я думаю, что делать, и, прежде чем принимаю решение, мое тело начинает двигаться из-за тела Пакса.

Он наполовину выходит из машины, а затем, резко падая на землю, слегка ударяется головой о бетон. Ноги запутались под рулевым колесом, и теперь мы обе были покрыты его вонючей рвотой.

— Помоги мне, — кричу я на неподвижную женщину. Она встает, несмотря на свою истерику, и мы дотаскиваем парня до песчаного тротуара. Я встаю на колени рядом с ним и чувствую, как его сердце тихо бьется. Хотя, было невозможно предположить, сколько это будет длиться, потому что он уже не дышал.

Черт.

Я пытаюсь вспомнить детали того, как делать искусственное дыхание, но я не в состоянии, а затем просто делаю все от меня зависящее. Я зажимаю ему нос, наклоняю голову назад и вдухаю ему в рот. На вкус это было как пепел, Джек Дениелс и рвота. Я борюсь с желанием бросить все это к черту, но делаю еще пару вдохов.

Я останавливаюсь и прислушиваюсь к сердцебиению.

Ничего.

Он по-прежнему не дышит.

— Сделай что-нибудь, — запищала девушка

Я снова вдохнула ему в рот.

И снова.

И снова.

Ничего.

Какого черта мне теперь делать? Я отбиваюсь от вкуса во рту. Сейчас я сосредоточена только на том, чтобы наполнить его легкие кислородом, пытаясь заставить его дышать. Но это не работает.

Он не дышит.

Я в бешенстве и на грани истерики, когда делаю два последних тщетных вдоха. И вдруг он начинает кашлять, отворачивается и его вырывает.

Я быстро переворачиваю его на бок, чтобы он не подавился.

К этому моменту мы оба были полностью в его блювотине. Это неприятно, но, по крайней мере, теперь он дышит. Медленно, но дышит. Его глаза все еще закрыты, но я замечаю, как они двигаются под его веками.

И тогда он начинает биться в конвульсиях.

О, мой Бог. Я не знаю, что делать.

— Что нам делать? — спрашиваю я у девушки позади меня.

Я даже не смотрю на нее, я просто сосредотачиваюсь на оранжевой пене, выходящей изо рта этого парня.

Я хватаю его за руку и начинаю придерживать. Он сильный, даже в таком состоянии, и это забирает у меня всю силу, отчего держать его неподвижно становится все сложнее и сложнее. Я практически лежу грудью на руке, лежащей подо мной. Через некоторое время его судороги заканчиваются. Но он все еще дышит. Я слышу стук его сердца. Кажется, будто каждый вздох для него был пыткой.

Я на грани истерики от незнания того, что делать, когда вижу красные и синие огни.

Я облегченно выдыхаю. Помощь прибыла.

Слава Богу.

— Беги и приведи их сюда, — говорю я девушке, оборачиваясь, но ее уже нет.

Что за черт?

Я смотрю в темноту, пытаясь высмотреть, куда она могла убежать. Судя по всему, она не хочет быть здесь, когда приедет помощь.

Интересно.

Парамедикам понадобилась всего минута, чтобы выпрыгнуть из машины и начать оказывать помощь парню, лежащему передо мной.

Я не уверена, что мне следует делать, поэтому я отхожу назад и начинаю ждать. Я вижу, как они засовывают дыхательную трубку ему в горло. А потом я замечаю, как они делают непрямой массаж сердца, что может означать только одно.

Его сердце остановилось.

Я вдруг почувствовала себя так же.

Не знаю почему. Я ведь даже не знаю его. Но, будучи брошенной с ним в этой тяжелой ситуации, я почувствовала связь с ним. Это глупая мысль, но я не могу избавиться от нее. Несмотря на то, единственное, что я знаю о нем: как его зовут.

Пакс.

Я слышу отвратительный звук хруста костей. Это произошло от того, что медработники пытаются снова заставить его сердце биться. Это заставляет меня съежиться, и я с нетерпением иду прочь, пытаясь немного успокоиться.

Полицейский подходит ко мне и начинает задавать вопросы.

Знаю ли я его?

Что я делаю здесь?

Как я нашла его?
Был ли он один?
Знаю ли я, как долго он находится здесь?
Знаю ли я, что он принимал?
Как много он выпил?
Копы работают монотонно, поэтому я стараюсь отвечать как можно понятнее.

К тому времени, как все вопросы заканчиваются, медики загружают Пакса в машину скорой помощи и везут по дороге, ведущей в город.

Это должно быть хорошо.

Это означает, что он все еще жив.

Правда?

Я застываю на месте, пошатываюсь и смотрю на уезжающий медицинский фургон, сквозь полицейскую машину. Коп отмечает некоторые пункты, складывает что-то в пластиковые мешочки и качает головой.

— Не знаю, почему я беспокоюсь. Его отец в прошлый раз добился этого же,— пробормотал коп. Я не уверена, говорит он со мной или про себя. Поэтому я спрашиваю у него.

Он мрачно улыбается:

— Ситуация просто неприятная. Вот парень, который может построить мир, но он, кажется, решительно настроен трахнуть тебя. Прости мой язык. Но ему нужно быть в тюрьме или в реабилитационном центре, чтобы исправиться. Но у него есть деньги, а его отец большая шишка среди адвокатов Чикаго, так что он всегда получает пропуск. По крайней мере, до тех пор, пока его не увезут в мешке для трупов. Ему просто повезло, что ты нашла его сегодня. Иначе это был бы тот самый день.

Какая удача.

Я представляю оранжевую пену, которая исходила из его рта. Что бы он ни съел, ему повезло.

Все еще потрясенная, я иду к своей машине и падаю на сидение. Я вся в блювотине, и мой рот на вкус как пепельница. Я хватаю бутылку воды, залпом выпиваю ее, и прополаскиваю рот.

Какого черта только что произошло? Я пришла сюда, чтобы сделать несколько снимков красивого, спокойного полнолуния и закончилось это тем, что я спасла чью-то жизнь. Если только он не умрет.

Думаю, в конечном итоге, я вообще ничего не сделала... за исключением того, что приобрела ужасный привкус чужой рвоты во рту.

Я выпиваю еще одну бутылку воды и поворачиваю ключ зажигания.

Надеюсь, он не умрет.

Очень надеюсь.

Глава 3 Пакс

Я чувствую свет, угрожающее просачивающийся в мои закрытые глаза, поэтому сжимаю их крепче. Я еще не совсем готов проснуться.

Чтоб тебя, мир. Ты можешь подождать?

Упрямо отказываясь открыть глаза, я тянусь за флаконом, который должен быть рядом со мной на тумбочке, вместе с пачкой сигарет, зажигалкой и бритвой.

Мои пальцы неловко нащупывают, что кровать стоит не там, где она должна быть.

Бормоча себе под нос, я решаю, что если моя гребаная домработница продолжит перемещать это дерьмо, то я уволю ее.

Но, когда мое сознание возвращается по крупицам, я понимаю, что я не там, где должен быть.

Кровать подо мной твердая и маленькая, и на мне эти пластиковые извилины, которые чувствуются, когда я двигаюсь.

Что за фигня?

Я открываю глаза и понимаю, что я, кажется, в больничной палате. Игла IV, приkleена к моей руке, я одет в тонкую больничную одежду, а одеяло огибает мои ноги.

Что.

За.

Фигня.

Я смотрю вокруг и быстро понимаю, что я один. Стены голые и белые, на доске нацарапано «*Ваша медсестра на сегодня – Сьюзен*», а рядом висят тикающие часы.

Тик, тик, тик.

Этот шум раздражает. Эти черные стрелки говорят мне, что сейчас 3:07.

Как долго я здесь? Я вижу пластиковый мешок. На нем черным маркером написано мое имя.

Мешок лежит на соседнем стуле, а мои сапоги стоят на полу под ним.

Вот и все.

Я один. В больничной палате и я не помню, как попал сюда.

Это дезориентирует.

Я сосредотачиваюсь, пытаясь сохранять спокойствие; пытаюсь вспомнить последнее место, где был.

Возникает вихрь туманных воспоминаний: сокрушительный звук, лунная ночь. Песок. Звезды.

Пляж. Я был на пляже с этой шлюхой, с Джилл. Она всегда готова сделать все, за несколько порций кокса. И так как я был в настроении для минета, то позвонил ей. Но все равно, я не помню многое другое.

У меня есть несколько туманных воспоминаний о том, как Джилл уходила. Вроде бы, она кричала.

И все.

И теперь я здесь.

Блиииииин.

Я застонал. Как только я это сделал, медсестра зашла через дверь в выцветшем голубом халате, с усталым выражением и стетоскопом, обернутым вокруг ее шеи. Она, должно быть, Сьюзен. И глаза Сьюзен загорелись на мгновение, когда она увидела, что я в сознании.

— Мистер Тейт, — сказала она с интересом. — Вы проснулись.

— Да, вы гений, — я устало вздыхаю, ложась на подушки. Мне должно быть стыдно лежать с голым членом рядом с ней, но мне все равно. Я чувствую себя усталым и больным. Я вытащил свою IV иглу из руки. Липкая лента тянет за волоски на моей руке.

— Можете ли вы убрать эту вещь? Она щиплет.

Усталые глаза Сьюзен выглядят веселыми, она понимает, что выводит меня из себя.

— Вы находите здесь что-то смешное? — огрызаюсь я.

Она качает головой, закатив глаза.

— Не-а. Нет ничего смешного в том, что двадцатичетырехлетний ребенок испытывает свой организм. Я нахожу интересным то, что вы жалуетесь на иглу капельницы, которая кормит вас, но вас не заботит, что щипало ваш нос, когда у вас была передозировка.

Я посмотрел на нее так резко, как смог, хотя это трудно сделать, когда на тебе надето прозрачное больничное платье, завязанное на спине.

— Я не испытываю свое тело, — прорычал я. — Черт. Если бы я хотел убить себя, я бы сделал это давным-давно. Только слабаки убивают себя. А я не гребаный слабак. Кто ты такая, чтобы судить меня? Ты не знаешь меня.

Я сейчас зол, из-за ее осуждающего лица и ее заблуждений. Какая-то сука в изношенном хлопковом халате, работающая за пятнадцать баксов в час, серьезно думает, что может сказать мне, что к чему?

— Пожалуйста, не кричите на меня, мистер Тейт, — вежливо говорит озлобленная медсестра, тыча по кнопкам на моей IV машине. — Я здесь только для того, чтобы помочь. Я не осуждаю вас. На самом деле, я видела ситуации и похуже. Я позвоню вашему доктору и скажу, что вы не спите. Ваш отец оставил кое-что для вас.

Она подходит к маленькому комоду, который стоит напротив кровати и поднимает сложенный лист бумаги, предназначенный для меня. Когда она протягивает его мне, ее сухие пальцы касаются моей кисти. Выражение ее глаз меняется, в них появляется сочувствие. Сентиментальность можно только приветствовать.

Я беру бумагу, хрустящую в моей руке.

— Как долго я здесь? — спрашиваю я.

Я спокойнее, более вежлив. Она права. Она здесь, чтобы помочь, или, по крайней мере, она заботиться обо мне. Это, наверное, в мою пользу не обоссать ее. Судьба моих обезболивающих таблеток находится в ее руках.

Медсестра смотрит на доску.

— Похоже, четыре дня.

— Четыре дня? — Я поражен. — Я был тут в течение четырех дней? Что за черт?

Она смотрит на меня, строгое выражение лица для нее в порядке вещей.

— Вы были в очень плохом состоянии, Мистер Тейт. В очень плохом. Поймите, вам очень повезло. Ваше сердце останавливалось дважды, вам делали искусственное дыхание. Вы были в сильной отключке, чтобы ваш организм смог вернуться к нормальному состоянию после всех стрессов передозировки. Вы, наверняка, заметили небольшую боль в груди. Нужно было просунуть дыхательную трубку. Несколько ваших ребер были сломаны в момент усиления искусственного дыхания.

Я смотрю на нее тупо.

— Я умер?

Она кивает.

— Видимо. Но вы не мертв. Вам сделали подарок, мистер Тейт. Вы должны обдумать это. Я собираюсь пойти за врачом.

Она поворачивается на каблуках и уходит. Ее белые теннисные туфли скользят по полу.

Я полностью ошеломлен.

Я, черт возьми, умер.

И теперь, когда она сказала это, мои ребра заболели. Черт. Я начинаю стонать, когда боль доходит до моего живота. А потом я вспоминаю, что скомкал записку в руке. Я смотрю на бумажку, на ней смелые каракули.

Почерк моего отца.

Пакс,

Я кое-как помог тебе в этот раз. Я позвонил в последний момент. В следующий раз, когда ты ослушаешься — будешь отбывать срок.

Возьми себя в руки. Если тебе нужна помощь — попроси ее.

Думаю, ты должен переехать в Чикаго, так ты сможешь быть ближе ко мне. Я помогу тебе в любом случае, если смогу. То, что у тебя есть деньги, не означает, что тебе не нужна эмоциональная поддержка. Ты не можешь делать все в одиночку.

Подумай об этом.

И держись подальше от неприятностей.

— Папа.

Я борюсь с желанием смеяться, потому что знаю, что моим ребрам будет больно. Что за фигня? Идея того, что мой папа думает, будто он может предложить мне эмоциональную поддержку, слишком смешная, чтобы

принимать ее всерьез. Я не думаю, что он имеет хоть какие-нибудь эмоции. С тех пор, как умерла мама. Она забрала человеческую сторону Пола Тейта с собой.

Я бросаю записку в мусорную корзину, но она отскакивает от края и падает на пол. Дерьмо.

Я пытаюсь подняться и подобрать ее, но решаю этого не делать. Это слишком тяжело и это не так важно. Уборщица заберет ее позже.

Однако, прежде чем я смог обдумать это, кончик обуви появился рядом с ней. Мой взгляд поднимается вверх и находит девушку, которая стоит там. Она смотрит на меня ясными, зелеными глазами, держа при этом вазу с цветами.

Она чертовски прекрасна.

Моя кишка сразу сужается. Святое дерьмо.

Она небольшая, с длинными темными волосами, лежащими на одном плече, и ясными зелеными глазами, которые обрамлены густыми черными ресницами. Ее кожа светлая и сияющая. И почему я заметил ее кожу, когда у нее такая замечательная фигура? Я борюсь, чтобы убрать взгляд от ее большой груди и сосредоточиться на лице.

Она улыбается широкой, белоснежной улыбкой. Великолепная улыбка.

— Привет, — говорит она тихо. — Я не знала, что ты не спишь.

Есть что-то нежно-знакомое в ее голосе, как будто она меня знает.

Я в замешательстве. Как сильно я облажался? Знаю ли я эту девушку? Мои инстинкты говорят, что нет. Она не из тех девушек, которые бродят около меня. Я обычно держусь вокруг тех девушек, которые готовы сделать все, что я захочу, только потому, что я могу дать им то, что нужно. Эта девушка не является одной из них. Это совершенно очевидно. Она пахнет солнцем и здоровьем. Это чуждо мне. И это увлекательно.

Я провожу рукой по волосам.

— Прости. Мы знакомы?

Красивая девушка краснеет, слабый розовый оттенок появляется вдоль нежного изгиба ее щеки. У меня сразу же появляется желание провести пальцами по ее лицу, хотя я не знаю, почему.

— Нет, — отвечает она, кажется, смущенная. — Я знаю, что это, вероятно, странно. Но я та, кто нашел тебя на пляже. Я приехала на днях, чтобы убедиться, что ты в порядке. А потом, хотела принести тебе цветы, потому что твоя комната казалась немного голой. Я художник, поэтому люблю цветы. И теперь, кажется, похожа на преследователя, не так ли?

Она несет какую-то ерунду. И это мило, как ад. Я улыбаюсь. И мне кажется, что я Большой Плохой Волк, а она Красная шапочка.

Большие зубы у меня есть.

Я улыбаюсь шире, особенно, когда понимаю, что она даже носит темно-красную рубашку, которая плотно растягивается по ее идеальной фигуре.

— Все в порядке, — уверяю я ее. — Мне нравятся преследователи.

Ее голова поднимается, и наши взгляды встречаются, она выглядит пораженной. Я снова смеюсь.

Что-то в ней кажется таким невинным. Она действительно была бы поражена, если бы могла слышать мои мысли о ее горячем теле.

— Спасибо за цветы, — говорю я, посмеиваясь. — Они красивые. Ты права. В комнату действительно не помешает добавить немного цвета. Ты можешь поставить их там, если хочешь.

Я предложил ей пустой комод. Она движется в этом направлении, останавливаясь, чтобы подобрать скомканную записку от моего отца.

— Это мусор? — спрашивает она невинно. Я киваю, и она бросает записку в мусорную корзину.

— Спасибо, — говорю ей. — Это как раз должно находиться там.

Она выглядит озадаченной, но не ставит под сомнение мои слова. Вместо этого, она ставит цветы на комод, садится рядом в кресло и смотрит на меня.

Я смотрю назад.

— Что? — спрашиваю я ее. — Почему ты так смотришь на меня?

Она улыбается.

— Я просто счастлива видеть тебя с открытыми глазами. Знаю, что это будет звучать глупо, но ты был в плохом состоянии на Гроуз Бич. И я была не в состоянии выкинуть эти образы из головы. Так приятно видеть, что ты проснулся и все прекрасно. Я теперь буду иметь что-то, чтобы забыть те ужасные воспоминания.

Ну, идея, что я прекрасен, остается спорной. Но я немного озадачен. Она, кажется, по-настоящему заинтересована и, на самом деле, беспокоится обо мне. Но она даже не знает меня, так почему она так заботится обо мне?

Поэтому я спрашиваю ее об этом.

И теперь она озадачена.

— Почему нет? — спрашивает она, затем тянет свою полную губу от зубов. Моя кишка сжимается снова, поскольку я мельком увидел ее розовый язык. — Любой был бы обеспокоен. И это был первый раз, когда я пробовала делать искусственное дыхание. Я даже не знаю, сделала ли это правильно. И это был первый раз, когда я видела, что у кого-то передозировка. Я не была уверена, что это было именно так, когда только нашла тебя. Казалось, что ты был просто пьян. Я рада, что вызвала скорую.

Я посмотрел на нее.

— Ты вызвала скорую? Интересно. Интересно, что, черт возьми, случилось с Джилл? Она, наверное, оставила меня умирать. Чертова шлюха. Вы получаете то, за что платите. За несколько порций кокса, видимо, много не купить.

Красивая девушка кивает.

— Да, вызвала. Девушка, с которой ты там находился, была не слишком рада. Но я думала, ты нуждаешься в этом. И получается, что ты нуждался.

Ах, так Джилл.

Была.

Там.

— Со мной была девушка? — Я поднимаю бровь, чтобы выяснить, что случилось с Джилл.

Красивая девушка качает головой.

— Ни с начала. Она пришла в то время, когда я пыталась решить, что делать. Она была зла на тебя за что-то, пока не увидела, в каком ты состоянии. А потом она впала в истерику.

— Ну, спасибо за звонок в скорую, — говорю я, медленно, глядя на нее, рассматривая ее всю. — Я Пакс, кстати.

Она улыбается.

— Я знаю. Преследователь, помнишь?

Я улыбаюсь в ответ.

— Ну, ты ставишь меня в невыгодное положение. Потому что я не знаю тебя.

И это очень печально.

Она протягивает руку, и я беру ее. Она небольшая и мягкая, почти хрупкая.

— Меня зовут Мила Хилл. Очень приятно познакомиться с тобой.

И это так.

Знаю, что должен сказать ей, чтобы она бежала далеко, далеко от меня, но я, конечно, этого не делают. Она, как солнечный луч в этих мрачных покоях больницы. У нее хорошая, здоровая энергия и мне нравится чувствовать это, говоря с ней.

Она как глоток свежего воздуха.

Может быть, я Большой Плохой Волк, но даже волку нужно дышать.

Глава 4 Мила

Я смотрю на парня в постели, на этого татуированного, жесткого парня.

Пакс Тейт чертовски сексуален и очень мужественен. На его мускулистом и сильном теле нет ни грамма жира. Я могу видеть это отсюда. У него есть сила, чтобы жить хорошо, хотя его недавняя передозировка противоречит этому понятию. Я чувствую, что в его словах есть грусть, потому что его глаза намекают на вещи, которых я еще о нем не знаю. Его тело, глаза и лицо напряжены, как камень.

И так до сих пор, хотя я и вытащила из него необъяснимые вещи.

Я не могу это объяснить. Это не логично.

Может быть, эта уязвимость скрывается во взгляде его блестящих карих глаз, кажущихся теплыми, но содержащими слишком много боли в прошлом, что и позволяет им быть такими напряженными. Может быть, это — дьявол, который выселяется из него. Или, возможно, этот его измученный

взгляд, говорит о том, что он просто ждал меня, чтобы показать, что здесь только я, потому что хочу от него чего-то такого, что не соответствует действительности, и часть меня хочет доказать это.

На самом деле, я даже не знаю, что делаю здесь.

Я подошла к нему и опустила руку прямо у того места, где его большой палец образовал букву V с указательным пальцем. Там находился зубчатый шрам в форме буквы X, как я помнила с той ночи.

— Как это случилось? — спросила я Пакса с любопытством, проводя по шраму пальцем. Он довольно старый, но очевидно, что раньше он был действительно глубоким.

Он равнодушно смотрит на него и пожимает плечами.

— Не знаю, — говорит он мне, — я не помню. Есть много вещей в жизни, которых я не помню. Думаю, это только маленькая часть всего того.

— Часть чего? — спрашиваю я. Я чувствую, что он травит меня, бросая вызов. Но зачем? Это было похоже на то, что меня пригласили поиграть в игру, но ее правила объяснять не собираются.

— Часть того, что происходит, когда ты трахаешься всю свою жизнь, — ответил он мне резко и холодно. Я чувствую желание вздрогнуть от него, но не делаю этого. Вместо этого, я просто убираю свою руку от его шрама. Его глаза встречаются с моими глазами.

Он замечает мое отступление.

— Почему ты думаешь, что трахался всю жизнь?

Я должна была заставить себя произнести это слово. И для меня это непривычно и странно, потому что обычно я такого не говорю. Пакс ухмыляется, будто знает, что от меня это звучит как-то неуместно, что это смешно. Я борюсь с желанием нахмуриться.

— Я не думаю, — отвечает Пакс устало, — я знаю это.

Он откидывается на подушку больничной койки, слегка поморщившись, при этих движениях, хотя изо всех сил старается не показать свою боль. Я вспомнила треск его ребра на пляже, когда парамедики спасали его, и вздрогнула.

— Сколько ребер сломано? — спрашиваю я, — я никогда не забуду этот звук.

Пакс удивленно смотрит на меня

— Ты видела это?

Я киваю.

— Не знаю, почему я осталась. Я не знала, что делать, так что просто стояла и смотрела, как они откачивают тебя, а потом загружают в машину скорой помощи. А потом я сняла свою рубашку и свитер, прежде чем поехать домой, потому что тебя стошило на меня, и я пахла тухлятиной. Я ехала домой в лифчике.

Пакс это позабавило. Когда он засмеялся, его глаза действительно стали мерцать, но все равно было заметно скуку, прижившуюся там.

Может быть, тепло там есть, но оно очень далеко. Или, может быть, ему было просто смешно.

— Похоже, я должен тебе свитер, — при этих словах его губы дрогнули. Я заметила, что он не извинился за то, что блевал на меня, но потом я поняла, что меня это не удивляет. Пакс Тейт не тот, кто извиняется.

Теперь моя очередь пожимать плечами.

— Не важно. У меня есть еще.

Я притворяюсь небрежной, хотя, на самом деле, это последнее, кем я могу быть. Я планировщик, вопреки своей артистической стороне. Я внимательно раскладываю вещи, планирую свою жизнь. Хотя это, я, конечно же, не планировала. Никогда бы не подумала, что буду сидеть в больничной палате с незнакомцем.

Все мои мысли, должно быть, были написаны на лице, потому что Пакс приметил что-то. Судя по всему, он не упускает ничего.

— Тебе не нравятся больницы, верно? — спрашивает он мягко.

Тон его голоса казался как чужим, так и знакомым, будто он может легко измениться в любой момент от безразличного к заинтересованному. Мысль о том, что я путаю его в чувства, вызывает отклик в глубине души, но я качаю головой.

— Нет. Мои родители умерли несколько лет назад. Я никогда больше не хочу видеть в больницах то же самое.

Пакс заинтересованно поднимает голову, рассматривая меня. Я не могу не заметить, его сильную челюсть и сведенные брови, когда он думает. Его природная красота в сочетании с мятежным и опасным отношением к жизни, делает его мучительно сексуальным.

— Они умерли по одной причине?

Он задает этот странный вопрос, а не соболезнует, как нормальные люди. Я считаю это честным любопытством, поэтому киваю.

— Да. Они погибли в автокатастрофе. Было туманное утро, и они ехали по маленькому шоссе вдоль побережья. Какая-то машина свернула на их полосу и врезалась в них. Они погибли на месте происшествия.

Я не знаю, почему сказала ему это. Я не люблю говорить об этом, хотя обычно и не приходится. Место, где я живу довольно небольшое и любой, кто жил там в то время, знает что случилось.

— Если они скончались на месте происшествия, почему у тебя отвращение к больницам? — спрашивает Пакс, с задумчивым взглядом.

И, все же, ему по-настоящему интересно.

Я вспоминаю то утро, когда я сидела в гуманитарном классе. В глазах все было размыто от того, что до этого я практически не спала ночью. Дин зашел в класс и позвал меня в холл. Его лицо было скрученным и неловким, когда он сказал мне, что произошел несчастный случай.

— Я не знаю ничего конкретного, — сказал он, — но ты должна пойти.

Так я и сделала. Я бросилась в больницу и когда вошла, почувствовала, что что-то не так. Никто не смотрел мне в глаза, ни врачи, ни медсестры, ни, даже моя старая соседка Матильда. Она молча повела меня в пустую комнату. Я думаю, это была часовня, где она спокойно сказала мне, что мои родители были доставлены в морг. А потом она поймала меня, когда я

рухнула на пол. Я до сих пор помню, как мои пальцы выпустили кожаную ручку сумки, и как та ударила о пол, выкидывая все содержимое на синий ковер. Моя помада закатилась к ногам Матильды, и она подняла ее и вручила мне, ее лицо было белым и торжествующим.

И тогда я понимаю, что только что сказала все это вслух.

Пакс пристально смотрит на меня, выражение на его красивом лице невозможно прочитать, пока он обдумывает информацию о самом болезненном дне моей жизни.

— Мне очень жаль, — говорит он спокойно, — наверное, это было ужасно для тебя. Я не хотел, чтобы ты вспоминала это.

Его слова просты, но голос — нет. Он сложный человек, и это, кажется, все, что я могу понять.

Его трудно понять и сложно, но, казалось бы, противоречивый характер интригует.

Я чувствую укол в животе, когда смотрю в его, как золото блестящие, глаза зеленого цвета.

— Это было очень давно, — просто отвечаю я, — я положу это в кровать.

— Действительно? — отвечает он, приподнимая брови, — ты, должно быть, талантлива. Иногда, я не хочу спать в прошлом.

— Это правда, я признаю.

Я встаю, поднимая свою сумку с пола.

— Я отняла у тебя достаточно времени, — говорю я ему вежливо, — огромное спасибо за то, что ты дал мне понять, что будешь в порядке. Тебе должно скоро стать лучше, Пакс.

Не знаю, пытаюсь я убедить его или саму себя. Похоже, он в этом не уверен, но он улыбается и протягивает руку. Стойную и сильную, и я беру ее. Он трясет мою руку, будто мы бизнесмены.

— Было приятно познакомиться с тобой, Мила. Спасибо за спасение моей жизни.

Его голос хриплый. Я посмотрела ему в глаза, и не могу сказать точно, что это на самом деле означает. Почему-то мне кажется, что он действительно не хочет поправиться.

Но я улыбаюсь и обворачиваюсь, чтобы уйти. Когда я уже почти была у выхода, я обернулась и посмотрела на Пакса. Он по-прежнему смотрел на меня, но его глаза... в его глазах читалось намерение и жестокость.

Я сглотнула, повернув голову назад.

И я до сих пор не понимаю, что произошло, черт возьми.

Глава 5 Пакс

Неделя в больнице, чертова неделя. Это слишком долго.

Я медленно сворачиваюсь калачиком на своей подушке и сажусь на край кровати. Я морщусь, поскольку движения беспокоят треснувшие ребра.

Так же стараюсь делать неглубокие вдохи, чтобы не было так больно. Массаж грудной клетки от медиков оставил вмятину на моей груди. Я знаю, что они пытались спасти мою жизнь, но... деръмо! А что, если им сломать четыре ребра?

Придурки.

А я жду, пока боль ослабнет, и мои глаза привыкнут к дневному свету, я смотрю из окна на большое озеро, которое маячит передо мной.

Озеро Мичиган — огромное, обширное и серое. Стоя на краю обрыва, мой дом возвышается над ним. Каждая комната с видом на озеро из окон, которые шли от потолка до пола, поэтому у меня всегда хороший вид, независимо от того, где я нахожусь. Я никогда не беспокоюсь о том, что кто-то ходит по пляжу и может увидеть, что я хожу голым по дому. Это мой частный пляж. Если это посторонние, они заслужили увидеть мою задницу.

Я тянусь за банкой на тумбочке и снова морщусь от боли.

Проводя большим пальцем по металлической оправе крышки, я рассеянно позволяю своему разуму блуждать, поскольку пытаюсь освободить голову от размытости сна. Затем я разочаровываюсь в этом, достаю белую таблетку и кладу ее в свою руку, потому что это то, что поможет мне в этом, потому что я слишком нетерпелив, чтобы ждать.

Я перестал принимать некоторые вещи. Независимо от того, что мой отец считает, что мне не нужно принимать их. Я не гребаный наркоман. И так как после промывания моего желудка и сломанных ребер мне было совсем не смешно, думаю, я буду воздерживаться от этого некоторое время.

Я завыпиваю таблетку большим глотком воды, жалея, что это было не пиво. Сейчас только 11:00, и я решил, что не собираюсь пить до 17:00 каждого дня, я не собираюсь употреблять что-либо другое до 17:00. Я не гребаный слабак.

Независимо от распространенного мнения, я могу сдерживать себя, когда хочу.

Я встаю с постели, потягиваюсь так тщательно, как только могу и иду в душ.

Мой душ — один из любимых мест в этом доме. Это огромная комната, полностью отделанная камнем, с четырьмя насадками для душа, ударяющими меня в различных направлениях. Он был изготовлен на заказ, чтобы соответствовать моему высокому росту, потому что я не хочу нагибаться, чтобы нормально помыться. Еще, если я захочу, в этом доме проходят вечеринки. И я устроил немало вечеринок в этом самом душе с девушкиами, которые были на это согласны.

Воспоминания обо всех этих голых, влажных грудях и длинных бедрах, собрались в моей голове в этот момент, и это немедленно делает мой член твердым. Я растираю мыло в ладонях и беру член в руки.

Как только я это делаю, лицо Милы появляется в моей голове. Это неожиданно и внезапно, но я сосредоточиваюсь на нем, на ее мягким голосе и полной груди. Я закрываю глаза и представляю, что это ее рука сейчас ласкает мой член. Я представляю ее мягкую кожу, соприкасающуюся с моим

телом. Я представляю, как прислоняю ее к стене и трахаю, пока она кричит мое имя, все это время ее ноги обернуты вокруг моей талии.

Это не заняло много времени, я кончил.

С довольным вздохом, я начинаю мыться. После душа я беру толстое полотенце, вытираюсь.

И все еще думаю о Миле Хилл. Какого черта?

С одной стороны, я полагаю, что это нормально. Она, в конце концов, спасла мою жизнь. Мою жизнь, а я не могу вспомнить, поблагодарил ли ее. Обычно, мне на это насытить, но в ней есть что-то, что заставляет меня думать о вещах, о которых я обычно не думаю. Что-то мягкое и сладкое, что-то реальное и подлинное.

А вот теперь, я веду себя как гребаный слабак.

Я хватаю джинсы с футболкой и натягиваю их на себя.

Я собираюсь поблагодарить ее прямо сейчас. Я просто поспрашиваю и узнаю, где она работает, скажу ей спасибо за то, что спасла мою жизнь. Она определенно не из тех людей, которым я поставляю кокс.

Нет никакой надежды, что каким-то образом мой образ жизнь или моя личность будет удовлетворять ее довольно долгое время. Да я и сам не хочу не для кого меняться.

Вставив ключ в свою машину, я думаю о ней снова, о ее темно-красной рубашке, которая была на ней, и как она растягивалась на ее полных сиськах. Это заставляет меня задаться вопросом, как они выглядят без рубашки? Ее соски, вероятно, розовые и наклонены к небу. Мой член снова твердеет.

Черт.

Мила

— Почему ты выбрала такой неподходящий момент? Я нуждаюсь в сестре.

Мэдисон поднимает глаза, она сидит за маленьким столом в моем магазине, просматривая мои последние черно-белые фотографии озера.

Ее светлые волосы лежат на стройном плече, а сама она свернулась калачиком в кресле

Темные волосы достались мне от нашей матери, в то время как Мэдди унаследовала черты нашего отца. Она выше меня, как модель. Долговязая, худая, великолепная. А я маленькая и темная. Только теперь, она и я — это вся семья. Семья Хилл, часть два.

Прямо сейчас, Мэдди, кажется, удивил мой вопрос.

— Почему? Потому что ты не упоминаешь парней в разговоре со мной уже в течение двух лет. Может быть, даже дольше. Вот почему. Это возбуждает мой интерес.

Я закатываю глаза и вытираю руки об одежду, размазывая серую и черную краску по бедрам.

Я рисую полную луну, и ночной пейзаж, и это должно быть нарисовано разными оттенками черного. Темный пейзаж, опасная ночь. Я только надеюсь, что смогу выразить это все на холсте.

— Конечно, я собираюсь рассказать о том, как спасла жизнь парню, — говорю я ей. — Любой бы это сделал. Это ничего не значит.

— Серьезно? — Мэдди выгибає бровь, ее взгляд приклеен ко мне. Я качаю головой.

— Нет. Это не так. У парня была передозировка. Я сделала ему искусственное дыхание и вызвала скорую помощь. Конец.

Мэдди улыбается подобием улыбки, это значит, что все только начинается.

— Да, но ты говорила несколько раз о том, как он хорош. Как опасен. Как увлекательен. Мне кажется, что это не Конец. И это интересует и касается меня. У этого парня передозировка. Из-за наркотиков. Ты нашла его в судорогах в его машине. Это не совсем то, что я хотела бы рассматривать, как материальные отношения.

Мэдди останавливается, ее лицо строгое и суровое. Я выпучиваю глаза.

— Мила, я говорю серьезно, — возмущается она, настаивая на том, что я не уделяю ей достаточно внимания. — Я никогда лично не встречалась с ним, хотя видела его в баре несколько раз. Я слышала, что он даже не работает. Он под опекой родителей. Избалованный ребенок, который не может нести ответственность. Судя по всему, он беспорядочный. Настоящий плохой мальчик. Он съест тебя за завтраком.

Это зашло слишком далеко.

— Мэдди, отстань, — я вздохнула. — Серьезно. Это была просто интересная ситуация, и я захотела рассказать тебе об этом. Я не буду делать ту же самую ошибку снова, поверь мне, не надо читать мне необоснованные лекции. Ты же сама говорила, что никогда даже не встречалась с ним. Кроме того, я даже не рассчитывала на материальные отношения. Я, вероятно, никогда даже не увижу его снова, так что ты можешь отключить свои инстинкты мамы — медведя. Теперь, ты можешь возвратиться к разговору о ресторане? Что случилось?

Мэдисон становится серьезной и ставит портфель в сторону, доставая ноги из-под себя. Ее глубокие голубые глаза встревожены и это привлекает мое внимание. Она заботилась о ресторане наших родителей с тех пор, как они умерли, и если она беспокоится, то я, наверно, тоже должна.

— Что случилось? — спрашиваю снова. Я нервничаю, потому что Мэдди никогда не показывает свою обеспокоенность. Как старшая сестра, она всегда скрывает это. Всегда.

Она вздыхает, ее голос тонок и слаб, прежде чем она поворачивается ко мне.

— Я, возможно, ошибалась насчет рисков, связанных с ведением этих ремонтных работ.

Я смотрю на нее смущенно.

— Ты сказала, что бюджет был прекрасен, что он будет оплачиваться весной, и, что было бы практично платить за это, потому что это приведет к увеличению бизнеса.

Она беспокойно кивает.

— Я знаю, что я сказала. И вот, что я подумала. Я не могла предвидеть, что бизнес упадет так низко этой осенью. Я не вижу шанса пережить эту зиму, раньше такого не было. Надо, чтобы был туристический сезон, тогда у нас будет достаточно работы, чтобы действительно получать достаточную прибыль, и начать платить по кредиту.

Теперь я вздрогнула.

— Что это значит? «Холм» в беде? — Эта мысль посыпает меня в панику. Наши родители основали небольшой итальянский ресторан, когда поженились, и это стало одним из основных мест в Анджэл Бэй. Он расположен прямо на пляже и является популярным местом для туристов и местных жителей в летнее время.

После смерти наших родителей, моя сестра вернулась домой, чтобы продолжить их дело. Так как она только что получила бизнес-степень, этоказалось логичным. Такое расположение позволяет содержать мою маленькую художественную мастерскую, где я продаю художественные принадлежности, мои собственные картины и гравюры. Это беспрогрышная ситуация. Как совладелец «Холма», я получаю долю прибыли каждый месяц, в то время как все еще продолжаю заниматься собственным магазином.

Но, видимо, что-то пошло не так.

— Не волнуйся, — спокойно указывает мне Мэдисон. — Это не конец света или что-то такое. Нам просто придется затянуть пояса вокруг ресторана этой зимой. Если ты сможешь взять несколько смен, это бы реально помогло. Таким образом, мы можем уволить официантов до лета.

Я киваю.

— Конечно. Я сделаю все, чтобы помочь. — Мэдисон и я ждали табели для наших родителей в средней школе и когда мы приехали домой летом из колледжа. Это было не страшно. Я могла бы сделать это с закрытыми глазами.

— Нам, возможно, также придется уменьшить нашу собственную зарплату на некоторое время, — добавляет медленно Мэдисон, ее лицо, серьезное, когда она наблюдает за моей реакцией. Я не колеблюсь, я просто киваю снова.

— Это хорошо, — говорю я ей. — Я могу выжить на те деньги, которые зарабатываю здесь.

Я смотрю на свой магазин, на картины, выставленные на стенах под светом прожекторов и гравюры, висящие на тонких стальных тросах с потолка. Есть шикарные места отдыха и современное освещение, есть мольберты и полки канцтоваров, все прекрасно устроено. Это модный небольшой магазин, в точности то, что я хотела, и он дает хорошую прибыль зимой. Он делает очень хорошую прибыль и в летнее время, когда туристы здесь. Я снова киваю.

— Я буду в порядке, — подтверждаю я. — А ты?

Она кивает.

— Да, я буду в порядке. Так как живу без арендной платы, я буду в порядке.

Когда она согласилась вести дела наших родителей, я сказала ей, что она может жить в их доме. Во всяком случае, у меня есть квартира над моим магазином, казалось, что это правильно. Хотя, в первые месяцы после смерти мамы и папы, я провела много времени с ней в их доме. Кажется, она сделала менее реальным то, что они могут прийти, в любое время открыть дверь и сказать: «*Сюрприз! Мы просто уехали на некоторое время. Но сейчас вернулись!*»

Конечно, этого никогда не происходило и, в конце концов, я вернулась в свою маленькую квартирку. Я люблю свою сестру, но мы не уживаемся вместе. Я просто урод, а она торнадо замедленного действия

— Спасибо за то, что так спокойно восприняла это, — говорит мне Мэдди, ее рот растянут в благодарной улыбке. — Как я уже сказала, это не конец света. Холм» будет отлично готов к лету, мы увидим возвращение от наших инвестиций. Но до тех пор, ремень затянут.

Я выпучиваю глаза.

— Я не ношу ремни. Но ладно. Он тугу затянут. Никого шопинга для меня.

Мэдисон довольно кивает и снова берет мой портфолио.

— Мне нравится этот, — говорит она мне. — Я хочу купить его.

Я наклоняюсь через ее плечо, глядя на серое облачное небо и полную луну. Я прекрасно вижу рябь, блеск темной воды, сияющей в черно-белом контрасте. Это прекрасно. Я улыбаюсь.

— Это великолепно. И это прошлый вечер. Я оформлю его в рамку для тебя, и ты сможешь забрать его в следующий раз, когда будешь здесь.

Она с улыбкой смотрит на меня.

— Или ты можешь вернуть его во время своей смены завтра вечером в «Холме».

Я смотрю на нее:

— Что?

— Ты сказала, что была бы не прочь взяться за дело. Ты можешь взять смену завтра. Это очень поможет. Тогда, возможно, потом мы сможем пойти и выпить. Мы давно не выбирались и все уже покрылись паутиной. Мы должны снять стресс.

У меня нет времени, чтобы спорить или напомнить моей сестре, что я редко пью, потому что колокольчик над дверьми звякнул, это звук того, что пришел клиент. Я быстро кинула взгляд на Мэдди, прежде чем натянуть улыбку на лицо и обернуться.

И тогда я замираю.

Пакс Тейт заходит в дверь в джинсах, которые выглядят, как будто они были приспособлены только для него, с корзиной в руке. Его глаза лукаво мерцают, когда он улыбается в знак приветствия, медленной усмешкой его кривых губ и уголками глаз. В течение одного дня, я забыла, какой он убийственно сексуальный.

Мои колени подгибаются.

Мэдисон поворачивается и смотрит на меня в шоке, потому что появление его здесь было за гранью фантастики. Особенно после того, как я сказала, что, вероятно, никогда не увижу его снова.

— Привет, Красная Шапочка, — Пакс растягивает слова, ставя пакет на прилавок передо мной. — Я должен тебе свитер.

Глава 6 Пакс

— Красная Шапочка? — Мила приподняла брови и на ее полных губах появилась улыбка.

Я киваю.

— По некоторым причинам, я думаю о тебе так, — признаюсь я. — Ты прогуливалась по пляжу в полном одиночестве, и появилась как раз тогда, когда я нуждался в тебе.

Мои глаза приклеены к ее лицу. Я знаю, что в помещении есть кто-то еще, но для меня это только я и Мила. Она неуверенно смотрит на меня.

— Это делает тебя большим плохим волком.

Я смеюсь.

— И теперь ты попалась, — говорю я ей.

Ее взгляд остается прикованным к моему, ее глаза ясные и темные. Мои внутренности переворачиваются при виде ее чистого и ясного взгляда. Там нет индуцированной дымки от наркотиков, которую можно было заметить у тех, с кем я обычно тусовался. Это и освежающее и страшно одновременно. Я не уверен, как действовать с ней. Но так как этим утром я проснулся, нуждаясь в ее компании, то знал, что найду выход. И вот я здесь.

— Это для меня? — Мила жестом указывает в сторону пакета, я киваю.

Она копается в нем с интересом, а затем, когда замечает все свитера, ее лицо освещается.

— Они все красные, — смеется она. — Каждый.

Я чувствую, что мои губы подергиваются.

— Конечно, они красные. Нужно же мне хоть как-то держать тебя в характере, не так ли? Я не знал, какой стиль тебе понравится, поэтому купил букет из них. Я хотел, чтобы ты была полностью готова в следующий раз, когда придешь спасать меня.

Она заметно вздрогивает и смотрит на меня, потом замирает, а ее пальцы безвольно болтаются по бокам. Я не могу не заметить ее фигуру, тонкую, как песочные часы. Ее пропорции абсолютно правильные, чтобы сводить мужчину с ума. Полная грудь, крошечная талия, пышные бедра. Мой пах твердеет.

Блядь. Я быстро думаю о мертвых щенках, монахинях и холодной свинине. Этот трюк, кажется, срабатывает и мой член успокаивается. Пока.

Мила по-прежнему пристально смотрит на меня.

— Тебя нужно спасти? — спрашивает она тихо.

Воздух между нами практически накаляется, когда мы смотрим друг на друга. Ее глаза бездонные и глубокие, такие, словно человек может попасть в них и потерять себя. Навсегда. Я волновался мгновение, пытаясь найти слова, чтобы ответить ей, когда другой человек в комнате прокашливается.

Беги.

Спасибо, Боже.

Я с благодарностью обращаюсь к другой светловолосой девушке, которую видел раньше, но я не могу вспомнить где. Она, кажется, ждет, пока Мила познакомит нас, но молчит.

Я протягиваю ей руку.

— Привет, — говорю я. — Я Пакс Тейт.

Она твердо пожимает мне руку. Возможно, слишком сильно.

— Мэдисон Хилл, — отвечает она. — Сестра Милы.

О, тогда ее суровому рукопожатию есть объяснение. Старшая сестра высматривает младшую сестру, пытаясь защитить ее от большого серого волка. Я не могу винить ее в этом.

Мэдисон смотрит на меня голубыми глазами, которые совершенно не такие, как у ее сестры. На самом деле, ничего в ней не напоминает Милу, за исключением формы носа. Она высокая и светловолосая, в то время как Мила маленькая и темная. Мила сексуальнее, хотя, мне кажется, что она так не считает. Она стоит тихо, что позволяет ее сестре пообщаться со мной.

— Так, ты чувствуешь себя лучше?

Мэдисон подняла бровь. Ее вопрос — не самый тонкий способ намекнуть мне на то, что она знает о том, что было в ту ночь. Она наверняка думает, что я какой-нибудь придурок, который недостаточно хорош для ее сестры. Я вижу это в ее ледяных голубых глазах. Дело в том, что она не понимает, что на самом деле я не такой. Да насрать, что она там думает. Она не знает меня и мою самую большую любимую мозоль — когда люди судят обо мне, не зная ничего обо мне, и не разговаривая со мной.

— Да, спасибо, — говорю я ей и приятно улыбаюсь. Я не буду перед ней унижаться, она сумасшедшая, если думает, что буду. — Твоя сестра спасла мне жизнь. В буквальном смысле.

Мэдисон не знает, как реагировать. Я вижу, что она хочет сказать многое, но если она сделает это, то не будет никакого способа не быть грубой. Недовольная, она поворачивается и целует Милу в щеку.

— Я должна вернуться в «Холм». Увидимся завтра, ладно? — она многозначительно смотрит на сестру, молча предупреждая ее на мой счет. Затем она смотрит на меня.

— Было очень приятно познакомиться с тобой.

А потом она уходит, а ее сапоги стучат о кафельный пол. Колокольчик над дверью зазвенел, давая понять, что она ушла.

Я смотрю на Милу.

— Не думаю, что я очень уж понравился твоей сестре.

Это утверждение, а не вопрос. И я даже слышу амбивалентность в моем голосе.

Очевидно то, что меня это не волнует.

Мила улыбается.

— Ну, я рада, что ты не сломался под ее взглядом.

Я пожимаю плечами.

— Я привык к такому.

Мила тихо изучает меня.

— Так, почему ты здесь на самом деле? — спрашивает она. — Мне не нужно, чтобы ты покупал мне свитер. Или шесть, — она усмехается. — Ясное дело, теперь у меня есть свитера на Рождество. Так что, спасибо.

Она делает паузу и смотрит на меня. Я раньше не замечал, насколько она тонкая. Не могу представить ее, пытающейся вытащить меня из машины. Я же тяжелее ее на сто фунтов (45 кг).

— Ну, так что? — она вопросительно поднимает бровь, и я понимаю, что задумался и не ответил на ее вопрос. Я точно не знаю, что сказать, поэтому решил просто сказать правду. Это новая концепция для меня.

— Не мог вспомнить, поблагодарил ли я тебя за то, что ты сделала, — говорю я ей. — И я не могу выкинуть тебя из головы.

Ее дыхание замирает. Я слышу испуганный маленький вдох, и я не уверен, хороший это знак или нет. Разве я напугал ее? Или она тоже думала обо мне?

Я смотрю на нее.

И на мгновение, мы приостановились. Она прикусила нижнюю губу и ее зеленые глаза блеснули. Она слегка поворачивает лицо, кривя щекой, чтобы поймать солнечный свет из окна.

Мы замерли.

А потом она разрушает эти чары.

— Ты думал обо мне? — шепчет она. — Но, почему?

— Я не знаю, — говорю я ей честно. — Может быть, чувствую, что я у тебя в долгу.

— Нет, конечно же, нет, — отвечает она быстро, ее голос ясен и точен.

— Ты не должен мне ничего. Я рада, что оказалась там, чтобы помочь, но это было чистой случайностью, и любой другой сделал бы то же самое.

Ее руки нервно дергались, пока она тасовала бумаги на прилавке. Я качаю головой и улыбаюсь.

— Не каждый бы сделал это, — говорю я ей. — Вовсе нет.

Теперь она выглядит неуверенно, вероятно, вспоминая ту ночь и то, как меня тошило на нее все время.

Наконец, она тоже улыбается.

— Ладно, хорошо. Не каждый сделал бы тебе искусственное дыхание. Может быть, ты мне должен. Что ты собираешься с этим делать?

Ее слова кажутся мне нахальными, и они поражают меня. Она удивлено смотрит на меня, как только они вылетают у нее изо рта. Но она не столь удивлена, как и я. Она флиртует? Со мной?

Со мной. С тем, у кого есть больше зубы.

Я еще раз почувствовал, что улыбаюсь ей как волк, пытаясь включить все свое очарование. Оно у меня есть, просто я очень редко его использую. Я сбит с толку относительно того, почему использую его сейчас.

— Хм, — отвечаю я, ухмыляясь своей лучшей кокетливой усмешкой.
— Что бы ты хотела? Пинту крови?

Не знаю, почему я предложил это. Наступила полная тишина. Такая, что я даже могу чувствовать, как мое сердце бьется, пока я жду ее ответа. Почему меня волнует то, что она ответит? Но я жду, затаив дыхание, пока она молчит.

— Это довольно хорошее предложение, — наконец говорит она, а ее взгляд все еще находится на мне. Мы, кажется, очень долго смотрим друг на друга.

— Ты живешь один? Я не хотела бы никого беспокоить.

Хочу признаться, сначала от ее ответа у меня появилось облегчение, а потом я удивился.

— А ты очень прямолинейная, — отвечаю я, мои губы снова дернулись. — Большинство девушек стараются быть более тонкими, когда спрашивают, есть ли у меня подруга. Но ответа нет. Я не женат. И девушки у меня нет. Не беспокойся.

Она слегка краснеет и это заметно. Мне это нравится. Это кажется очень мягким, очень женственным. Еще раз, я поборолся с желанием протянуть к ней руку и провести по этому румянцу своей рукой. Что, блядь, со мной не так?

— Хм, — отвечает она. — Я уверена, что ты неподражаем в этом.

Теперь я смеюсь, громко. Она полностью осознала это, хотя я и не уверен, что она не хотела этого.

— Мы не должны ходить вокруг да около в этом, Мила. Если ты хочешь быть у меня дома на рассвете, можешь просто упаковать сумку и прийти.

Я не мог упустить свой наводящий тон.

И она не упускает.

Она снова краснеет. Ее щеки ярко-красные.

— Это не то, что я имела в виду, — бормочет Мила. Она смущалась, и мне это нравится.

— Нет? — спрашиваю я, а мои брови взлетают. — Потому что я, безусловно, хочу устроить ночевку с тобой.

— Ни секунды не сомневаюсь, — говорит она с усмешкой. — Но нет. Хотя спасибо за приглашение. — Она смеется и теперь ее румянец исчезает. — Правда, спасибо за предложение твоего пляжа. Я могу рисовать озеро и по памяти, но всегда приятно на самом деле быть там, смотреть на него. Новый взгляд на него — это хорошо. Хотя, художники — люди визуальные.

Воздух, кажется, выходит из меня, а я даже не знаю, почему. Может быть, это мысль о ней, спящей рядом. А может, это звук ее голоса. Это, кажется, имеет огромное влияние на меня.

Я делаю шаг к ней, она выглядит неуверенной, но не отходит.

— Мужчины тоже люди визуальные, — говорю я ей мягко, а мои глаза прикованы к ней. — Так что, я понимаю. Но есть кое-что, что меня беспокоит. То, что ставит меня в невыгодное положение.

— О чём ты? — спрашивает она, не отрывая от меня глаз.

— Ты видела меня с моей слабой стороны. Может, тебе стоит увидеть меня с лучшей?

Мои слова повисли между нами. Блядь, я не знаю, что делаю.

— И когда ты лучше? — спрашивает она нерешительно. И я вижу, с решительным взглядом на её лице, что она изо всех сил старается не пугаться. Я впечатлен. Она как котенок, стоящий рядом со львом.

— В постели.

Мой ответ прост. И её глаза застреляли искрами в ответ.

— Ты высокомерный, верно? — спрашивает она, упираясь руками в стройные, забрызганные краской, бедра. — Очень.

Простого «спасибо» за спасение моей жизни было бы не достаточно. Я не вижу никакой необходимости затачивать её в постель, чтобы показать свою признательность.

Я молчу в течение минуты, прежде чем пытаюсь сгладить её взъерошенные перышки.

— Успокойся, — говорю я ей спокойно. — Прости, это привычка. Я просто пошутил. Иногда у меня неподходящее чувство юмора. Спасибо, за ту ночь. Жаль, что я не сказал этого раньше.

Она поджимает губы, а затем вздыхает.

— Все в порядке, — отвечает она. — И ты уже говорил это в больнице. Тебе было не обязательно приезжать сюда, чтобы сказать это снова. Хотя, мне было интересно... — она вдруг замолкла.

Её глаза смотрят на меня и её взгляд созерцателен. Я непоколебимо смотрю назад.

— Что? — спросил я. — Что тебе было интересно?

— Почему ты это сделал? — спрашивает она тихо. — Зачем ты это сделал? Похоже, что у тебя и так замечательная жизнь.

Я снова удивлен. Эта девушка очень прямая и могла, не колеблясь сказать все, что думает. И она думает, что я намеренно пытался убить себя. Какого хрена?

С одной стороны, её прямое отношение освежает. У меня есть ощущение, что она не играет в игры. Но, с другой стороны, это раздражает. Потому что иногда я люблю блудить в таких играх.

Но у меня есть ощущение, что Мила не переносит всяющую чушь.

— Это был несчастный случай, — пожимаю плечами я. — Я был неосторожен.

Она все еще смотрит на меня, и я борюсь с желанием вздрогнуть. Это похоже на то, как она смотрит внутрь меня, пытаясь разобрать на части и изучить. Я не люблю это.

— Правда? — спрашивает она. Мне кажется, или это звучит сомнительно? Надеюсь, что нет. — Я надеюсь, что тебе окажут помочь, потому что в следующий раз я не смогу оказаться рядом, чтобы помочь тебе.

Она поворачивается на каблуках и направляется к задней комнате. И просто так, Мила с улыбкой выходит из моей жизни.

Я удивлен тем, насколько мне не понравилось это чувство.

Глава 7 Мила

Я снова сплю.

Я иду по проходу местной церкви. Утреннее солнце светит косыми лучами через окна, я знаю, что сплю. Я знаю это, потому что посещала это место тысячу раз, когда мои родители умерли.

Сон всегда одинаковый.

Ничего не меняется.

Из-за этого, я знаю, что не в состоянии проснуться, пока все не закончится.

Я вздыхаю и опускаю взгляд.

На мне то же черное платье, которое я одевала на их похороны. Оно обтягивает мое тело, и струиться вниз. Мрачное, но женственное. Я ношу его каждый раз во время этого сна, — бесконечное напоминание об этом ужасном дне. Переставляя одну ногу за другой, я иду вниз по проходу, не контролируя свои ноги.

Они движутся по собственному желанию. Я не могу остановиться даже, если захочу. Правая нога наступает на ковер, потом левая. Теперь опять правая.

Я продвигаюсь вперед.

Прежде, чем я осознаю это, я встаю перед двумя гробами, греясь на солнце, в передней части церкви. Один гроб белый, другой черный. Они оба блестящие.

Добро и зло.

Когда я впервые начала видеть этот сон, то подумала, что это означало, что один из моих родителей был плохим в глубине души, а я никогда не знала об этом. Я долго размышляла над этим сном. Я знаю, что он очень много значит. Мысль о том, что один из моих родителей мог быть обеспокоен темными душами, тяжело давила на меня довольно долгое время. Но потом я поняла, что смысл не в этом.

Даже если этот сон был специально рассчитан на день их похорон, он не должен был больше сниться мне. Моих родителей здесь больше нет. Они были кремированы. Они никогда не были в гробах в передней части церкви.

Этот сон не об этом

Он сомнениях, которые были сформированы во мне в день их смерти. Сомнениях о ценности самой жизни.

Жизнь кажется бессмысленной, если все заканчивается в огненной автокатастрофе, оставив позади только печаль.

Это одна из причин, из за которой я хотела стать художником. Я хотела создать красивое из некрасивого. Инь и Янь. Темное и светлое. Добро и зло.

Мое собственное "я" больше не зацикливается на этой вещи. Но мое подсознание имеет проблемы. И оно до сих пор их четко не урегулировало, поэтому мой запутанный сон повторяется. И, честно говоря, я еще не совсем поняла его.

Я вижу то, что жизнь состоит из добра и зла, черного и белого. И все время между ними идет борьба за доминирование. Жизнь — это борьба.

И я ненавижу то, что все это заканчивается небытием. Что однажды, вас просто здесь не будет. Не будет больше улыбок, больше никаких слез. Ничего.

Пуф.

И отбой.

Я вздыхаю и провожу пальцем по крышке черного гроба. В нем зло. Крышка красивая, как бы ни была плоха. Но когда моя рука движется, я замечаю что-то еще. Что-то, чего никогда не было здесь прежде.

Зубчатый шрам на руке, там, где мой указательный палец встречается с большим пальцем.

«Х» так же, как у Пакса.

Я пугаюсь и смотрю на него, отмечая, что он старый и толстый, как у Пакса. В солнечном свете это кажется зловещим, хотя я не представляю, почему. Это просто шрам. Сотни разных вещей могло стать причиной его появления.

Но почему он на мне?

Я вытягиваю свою руку на свет, поворачивая и освещая ее на солнце. Шрам мне так знаком, как будто он был на моем теле в течение многих лет. Он привычен для меня, как будто значит что-то.

«Х» отмечает место.

Я понятия не имею, что это означает. Но что-то в моем подсознании хочет, чтобы я думала об этом. Мне нужно о чем-то задуматься и что-то для себя решить. Но я не знаю, что.

Качаю головой и подхожу к белому гробу. Я знаю, что должна закончить это так, чтобы проснуться. Итак, я осторожно открываю крышку хорошего гроба, выпуская миллион сверкающих солнечных лучей.

Они стреляют из гроба и сливаются со светом, льющимся из окна. Лучи яркие, сверкающие, сияющие. Я обволакиваюсь ими, купаясь в тепле и доброе, поглощая свет.

Просыпаясь, я знаю, что буду чувствовать себя такой сияющей в течение некоторого времени. Это мое подсознание ищет способ привести меня в порядок. Так я справилась с горем после смерти своих родителей.

Сейчас так яправляюсь с любым видом неопределенности.

И, судя по шраму на руке, я предполагаю, что появление Пакса в моей жизни дало моему подсознанию паузу. Он то, что в очередной раз вызвало этот сон.

Я многое не могу понять из этого сна, и это может значить только одно — я заинтересована в Паксе больше, чем хотелось бы.

Со вздохом, я встаю с постели и иду по коридору в пижаме. Теперь я не смогу заснуть. Злясь на саму себя за то, что позволяю странному парню появиться в моей голове, я крушу все вокруг, двигаясь по кухне. Это не поможет моему раздражению, но поможет окончательно проснуться.

К счастью, мой день проходит быстро. После четырех чашек крепкого кофе, я спускаюсь в магазин и общаюсь с дружелюбными клиентами. Когда бизнес замедляется, я работаю над новой картиной... что-то яркое и веселое. Как всегда, хорошая порция искусства достает меня из печали.

Я напеваю, когда выхожу из магазина, чтобы схватить бутерброд на обед. Сделав паузу, чтобы запереть дверь, я замечаю черный автомобиль Пакса, припаркованный на улице ярдах в двадцати от моего магазина. Моя голова замирает, и я смотрю на него. Мои пальцы застыают. Его нет в машине. Я не знаю, чувствовать облегчение или нет.

— Кого-то ищете?

Позади меня послышался голос Пакса.

Вы, должно быть, шутите. Это слишком уж случайно. Я медленно поворачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с тем самым человеком, который проник в мои мысли. Пакс улыбается, медленной, беспорядочной усмешкой.

— Ты снова преследуешь меня, мисс Хилл? — Он поднимает бровь.

Мое сердце стучит.

— Что? — выдавливаю я. — Это — мой магазин.

Пакс пожимает плечами.

— А это — моя машина. Ты смотрела на нее так, будто надеялась, что я из нее выйду.

Я виновата в этом. Я не могу сказать ни слова в свою защиту. Вместо этого, я смотрю на него, как идиотка.

— Что ты делаешь в центре города? — спрашиваю я, наконец, меняя тему.

— Я не повар, — объясняет он. — Я пытаюсь по-быстрому. В баре на улице делают хорошие гамбургеры.

— О, — отвечаю я тупо. — Именно это я сейчас и делаю.

Он снова поднимает бровь.

— Не в баре, — добавляю я быстро. — Я собираюсь в гастроном, рядом с баром.

Пакс снова улыбается.

— Одна? Разве ты не слышала о том, что кое-какие плохие вещи, происходят в Анджэл Бэй? Просто недавно, у одного тупицы была передозировка на пляже. Судя по всему, они позволяют всяким идиотам ходить здесь. Думаю, для тебя не безопасно ходить в одиночку.

Я улыбаюсь, в ответ на его дерзость.

— О, в самом деле? Ничего себе. Это звучит плохо. Придурки, бегающие на наших улицах? Думаю, я никогда не буду знать, когда столкнусь с одним из них.

— Совершенно верно, — отвечает он тихо, его золотистые глаза застыли на моих. Боже, какой он милый. У него такие красивые глаза. Такие бездонные и теплые. Как горячая карамель. Я сглатываю.

— В это время ты обедаешь каждый день? — спрашивает он, наконец, нарушая молчаливые взгляды.

— Если получается, — отвечаю я. — Ты снова планируешь преследовать меня?

Мы по-прежнему стоим посреди тротуара, но Пакс это, кажется, не заботит. Вместо этого, он усмехается.

— Может быть, — отвечает он и протягивает руку, как джентльмен. — Так как я здесь, и ты здесь, и мы оба пойдем в одном и том же направлении... я провожу тебя сегодня. Буду держать хищников в страхе.

Я уставилась на него, просовывая руку в сгиб его локтя.

— Я думаю, что ты самый плохой хищник из них!

Он снова злобно усмехается. Его глаза загораются озорным блеском.

— Это, наверное, правда, — признается он. — Ты боишься?

— Должна, — говорю я ему.

Но я не боюсь.

Он сопровождает меня к двери гастронома и отходит на несколько шагов. Я сразу чувствую отсутствие его тепла.

— Хорошего дня, Мила Хилл, — говорит он мне, его глаза скользят по мне сверху вниз. — Следи за хищниками.

И он уходит, исчезает в баре, и я понимаю, что стою на улице одна. Я качаю головой и вздыхаю, собираясь внутрь, чтобы заказать свой бутерброд. Я понятия не имею, что только что произошло, но Пакс Тейт твердо застрял в моей голове. И, мне кажется, что он никуда не денется. Мой желудок трепещет, и я понимаю, что мне нравится эта мысль.

Пакс

Я провожал Милу в гастроном всю неделю.

Понятия не имею, почему.

Я знаю только то, что... меня тянет к ней. У нее есть все то, чего нет у меня, и это вытягивает из меня ад.

Она не сказала мне оставить ее в покое, это очаровывает меня. Она, кажется, в восторге от сложившейся ситуации, как и я.

Поэтому, каждый день, в 11:00, я встаю с кровати и иду в душ, затем еду в город, паркуюсь в том же месте и жду, пока она выйдет.

Каждый день она дразнит меня тем, что я ее преследую.

Каждый день я говорю ей, что она преследователь, потому что она выбирает путь мимо моей машины. Не берите в голову тот факт, что я теперь

паркуюсь непосредственно перед ее магазином. Она хихикает и смотрит мне в глаза, и клянусь богом, я понятия не имею, что делаю.

Но я продолжаю делать это.

И, кажется, ей это нравится.

Вчера она упомянула о том, что не работает сегодня, мне необходимо завести свой «Календарь преследователя». Я люблю девушек с чувством юмора. И я должен признать, что сегодня чувствую себя немного опустошенным, потому что не увижу ее. Она дала мне мотивацию, чтобы вставать утром и с нетерпением ожидать нашей встречи.

Но не сегодня.

Я проснулся рано утром от беспокойного сна, меня разбудило то, что я ворочался. Я всегда немного страдал бессонницей, и на самом деле, поэтому я начал принимать таблетки много лет назад. Я понял тогда, как легко, как очень легко, проглотить таблетку и провалиться в небытие.

У меня был терапевт после того, как моя мама умерла. Я не могу вспомнить, как он выглядел, но помню, что он прописал мне снотворное. Оно помогло прогнать прочь ночные кошмары.

Сейчас я помню о кошмарах только то, что они были ужасны. Мало того, я использовал их, чтобы проникнуть в комнату отца и спать под его дверью. Он просыпался утром и находил меня распластанным на полу. И я просыпался, не помня свои сны.

Мой терапевт сказал отцу, что это мозг защищает меня от эмоциональной травмы.

Ну, мой мозг проделал хорошую работу. По сей день, я не помню о событиях, связанных со смертью моей матери.

Мой телефон гудит на тумбочке. Я беру его в руки, и ищу сообщение от моего отца.

«Тебе нужно прийти и подписать свои бумаги»

Черт. Уже?

Я швыряю телефон на стол, по которому он скользит, врезаясь в стену. Каждую четверть года я должен подписать бумагу для моего трастового фонда, поскольку он пополняется от семейного бизнеса моей матери. Технически я единственный наследник ее акций. Это заноза в заднице, но это необходимое зло.

Я на пути в душ, когда раздается звонок в дверь, и я останавливаюсь. Я не ждал никого. Лучше, чтобы никто не пытался продать мне религиозные книги.... Иначе они останутся без зубов.

Черт возьми.

Посмотрев через окно на свою дверь, я увидел, что шлюха-Джилл стоит на крыльце, нервно перенося вес с левой ноги на правую. Я вздохнул. Я, правда, не в настроении для этого, но все равно открываю дверь. Думаю, мне стало ее жалко из-за отчаянного взгляда. Она почти всегда приходит ко мне, когда у нее нет денег, чтобы купить товар у дилера.

Минет на линии горизонта. Это наша сделка. И сделка была ее идеей. Кто я такой, чтобы отказаться от этого?

Джилл улыбается, когда открывается дверь, показывая сероватые зубы. Это признак того, что она использовала дермо потяжелее, типа метамфетамина. Я съеживаюсь. Даже не буду затрагивать это дермо. Это — дьявол, так мне сказали. Какое-то время, даже самые сильные пользователи пристрастились. Но я в этом не нуждаюсь.

— В настроении, чтобы получить минет? — спрашивает она с улыбкой, ее пальцы, дрожа, бьются о ногу.

Она взволнованна и обеспокоенна, верный признак того, что прошло немного времени с тех пор, как она приняла наркотик и вновь жаждет его.

Это плохо.

— Не очень, — говорю я честно. — Я только что проснулся. И, честно говоря, мой член немного злится, что ты оставила меня умирать на пляже. Незнакомке пришлось звать на помощь. Ты убежала, как куриное дермо.

Джилл выглядит пораженной.

— Пакс, — она скулит. — Я не хотела этого. Я просто не могу сесть в тюрьму, ты ведь знаешь? У меня двое детей. Я мать-одиночка. Я не могу сидеть в тюрьме.

Она отчаянна, ноет еще громче, и я смотрю на нее с удивлением. В ужасе от шока.

— У тебя двое детей?

Я знаю ее несколько лет, но она никогда не упоминала то, что у нее есть дети.

Она кивает.

— Да. Девочка и мальчик. Пять лет и семь.

Все, что я чувствую — это отвращение, и отрицательно качаю головой.

— Тогда, какого хрена ты делаешь это дермо, Джилл? Болтаешься в баре весь день и всю ночь? Одно дело — трахать свой собственный образ жизни, но совсем другое, когда ты портишь чужую жизнь.

Я начинаю закрывать дверь, но она бросается внутрь, хватаясь за меня. Плачет. Ревет. Она в панике.

Я хватаю ее за запястья идерживаю их, чтобы предотвратить себя от ее царапин.

— Пожалуйста, Пакс. Мне это нужно. Я остановлюсь. Я обещаю. Но мне нужно это еще раз. Просто еще один раз. А потом я пойду за помощью. Обещаю.

Слезы катятся по ее лицу черными полосами от макияжа. Солнечный свет разоблачает закаленные линии на ее лице, линии, которые в ночное время прячутся за макияжем. При свете дня, она выглядит мерзкой и использованной.

Потому что так и есть. Я вздыхаю еще раз.

— Хорошо. У меня есть, только немного. Я не собираюсь принимать. Ты можешь взять то, что у меня осталось. И тогда ты должна пойти в больницу за помощью. Получи свое дермо прямо сейчас.

Она дрожит, ее дыхание застревает в горле, когда она ждет, что я принесу ей кокса. Это все, на чем она может сосредоточиться прямо сейчас,

так что я затыкаюсь и сохраняю свое спокойствие с лекцией, которую хотел ей прочитать.

Я веду ее к своим кухонным столам, и отрезаю один Литл-рок, оставшийся у меня. Высыпаю его в линию и смотрю, как она вдыхает его в две ноздри. Она откидывается в кресле и позволяет вступить наркотикам в силу. Повернувшись ко мне, она явно спокойна.

— Готов к минету?

Она смотрит на меня в знакомом ожидании. И мысль о минете, заставляет мой пах автоматически реагировать, он смещается в относительно ограниченном пространстве моих джинсов. Но я отрицательно качаю головой.

— Я не в настроении, Джилл.

Я оборачиваюсь и иду по каменному полу босыми ноги в сторону гостиной. Она сжимает мою руку.

— Ты не можешь ничего мне не дать, Пакс. Я чувствую, что не права. Кроме того, я ужасно себя чувствую за то, что оставила тебя в тот вечер. Просто позволь мне заплатить за это. Пожалуйста.

Женщина просит, чтобы я позволил сделать мне минет. О-о, ирония. И особенно странно то, что я просто не хочу этого. В последнее время все мои мысли занимала Мила Хилл. Мысль об этой шлюхе, откровенно говоря, выворачивает мой желудок.

Я отрицательно качаю головой.

Но Джилл тоже трясет головой, и теперь она, опираясь на меня, проводя рукой по голой коже груди, ведет пальцами вниз к моему поясу и расстегивает мои джинсы. Она наклоняется и обводит языком вокруг моего соска, а затем берет мой член в свои руки. Я мгновенно возбуждаюсь.

Я немного вздыхаю, она работает пальцами вверх и вниз по моему члену, за пределами моего нижнего белья. Черт. Я проклинаю свои тестостероны.

— Хорошо, — вздыхаю я. Как будто трудно получить минет. Я спускаю штаны, и она опускается на колени передо мной, беря в рот. Я теряю себя в данный момент в удовольствии, ее губы образуют вакуум вокруг моего члена. Они раздвигаются, перемещаются, сосут, а я смотрю на озеро.

Пока голова Джилл качается, я наблюдаю за течением, волнами и парусниками. Я смотрю на летающих чаек, смотрю на солнце. И тогда лицо Милы непрошено вторгается в мой разум. Ее лицо отличается от лица Джилл, насколько это возможно; свежее и невинное. Я сконцентрировался на нем, затем представил ее пышные сиськи, с розовыми сосками, которые указывают на солнце.

Это заставляет меня кончить намного быстрее, чем обычно. Я стону и делаю рывок в рот Джилл, даже не смотря на нее. В моей голове — это рот Милы. Это руки Милы держат мои яйца, слегка сжимая их.

Я кончуя.

И, открыв глаза, я с ужасом вижу лицо Милы.

По-настоящему.

Мы с Джилл находимся на пляже, ниже моего дома. Я прекрасно вижу свой дом, и прекрасно вижу, что Джилл наклонилась передо мной и сосет мой член.

Еще, я вижу лицо Милы.

И я чувствую, что она в ужасе.

Глава 8 Мила

О, Боже мой.

Я чувствую, будто товарный поезд просто врезался в мою грудь, выбивая весь воздух из легких. Но не знаю, почему. Пакс, даже в малой части, не под моей опекой. Но он приезжал ко мне каждый день, поэтому я чувствовала, что между нами было взаимное притяжение. Я имею в виду, он приезжал в город на весь день, только для того, чтобы побывать со мной. Честно говоря, это все, о чем я могла думать. Он даже вторгся в мои сны. Но ясно, что я была неправа. Мое увлечение к нему не взаимно.

Девушка, сделав ему минет, оставила его на пляже.

Даже думать не могу. Моя голова закрутилась в тумане гнева и обиды. Я просто схватила вещи, ключ от автомобиля и побежала. Думаю, я слышу его голос, зовущий меня по имени, но не обворачиваюсь. Я открываю свою машину и сваливаю все свои вещи в нее.

С надеждой я смотрю в зеркало заднего вида, но его там нет.

Я выдыхаю.

Я не уверена в том, что сейчас чувствую. Разочарована я, или нет? Часть меня хочет, чтобы он заботился обо мне, чтобы бегал за мной. Но он этого не делает. Таким образом, я поняла, что ему все равно. Мне хочется плакать. Это смешно. Но я плачу.

Я плачу из-за того, чего даже не началось.

А потом я плачу, потому что чувствую себя еще глупее из-за таких глупых мыслей.

Я — идиотка.

Я еду к своему магазину. Приехав, сижу какое-то время в машине. Наконец, я взяла себя в руки и вошла внутрь. Я перевернула табличку на «Открыто», надела фартук и принялась делать то, что всегда делаю, когда счастлива или грущу, или мне скучно, или хорошо, что угодно.

Я рисую.

Я рисую солнце, нависающее над краем озера у дома Пакса. Я рисую серую расплескивающуюся воду, а затем перехожу к темному солнцу, позволяя краске капать на воду. Оно идеально подходит, я его чувствую. Бурное, черное, сердитое. Все слова, которые могут быть использованы для описания солнца, соответствуют моему настроению.

Колокольчик у двери зазвенел, и я вздохнула. Обычно я не надеюсь, что клиенты не придут, но сегодня я бы хотела побывать одна. Я поворачиваюсь, готовая, чтобы улыбнуться клиенту, моя кисть еще в руке.

Но это Пакс.

Улыбка угасает на моих губах. Я зла.

Он недавно принял душ. Его волосы мокрые, и я могу чувствовать запах мыла, когда он приближается.

Его лицо такое серьезное. Этому парню только что сделали минет. Он не имеет права просто прийти и поговорить со мной.

Тогда, почему я так счастлива, что он пришел?

Это не поддается логике.

Я сжимаю челюсти

— Прости, ты не должна была видеть этого, — тихо говорит Пакс, даже не поздоровавшись. — Пожалуйста, Мила. Мне очень жаль.

Я стиснула зубы и вернулась к своей картине, размазывая солнце по серому небу.

— То, что ты делаешь — твое дело, — говорю я ему коротко. — Не мое.

Пакс вздыхает, и я слышу его шаги. Он останавливается неподалеку от меня.

— Я могу сказать тебе, что это не то, что ты могла подумать, но это было бы ложью. Это было именно тем, что ты видела. Я могу это объяснить, но ты не поймешь

— Тогда, почему ты здесь? — шепчу я в замешательстве. Если он не хочет объяснять, то какой смысл? Я не смотрю на него, вместо этого я просто смотрю на свои движения кистью и замечаю, что моя рука дрожит.

А потом я чувствую его позади себя.

Его рука оказывается на моей талии. Такая теплая и большая. И я должна бы вырваться, но не делаю этого.

Его теплота вокруг меня, и я хочу быть поглощена ею.

— Я не знаю, почему здесь, — признает он мягко, и голос его так близко у моей шеи. — Может, потому что я не могу перестать думать о тебе. Или, потому что я никогда не забуду твое выражение лица. Мне очень жаль, что я так поступил. Просто знай, что она ничего не значит для меня. Она была настойчива, а я не отказал. Это привычка. Мне очень жаль.

Мое сердце безумно быстро стучит в груди. Я не знаю, что сказать. Я знаю, что должна сказать ему что-то такое, чтобы он оставил меня навсегда, но мое сердце — предатель и хочет, чтобы он остался со мной.

— Ты даже не знаешь меня, — говорю я ему, и оборачиваюсь, чтобы, наконец, посмотреть на него. Я смотрю в его карие глаза, улавливая взгляд, который не видела прежде. Трепет.

— Зачем тебе извиняться перед кем-то, кого ты едва знаешь? Ты ничего мне не должен.

Он пожимает плечами и его движения сопровождаются мужским ароматом. Я вдыхаю его и борюсь с желанием закрыть глаза, чтобы лучше насладиться запахом.

— Я не знаю. Я знаю только то, что с тех пор, как я встретил тебя, я хочу узнать тебя. Вот почему я приезжал в город на этой неделе. Я хотел

увидеть тебя. Что-то в тебе заставляет меня думать, что я могу быть лучше. Я не чувствовал такого уже очень долго. И еще, я чувствую, что должен тебе что-то.

Черт. Его слова тронули мое сердце, и я с трудом сглотнула. Его тон нерешительный, мягкий. И мое сердце тает. Я ничего не могу с собой поделать. И я ничего не могу исправить.

— Почему? — спрашиваю я, мой взгляд застыл на нем. Он качает головой.

— Я не знаю. Ты такая хорошая и отзывчивая. Я не могу это объяснить. Теперь я смеюсь, жестом указывая на свою картину.

— Значит ли это, что я хорошая и отзывчивая для тебя?

Мы оба смотрим на устрашающий черно-серый холст.

Пакс, наконец, улыбается.

— Ну, тогда, Красная Шапочка, похоже, у тебя есть и темная сторона. Но разница между мной и тобой в том, что у тебя здоровый образ жизни, а у меня нет.

Я смотрю на него, пытаясь решить, что сказать. Этот момент, кажется, хорошее время для честности, поэтому я не стесняюсь и говорю честно:

— Я не знаю, что меня в тебе привлекает, — признаю, наконец, я. — Мне никогда не нравились плохие мальчики.

Он так близко ко мне, что его близость немного опьяняет. Я чувствую головокружение, смотря на него, ожидая ответа. Кроме того, я будто чувствую опасность, исходящую от него...

Пакс молчит несколько мгновений. Его лицо покрыто однодневной щетиной.

— Ну, я никогда не хотел быть с хорошими девочками раньше, так что, думаю, это первый раз для нас обоих.

Мы смотрим в глаза друг другу, казалось бы, целую вечность.

Я не знаю, должна ли верить ему, но он кажется таким искренним. Я знаю, что хочу ему доверять, даже если это глупое чувство.

Я не знаю, что сказать и, по-видимому, он тоже.

Не говоря ни слова, он наклоняет голову и его губы встречаются с моими.

Это очень неожиданно и удивительно.

Его губы мягкие и на вкус как мята. Больше нет вкуса сигарет и рвоты. Они ушли в прошлое, в котором был человек из другой ночи, тот, кто лежал в конвульсиях на тротуаре. На его месте сейчас кто-то живой. Тот, кто вкусно пахнет и невероятно сексуален.

Тот, кто плох для меня.

Его язык мягко проникает в мой рот, и я борюсь с желанием утонуть в этом поцелуе. Его руки сцепляются где-то позади меня, и я не знаю, куда они легли, но склоняюсь в его объятия, держась за талию. Я наслаждаюсь тем, как его пальцы слегка мнут мою кожу, и он жестоко прижимает меня к своим бедрам. Это сногшибательно.

Когда, наконец, понадобился воздух, он отстранился.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня сверху вниз.

Он ждет реакции, но я не знаю, что делать. Поцелуй был идеальным. Пакс адски сексуален.

Но он так отличается от меня. И совсем недавно ему сделала минет другая девушка.

Я вспоминаю, как эта ужасная девушка стояла на коленях перед Паксом, и меня передергивает.

Если я дам ему шанс, он сделает мне больно. Я испытала уже достаточно боли за всю свою жизнь. Мне больше не нужно.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — наконец, сказала я неохотно. И эти слова было так трудно сказать...

Теплый свет тускнеет в глазах Пакса, когда он смотрит на меня, и я вижу в них разочарование от отказа. От этого мне хочется плакать.

— Прости, что ты так думаешь, — говорит он спокойно. — Потому что я думаю, что это очень хорошая идея. Ведь ты — лучшее, что было со мной за долгое время.

Он разворачивается и уходит из моего магазина.

Уходит от меня.

Не говоря больше ни слова.

Я смотрю на его широкие плечи, когда он уходит с моих глаз.

Тогда я опускаюсь на колени прямо посереди магазина. Мои руки дрожат, а голова разрывается на части от боли.

Что я только что сделала? Я сошла с ума?

Я встретила человека, который заставил меня чувствовать что-то в первый раз за два года, с тех пор как умерли мои родители.

Я жалкая.

Я хватаюсь за телефон и звоню сестре. И говорю прежде, чем она успевает открыть рот:

— Я готова выпить сегодня вечером.

Глава 9 Пакс

К черту ее.

У меня кружится голова, пока я ошеломленно иду из ее магазина к своей машине. Я не могу поверить, что это произошло на самом деле. Я обнажил себя перед кем-то первый раз в жизни, а она потопталась на этом. Я не знаю, на кого рассержен больше, на нее из-за того, что отвергла меня, или на себя за то, что был там и изливал душу.

Но, в любом случае, к черту ее.

Я поворачиваю ключ в замке зажигания и включаю громкость. Хард-рок выбириует в моей груди, как басовый гул, и я выезжаю с автостоянки в сторону шоссе, в Чикаго. В любом случае, сейчас я нахожусь в плохом настроении.

Шоссе тянется передо мной, а громкая музыка успокаивает меня, когда я веду машину. Я теряюсь в ней. Я делаю это, чтобы успокоится, чтобы поглотить негативные мысли. Я почти хватаюсь за флакон, который благополучно устроился в моей куртке, но не делаю этого. Я пообещал себе, что не буду это принимать некоторое время, и я не буду.

Я не слабый. И я не слабак.

Мили поглощаются зеркалом заднего вида, небо глотает дорогу горизонтом по крупицам, пока я, наконец, не пересекаю мост в Чикаго и на Скайуэй.

Когда я прибыл в офис своего отца, находящегося в центре города, мне удалось убрать волнение от образа лица Милы далеко в свою голову.

Потому что к черту ее!

Сейчас я хочу пробить стену, но сдерживаюсь. Вместо этого я поднимаюсь на восемнадцатый этаж, и администратор моего отца говорит ему, что я здесь. Я пытаюсь заставить чувствовать себя комфортно в своей приемной. Беру мятную конфету из чашки и кладу ее в рот.

Мои глаза закрыты, когда отец приходит, кажется, через двадцать минут.

— Пакс, убери ноги с мебели.

Его голос усталый. Я открываю глаза. Он выглядит старше, потому что я видел его в прошлой четверти года. Его темные волосы только начинают седеть на висках, и у него есть морщины вокруг глаз. И у рта. Его темно-синий костюм, кажется, немного весит на нем, как будто он похудел и не нашел времени, чтобы сменить его. Я смотрю на него, пораженный мыслью, что мой отец стареет.

И тогда я убираю ноги со стола.

— Извини, — бормочу я. Мой отец кивает и провожает меня в свой большой офис.

Я сижу в кресле перед ним и жду, пока он не передаст мне несколько документов через стол.

Я даже не читаю их, просто подписываю свое имя. Я доверяю ему.

— Ты должен всегда читать все, на чем оставляешь свою подпись, — он укоряет меня за это, кажется, уже в сотый раз. И в сотый раз я отвечаю как всегда:

— Я читаю, когда это чужой человек. Но ты — мой отец. Я знаю, что ты не собираешься наебать меня.

Папа снова вздыхает.

— Ты можешь хотя бы следить за своим языком? Это тот момент уважения, который нужно соблюдать.

— Извини, — бормочу я снова.

Ради Христа. Он говорит так, будто я ребенок. Но это часть нашей жизни. Наши отношения всегда будут заморожены на том времени, когда я был ребенком, а он был взрослым. Он, кажется, не понимает, что сейчас мы оба взрослые.

— Александр Холдингс был чрезвычайно хорошей остановкой, — замечает мой папа, забирая документы и волоча их по столу. — Итак, твой доход на этот раз увеличился. Ты действительно мог бы рассмотреть возможность инвестирования. Тебе двадцать четыре года. Пора завести свой бизнес. И, может быть, поинтересоваться своей семейной компании. Твой дедушка связался со мной, желая узнать, как связаться с тобой. Он старый человек, Пакс. Он не проживет долго. Он хочет быть уверен, что его компания находится в хороших руках.

Я уставился на него, борясь с желанием вывернуть губу.

— Я не хочу иметь ничего общего с бизнесом, — говорю я отцу. — Я не соглашаюсь ни с чем, что они поддерживают. Думаю, я найду генерального директора, чтобы управлять местом после того, как он, наконец, покинет его. Мой дедушка знает, что сам виноват, что он совершенно один. Когда мы переехали, он меня игнорировал. Он сам во всем виноват.

Глаза моего отца тускнеют, и он поворачивается, смотря в окно.

— Пакс, дед был уже не тем человеком после смерти твоей матери. Все мы были другими. Ты не можешь обвинять его в этом. Когда мы переехали, он чувствовал, что потерял и тебя тоже, и ты был последней ниточкой, связывающей его с твоей матерью. Поскольку твоя бабушка умерла очень давно, ты и Сюзанна были для него всем. Потеряв ее, а потом и тебя, он чувствовал, что потерял все.

— И, все же, он не должен был игнорировать меня, — выплевываю я сердито. — В том, что он потерял меня, виноват только его чертовский нрав. Он злился и совсем перестал общаться со мной. Я был просто ребенком. Я даже не выбирал переезд. Это сделал ты. Но он повесил его на меня. Поэтому пускай он сгниет.

Мой отец смотрит на меня. Его взгляд задумчив, он водит пальцами по вискам. Наконец, вздохнув, он кивает.

— Думаю, что могу понять твои чувства. Твой дедушка суровый человек. И упрямый. Раньше, из-за его поведения, твоя мама хотела рвать волосы на своей голове.

И теперь его глаза действительно потускнели. Подумав о моей маме, он потерялся в своих воспоминаниях. Если есть кто-нибудь, кто не заслужил ее смерти, это был, безусловно, мой отец.

— Папа, ты выглядишь так, будто совсем не ел, — говорю я ему, вытащив его из своих мыслей обратно, в настоящее время, ко мне. Он не выглядит счастливым, так и должно быть. Он предпочитает жить в мире воспоминаний. Он качает головой, взволнованный моим беспокойством.

— Я в порядке, Пакс. Просто подумал о некоторых крупных делах, которые обрабатываю. Как у тебя дела? Ты используешь эти вещи?

— Ты имеешь в виду, до сих пор ли я употребляю? — я жестко смотрю на него. — Говори прямо, черт. Если у тебя есть вопрос, просто спроси.

Нельзя ходить вокруг да около. Папа снова устало кивает.

— Хорошо. Да. Ты все еще употребляешь наркотики? — он задает вопрос, запинаясь, словно слова горят во рту. Я могу сказать, что он действительно не хочет знать ответ. Он считает меня чертовым наркоманом, который не может бросить курить.

Это чертовски раздражает.

— Нет, я не употреблял, — говорю я ему, закатывая глаза. — Я сказал, что не собираюсь, я и держу свое слово. Это не тяжело. Я не наркоман, папа. Серьезно. Я употребляю наркотики, потому что мне это нравится. Не потому, что должен.

Мой отец смотрит на меня своим лучшим взглядом закаленного адвоката.

— Это может быть так, — говорит он мне. — Но, в конце концов, когда человек продолжает употреблять, он становится зависимым. Ты в опасности.

— Как скажешь, папа, — я вздыхаю, отталкиваясь от стола, и встаю. — Было приятно повидаться. Увидимся в следующей четверти года.

Я ухожу подальше от его неодобрительных взглядов и сомнений. Он не понимает, что, если постоянно будет ожидать худшего от кого-то, то это, вероятно, произойдет. Он должен понять это сейчас. Я непременно докажу ему это, и не раз.

Я направляюсь обратно к Скайуэй, и решаю быстро зайти в захудалый небольшой бар, который знаю. Я останавливался там много раз после жарких свиданий со своим стариком. Бармен знает меня и выкрикивает приветствие, когда я вхожу. Я никогда не запоминаю его имя. Дэйв? Дэн?

Я держу путь через темный коридор, оглядываясь на расколы виниловых сидений на темных стенах. Это место не изменилось. По-прежнему есть отверстие в обшивке за бильярдным столом, которое кто-то пробил, и по-прежнему пахнет мочой и старой смазкой. Это не заведение высшего класса, но оно идеально подходит для выпивки, когда у тебя дерзкое настроение.

Я киваю бармену.

— Я буду Джек.

Бармен кивает, наполняет стакан темно-золотистой жидкостью и толкает его в моем направлении. Он проливает немного на барную стойку, но это его не волнует. Чистота — это не его наивысший приоритет. Вы можете убедиться в этом, посмотрев на его запачканную рубашку и жирные волосы. Но это меня не беспокоит. У виски будет один и тот же вкус, независимо от привычек и личной гигиены бармена.

Прежде, чем начать разговор со мной, он отвлекается на другого клиента — грязного старика, который, явно, слишком пьян. Я с интересом наблюдаю, как бармен пытается выгнать его, но, не добившись успеха, сдается и наливает ему еще выпить.

— Привет, большой парень. Я — Эмбер.

Я гляжу вниз, на большой бюст женщины, которая только что подошла ко мне. На ней написано, что она шлюха. Она одета в чрезвычайно узкие

джинсы, а ее верблюжье лицо демонстрирует слишком броско наложенный макияж. Ее грудь практически вываливается сверху из лифчика, потому что кофта на три размера меньше.

Я поднимаю бровь и делаю глоток виски.

— Большой парень? Высказывание 1940-х. Они хотят получить свою фразу назад.

Эмбер отклоняет свою голову с крашенными блондинистыми волосами и смеется, как будто это самая забавная вещь, которую она когда-либо слышала.

— Я из Айовы. Думаю, мы все еще так говорим.

— Очаровательно. — Я выпиваю весь свой бокал одним движением.

Я смотрю на Эмбер.

— Хочешь?

Думаю, это вполне разумно, хотя я в настроении, чтобы общаться. Она кивает.

— Я бы с удовольствием. — Она смотрит на бармена. — Дэн, ты можешь сделать два?

Дэн — бармен. Я должен запомнить это.

Но я не уверен, что хочу.

Эмбер скользит рукой по моему бедру.

— Спасибо за выпивку. Но если ты не хочешь звонить мне, большой парень, то должен сказать свое имя.

Я смотрю на нее, на ее расширенные от большого количества выпивки, глаза.

— Должен ли?

Мгновение она рассматривает меня, прежде чем засмеяться. Это распутный смех. Поддельный. Я почти дрожу. Не знаю, что со мной не так. Это просто женщина, которая предлагает мне взять ее. Если бы я хотел ее, то взял бы, но думаю, что не хочу этого. И, мне кажется, я знаю, что со мной не так. Мила Хилл в моей голове, правильная и сладкая. Но я буду чертовски проклят, если позволяю ей вторгнуться в свою жизнь, когда она даже не хочет меня.

Я выпиваю свой стакан с Джеком и подаю сигнал для еще одного.

Утешительное чувство спокойствия нисходит на меня. Знакомое онемение, которое я так люблю. Когда ничего не помогает — неясность преобладает. Я почти смеюсь над своим глубоким мышлением, но вместо этого, тяну руку и хватаю за толстое бедро Эмбер, наслаждаясь мясистой ногой в моих пальцах. Если эта птичка хочет меня, она может поиметь меня.

И тогда я делаю то, что делаю всегда. Я блокирую логическое мышление с наркотиками или женщинами. В этом случае, это шлюха и Джек Дэниэлз.

— Пойдем со мной, — шепчу я ей на ухо. Эмбер понимающе улыбается и кивает.

Она цепляется за мою руку. Мы держим путь через грязный бар, вниз по темному коридору и в женский туалет.

В ванной комнате, как я и думал, отвратительно. Одна лампочка висит на пожелтевшем потолке, бросая сомнительный свет на маленькую комнату. Как будто, приглашая всех блевать по бокам в туалете. Плитки грязные и стены выглядят так, будто их не мыли с 1969 года. Но это не имеет значения. Я запираю дверь позади нас и поворачиваюсь к Эмбер.

Она подходит ближе, и я позволяю ей положить свои руки на ее бедра и потом сжимаю ее жирные сиськи. Сжимаю их сильнее, и она стонет.

Я сжимаю еще сильнее, и она опять стонет.

Я хочу закатить глаза из-за этой глупой игры. Я знаю, что произойдет, потому что играл в нее прежде тысячу раз. Она собирается делать вид, что наслаждается всем, что я делаю, а я буду притворяться, что не знаю, что это неправда.

Но кто дает себя трахнуть? Слабак — это слабак.

Я достаю презерватив из своего бумажника и открываю его зубами, но обнаруживаю проблему. У меня не стоит на нее.

— Отсоси у меня, — говорю я Эмбер. А потом очаровательно улыбаюсь.

Она улыбается в ответ и тут же падает коленями на грязный пол, ее голова подпрыгивает. Она сосет, и член становится достаточно твердым для презерватива, не смотря ни на что, это не занимает много времени. Я отстраняю Эмбер, помогаю ей встать на ноги и переворачиваю спиной ко мне. И потом вставляю ей сзади. Без проблем, без прелюдий.

Она кажется мне умной.

Она стонет, как будто мой член лучшее, что она когда-либо имела. Я закрываю глаза и представляю все порно сцены, которые когда-либо смотрел, все сиськи и задницы, мастурбации и душевые сцены. Но что-то не так.

Здесь дермовый запах. Я устал, я пьяный. Вещи не приходят легко сегодня вечером, и я знаю, что испытать оргазм будет нелегко, особенно с виски-членом.

Поэтому я представляю Милу.

И сразу же чувствую фонтан тепла. Я представляю ее тонкую талию, ее пышные бедра. Ее полные губы. Ее мягкие сиськи. Ее женский запах, чистый и цветочный. Это сразу заливает жизнь в мой член, и я снова в игре.

Представляя Милу, я долблю Эмбер сильнее. Слышу, как ее лоб бьется об грязный кафель на стенах.

Она позволяет это, потому что, как и я, не чувствует, что заслуживает чего-то большего, чем это... грязный секс, в грязном туалете.

Эта жалость в нас обоих.

Я представляю Милу снова, а затем, по какой-то причине, это перестает работать. Я не чувствую себя хорошо. Эмбер не Мила. И даже думая о Миле, находясь в этом жалком месте с этой жалкой цыпичкой, я чувствую себя не так.

Я резко достаю член, и Эмбер поворачивается, чтобы посмотреть на меня в замешательстве. Ее макияж на глазах размазан от пота. На самом деле, я могу чувствовать запах пота и здесь, и я борюсь с желанием содрогнуться.

— Это не ты, это я, — говорю я ей. — Виски-член.

Это ложь, но это не имеет значения. Она понимающе кивает, как будто сталкивается с этой проблемой все время.

Она с сочувствием гладит меня по плечу, как будто я офигенно ее оттрахал, как она и думала.

Но я улыбаюсь, как будто благодарен за понимание.

Я бросаю презерватив в мусорное ведро и выхожу.

Сделав это, я даю бармену Дэну двадцатку.

— Для оплаты ее напитков на остаток ночи, — говорю я ему.

Дэн улыбается.

— Конечно. Увидимся в следующий раз!

Я киваю и иду на стоянку, опасность рушится. Мой автомобиль знакомый и удобный, и я чувствую себя спокойнее, когда нахожусь в нем. Я кладу голову на спинку сиденья, вдохнув кожаный запах и свежий воздух. Это намного лучше, чем черствый, задымленный воздух в баре. А потом я еду домой с открытыми окнами и громкой музыкой.

Дорога черная и длинная летит под моим автомобилем. Я доезжаю до дома прежде, чем осознаю это. Если честно, даже раньше, чем я готов. Я стою на дороге и смотрю на темный дом. Впервые у меня такое чувство, что я не хочу туда идти, просто потому, что там так пусто.

Жить одному — это здорово, но иногда это просто так чертовски одиноко.

Я стою еще мгновение, прежде чем возвратиться к своей машине. Думаю, что я обеспокоен.

Я не знаю, почему направляюсь в «Bear's Den», небольшой бар в городе. Я знаю, что Джилл или ее другие подруги-шлюхи, вероятно, там, и если я хочу провести время с ними, то просто позвоню им. Я не хочу, чтобы они висели на мне, когда я не в настроении.

И я определенно не в настроении для этого сегодня вечером. Я просто хочу побывать в баре, рядом с людьми, фактически не имея с ними взаимодействия. Разве я много хочу?

Я не в настроении для шлюх.

Я поставил автомобиль на парковку и хлопнул дверью. Сделав глубокий вдох ночного воздуха, я захожу внутрь. Это последний чистый вздох, который я делаю, прежде чем переступить порог задымленного бара.

Я иду и смотрю через туман дыма, который плавает по темной комнате. Местные жители сидят и болтают, а другие сзади играют в бильярд или дартс. Я знаю их лица, но не их имена. Я не очень-то люблю общество.

Как всегда, Джилл здесь. Я вижу ее спину, она сидит на краю стола и толкает свою полуголую задницу в лицо какого-то бедного идиота.

Честно говоря, теперь, когда я знаю, что у нее дома дети, все, что я чувствую — это отвращение к ней. Это трата кислорода.

Она замечает, что я смотрю на нее, и ее накрашенное лицо озаряется, она практически спрыгивает со стола, чтобы подойти ко мне. Но я качаю головой, говоря «нет».

Она выглядит пораженной. В ее глазах читается боль, когда она останавливается как вкопанная. Я поворачиваюсь спиной и иду к бару. Сев на стул, я вижу периферийным зрением, что она снова села за свой столик. Я чувствую ее раненый взгляд, но не смотрю на нее. Думаю, что мое время с ней закончилось. Кто-то еще может быть ее поставщиком наркотиков. Пускай он и способствует ее трате жизни впустую.

Я знаю имя бармена, работающего здесь, потому что он носит бейджик. Я, полагаю, что так пьяницам легче запомнить.

— Привет, Микки, — приветствую я его. — Я буду Джек. Двойной.

Микки кивает. Он жилистый парень, который выглядит, как будто провел свои лучшие дни, и не только, дерясь в баре.

Он получил шрам, тянувшийся от его уха до подбородка. Я никогда не спрашивал, как он получил его, а он никогда не рассказывал.

— Как дела, Тейт? — спрашивает он, поставив виски передо мной. Я поднимаю бокал, выпиваю его залпом и ставлю обратно.

— Сейчас лучше, — говорю я ему. — Я буду еще. На самом деле, просто продолжай наливать сегодня вечером.

Он кивает, наливая одну, а потом опускается вниз, чтобы помочь кому-то другому.

Я делаю маленький глоток из своего стакана и ставлю его на стол, закрывая глаза.

Я чувствую себя хорошо в окружении людей, но до сих пор теряюсь в них. Никто меня не знает, кроме Джилл, но мне все равно. Я здесь один, но это лучше, чем сидеть дома в одиночестве.

Женское хихиканье вторгается в мой слух, и я открываю глаза.

Потому что я знаю, кто смеется.

Я поворачиваюсь на месте, чтобы найти Милу и ее сестру, спотыкающихся в коридоре, ведущем к ванной комнате. Похоже, они держат друг друга, и я закатываю глаза. Ты, должно быть, шутишь. Я встретил ее даже здесь? Это было последнее место, где бы я ожидал ее увидеть. Она и ее сестра, обе смотрятся неуместно в этой дыре.

Мила смотрит вверх и останавливается, смех замирает на ее губах, когда она узнает меня. Ее глаза расширяются, и она выглядит так, как будто хочет подойти ко мне, чтобы, возможно, что-то сказать. Но ее сестра тянет ее за руку, и хотя Мила смотрит через плечо на меня, она позволяет Мэдисон тянуть себя за собой. Я уверен, что Мэдисон держит ее от меня нарочно. Это заставляет меня сжать челюсти.

Мила уже взрослая.

Она может принимать решения сама.

Не то, чтобы она всегда принимала разумные решения.

Я пришел к пониманию этого очень быстро, когда она и Мэдисон присоединились к нескольким местным парням, которые играют в дартс.

Дартс не проблема, ребята.

Я снова закатываю глаза и смотрю на Милу. Что, черт возьми, по ее мнению, она делает? Один из тех парней может съесть ее на завтрак. Она,

наверное, думает, что находится в безопасности, потому что, скорее всего, знает их всю жизнь. Но оба они змеи. Я видел их с миллионом женщин в этом самом баре, и с ни одной из них дважды.

Я вздыхаю и выпиваю свой виски, давая сигнал для другого стакана. Это не моя проблема. Она ясно дала это понять, когда сказала, что я был ошибкой.

Так, к черту ее.

Я поворачиваюсь, когда вижу, что один из них оборачивает свою мясистую лапу вокруг ее тонкой талии и тянет к себе, якобы показывая ей, как правильно бросить дротик. Это заставляет меня хотеть что-нибудь швырнуть, поэтому я поворачиваюсь к ним спиной.

Я делаю все, что могу, чтобы игнорировать их. Я веду светскую беседу с Микки. Я смотрю ESPN на потолочном ТВ. Я закрываю глаза и слушаю разговор вокруг себя. И хотя я знаю, что было бы гораздо проще просто встать и уйти, но что-то во мне хочет остаться. Что-то во мне думает, что я должен остаться.

Я не могу это объяснить.

И тут я понимаю причину во внезапном порыве ясности. Я остаюсь, потому что думаю, что она будет нуждаться во мне.

Святое дермо, что я за идиот? Я ставлю свой бокал на стол и бросаю деньги на барную стойку. Я направляюсь в ванную, чтобы отлить, прежде чем уехать отсюда. Она дала понять, чего хочет. И это не я.

Когда я выхожу из туалета, Мэдисон уже стоит у дверей бара с одним из парней. Она склоняется к нему, смеясь в ухо. Она, явно, очень пьяна. Я качаю головой и борюсь с желанием что-то сказать.

Одно дело, когда шлюха идет домой со случайными мужчинами. Шлюхи точно знают, что делают. Они делают это, чтобы что-то получить, будь то наркотики или напитки или, даже просто внимание. Это осознанное решение. Но Мэдисон не шлюха и этот осел использует ее в своих интересах. Но я не буду вмешиваться, потому что это не мое дело.

Я вижу, как Мила хватает сумочку и идет к двери. Парень плетется за ее спиной, и она поворачивается, чтобы ухватиться за него, шатаясь на ногах. Он смеется, его ладонь опустилась на ее попку, гладя ее.

Моя кровь кипит. И так как я уже на пути к двери, я не могу делать ничего другого, чем плестись за ними, это еще больше подогревает мою кровь. К черту.

Они спотыкаются, и я даже держу дверь открытой для них. Ее глаза встречаются с моими, они размыты и затуманены. Она не в том состоянии, чтобы выбирать себе ночлег.

Внутри все сжимается, но я держу рот на замке.

Она сделала свой выбор.

Она сделала свой выбор.

Она сделала свой выбор.

Я повторяю это в своей голове, как будто от этого будет легче. Это не так. Она по-прежнему выводит меня из себя. Я шаг за шагом иду к своей

машине. Я слышу их голоса, исчезающие на расстоянии, позади себя. Мила смеется, парень разговаривает с ней, низко и глубоко. Обернувшись, чтобы открыть дверь машины, я бросаю взгляд в их сторону. Они стоят рядом с тем, что должно быть автомобиль этого парня, потому что он открыл пассажирскую дверь, но Мила пытается пожать ему руку.

Что за черт?

Я делаю паузу и смотрю. Мила глотает свои слова, но она, безусловно, пытается пожать руку этому парню. И сказать спокойной ночи.

Чувство удовлетворенности сквозит во мне, прежде чем я могу остановить его.

Но парень улыбается, как пиранья и толкает Милу к машине, пихает против ее воли и проводит языком по ее горлу. Его руки держат ее, но она толкает его изо всех сил.

— Нет, — кричит она.

Я вижу взрыв красного и сокращаю разрыв между нами в три шага.

Я отталкиваю парня прочь от Милы и заваливаю на землю. Не подумав, я наступаю на его руку, когда он цепляется за мою ногу. Его кости хрустят, и он воет от боли, прижимая сломанную руку к груди.

Мила едва дышит. Широко распахнув глаза, она прислоняется к автомобилю. Пока мое внимание было на ней, парень ударил ногами по моей ноге под коленом.

Черт. Но я не чувствую боль из-за адреналина внутри себя.

Он ударяет снова, но в это время я слежу за его движениями. Он только задевает воздух.

— Пошел ты, чувак, — невнятно говорит он. — Чертов мудак. Это не твое дело. Ты сломал мне чертову руку, чувак.

Он изо всех сил пытается встать, но я ставлю ботинок ему на грудь.

— Нет, — говорю я ему, когда он пытается схватить меня. — Тебе повезло, что это все, что я сломал. В следующий раз, когда девушка говорит тебе нет, останови все, что ты, черт возьми, делаешь. Теперь иди домой и выспись. И никогда больше не подходи к Миле. Если ты снова это сделаешь, я оторву твой член и заставлю тебя съесть его.

Пьяный парень смотрит на меня.

— Это что, блять, твоя проблема? Ты не знаешь, что она хочет.

Я поворачиваюсь к Миле, моя нога все ещеочно стоит на груди парня.

— Мила, ты хочешь увидеть этого парня снова?

Она покачала головой.

— Нет.

— Имей в виду, — говорю я ему спокойно, убирая свою ногу. — Убирайся отсюда.

— Пошел ты, парень, — бормочет он, пока поднимается на ноги. — Мне не нужно это. К черту эту шлюху.

Вот тогда я и ударил его.

Сильно. Прямо в голову. Он падает вниз, как мешок с камнями. Мила задыхается, и я качаю головой, наклоняясь, чтобы убедиться, что он еще дышит.

Он дышит, и я поворачиваюсь к Миле.

— Пошли. Давай отвезем тебя домой.

— Почему ты это сделал? — шепчет она. Ее глаза застыли на бессознательном мудаке, лежащем на тротуаре.

— Джаред не хотел делать мне больно. Он просто пьян. Я знаю его очень долгое время.

Я смотрю на нее и подхожу.

— Ты не представляешь, что он хотел сделать. Поверь мне. Это не очень хорошо.

Я беру ее за руку и веду к своей машине, открываю дверь и сажу на пассажирское сиденье, пристегивая ремень.

Пока я сажусь в водительское сиденье, Мила роется в сумочке. Она смотрит на меня.

— Э-э-э, — говорит она спокойно. — Я не могу найти свои ключи. Моя квартира заперта. Можешь отвезти меня к Мэдди?

Ее слова звучат очень невнятно в этот момент.

Я отрицательно покачал головой.

— Ты серьезно облажалась, — говорю я ей. — Ты, вероятно, будешь болеть в ближайшее время. И я не думаю, что твоя сестра собирается домой. Я отвезу тебя в свой дом.

Ее глаза расширяются, и она качает головой.

— Пакс, нет. Это не очень хорошая идея. Я не доверяю тебе. — Ее слова, конечно, полностью искажены, но я могу понять их.

Я испугано смотрю на нее.

— Ты не можешь доверять мне? — она трогательно качает головой, и склоняет голову на прохладное оконное стекло.

— Нет. Я не могу позволить тебе разбить свое сердце. У меня его не так много осталось.

Моя кишка сжимается снова и снова, так же, как из-за того, что она рядом со мной.

Я поворачиваю ключ в замке зажигания.

— Не волнуйся, — говорю ей. — Я не буду ломать твое сердце сегодня вечером. Ты можешь спать в моей постели. Я посплю на диване.

Она кивает, ее лицо прочно покоится на окне, и я знаю, что она не долго протянет в сознательном мире. Я прав. К тому времени, когда мы доезжаем до моего дома, скучные пять минут спустя, она спит в сиденье.

Я смотрю на нее в течение минуты, на ее блестящие темные волосы, узкие джинсы, ее полные груди, которые я едва-едва вижу сквозь расстегнутую куртку. Ее губы выпячиваются с каждым маленьким выдохом, она ровно вздыхает в бессознательном состоянии. Она чувствует это завтра. Если бы она не была настолько глупа, то я бы чувствовал к ней жалость.

Я достаю ее из машины и несу в дом, стараясь не обращать внимания на то, как она мягко соприкасается с моим телом, и на то, как ее голова склоняется на мое плечо. Она очень легкая. Наверняка, весит не более ста фунтов.

Я кладу ее на свою кровать, снимаю ее ботинки и накрываю одеялом. Я притаскиваю мусорную корзину из ванной и ставлю рядом с ней, на всякий случай, а затем сажусь в кресло и наблюдаю за ней некоторое время. Я понятия не имею, очнется она, или будет спать всю ночь.

Она остается тихой и спокойной. Чуть заметный храп слышен, когда она дышит. Я не могу удержаться от небольшой улыбки по этому поводу. Я предполагаю, что она будет смущена, узнав, что храпит, хотя, на самом деле, это мило, как ад.

Я вздыхаю.

Я чертовски устал, и я мог легко заснуть прямо здесь, в этом кресле, но знаю, что если она проснется и увидит меня здесь, это может быть поразительным, особенно в темноте. Поэтому я спускаюсь вниз и обнаруживаю, что в очередной раз, я просто не готов спать. Я устал от всего этого дерьяма в баре, но тот факт, что Мила находится в моей постели в этот самый момент, рассеивает весь мой сон.

Она в моей кровати. Одна

А я внизу. Один.

И моя рука болит.

Черт.

Я хватаю мешочек со льдом для своей руки, бутылку виски из гаража и выхожу на пляж за моим домом. Я падаю на стул и смотрю на звезды, слушая ритмичные удары волн. Я делаю глоток жидкого огня, и чувствую тепло в моем животе, потом делаю еще один глоток.

Я засыпаю, напевая песню, не зная слов и не зная, откуда она взялась. Последней сознательной мыслью у меня было то, что ночь темная, очень темная.

Проходят минуты, или дни, или годы, прежде чем кто-то будит меня. Время прошло быстро.

— Пакс, — шепчет тихий голос, вторгаясь в мой сон.

И на минуту, на мгновение, кажется, что это моя мама. В размытом сне голос имеет такой же мягкий тембр как у нее. Но этого не может быть. Даже во сне. Я знаю это. Это всего лишь принятие желаемого за действительное, которое происходит в этом сероватом, полусонном состоянии. Это не моя мама. И я узнаю это после того, как открываю глаза.

Но я удивлен, когда нахожу перед собой Милу.

Мила кажется неуверенной, но она так чертовски красива в лучах утреннего солнца.

Она сияет. На самом деле. Кажется, у нее вообще нет похмелья. Ее темные рыхлые волосы струятся, и утренний ветерок несет ее запах на меня. Я вдыхаю его и смотрю на нее.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я мягко. Я щурюсь из-за света, затем протираю лоб. Сделав это, я вздрагиваю, потому что моя гребанная рука болит. И тогда я понимаю, что я, должно быть, заснул здесь. Из-за ночного воздуха мое горло першило, поэтому я прочищаю его. — Ты хорошо себя чувствуешь?

Я смотрю вниз и вижу, что моя бутылка виски валяется рядом со мной на пляже, ее содержимое пролито на песок. Я думаю. Я, конечно, надеюсь, что я не выпил все это. Если я это сделал, то позже буду чувствовать себя также, как Мила.

Мила выглядит еще более неопределенной сейчас.

— Я.. э-э... — она нервно переносит вес с одной ноги на другую. Я смотрю на нее и поднимаю бровь. — Я чувствую себя прекрасно. У меня во рту сухо и болит голова. Я не, гм... Я не помню точно, что произошло прошлой ночью. Но я, конечно, помню, что ты ударил Джареда и привез меня сюда. И я думаю, ты, возможно, сломал себе руку.

Я посмотрел на нее.

— Да, все так и было. Ты имеешь привычку вытворять дрянь в «Bear's Den» и возвращаться домой с приурками?

Это вышло немного жестче, чем я рассчитывал, и Мила вздрагивает.

— Нет, — быстро отвечает она. — На самом деле, я обычно не пью много на людях, если только это не вино за ужином. Мэдди не давала мне покоя, звала пойти с ней, повеселится и после вчерашнего, я просточувствовала, что мне было нужно это.

Я смотрю на нее с интересом, мои губы подергиваются.

— Я думаю, ты запуталась. А что насчет вчерашнего? Ты про тот момент, когда отвергла меня?

Румянец плывет по ее щекам, и она смотрит на песок.

— Да.

— Если это напрягало тебя, то ты, должно быть, думала, что, совершила ошибку? Может быть, ты не должна была отвергать меня? И, возможно, ты должна была дать мне шанс?

Я смотрю на нее, пытаясь заставить встретиться со мной взглядом.

— Ну, — подсказываю я. — Так что?

Она поднимает подбородок, ее зеленые глаза горят.

— Я думала об этом с того момента, как ты вышел из моего магазина, — признает она. — Все, о чем я могу думать — это ты. Даже когда я была с Мэдисон и Джаредом прошлой ночью. И затем, когда ты был там, в баре, это было все, что я могла сделать, чтобы не побежать к тебе и не запрыгнуть на твои колени.

Я поднимаю голову.

— Почему, нет? Думаю, я бы наслаждался этим.

Она снова краснеет. Ее щеки и шея привлекательно вспыхивают.

— Я думаю, что это можно было бы считать социально неуместным, — отвечает она с усмешкой. — Спасибо, что пришел мне на помощь вчера вечером. Думаю, теперь мы квиты. Я спасла тебя, а ты спас меня.

Она делает паузу и смотрит на землю, прежде чем оглянуться на меня.

— И я о тебе думал. Это, наверное, не умно или не хорошо для меня, но это все, о чем я думаю в последнее время. Я думаю о тебе.

— Твои извинения по-прежнему на столе со вчерашнего дня? Потому что если это так, я думаю, может быть, ты был прав. Наверно, стоит рискнуть.

Она нервно ерзает руками.

Я поднимаю бровь, нарочито глупо.

— Можешь ли ты быть более конкретной?

Она не отвечает. Она просто без колебаний наклоняется и целует меня в губы.

Губы, о которых я мечтал с прошлой ночью, находятся на моих губах, ее язык в моем рту. На вкус я, как виски и сигареты, но меня это не волнует, и ее, кажется, тоже. Она на вкус как небеса.

Наконец, она отстраняется, и я вижу, что она немного задыхается

— Итак, это значит да? — спрашивает она нерешительно.

Я покачал головой в недоумении, улыбаясь ей. Она здесь и это чертовски удивительно. И неудивительно. Моя грудь странно трепещет так сильно, что не могу поверить в свои следующие слова.

— Это да, — говорю я ей. — Мои извинения еще на столе. Но думаю, что я, вероятно, еще должен тебе.

Мила

Я смотрю на Пакса.

Несмотря на его великолепный вид, он выглядит грубым, как будто у него была адская ночь. У него двухдневная щетина и он носит ту же одежду, в которой был вчера. Его глаза оправлены красным, как будто он долго не спал. Или он, должно быть, много выпил. Или, может быть, он даже принял что-то другое.

Я прикрыла глаза.

— За что теперь тебе нужно извиниться? — спрашиваю я нерешительно. Я не уверена, что хочу знать. И, кажется, он не уверен, что хочет рассказывать мне. Я отошла на несколько шагов.

— Это не может быть хуже, чем получить минет от Джилл, не так ли?

Он держит меня за руку.

— Подожди, Мила. Просто послушай.

Он в упор смотрит на меня.

Я отвечаю тем же.

Он вздыхает.

Я жду.

— Да? — говорю я и слышу волнение в своем голосе. Я сглатываю. Он опускает голову, потом возвращает взгляд ко мне.

— Я думаю, что мы, вроде бы, создали сейчас что-то хорошее, и я не хочу портить это, начав со лжи.

Теперь я запуталась. Ложь? Он уже лгал мне?
Как будто слыша мои мысли, Пакс качает головой.

— Я еще не лгал тебе, — объясняет он. — Но, если я не скажу тебе, что сделал вчера вечером, то ты не поймешь, что я за человек. И это было бы самой большой ложью из всех.

— Что ты за человек? — шепчу я. — Ты хотел воспользоваться мной прошлой ночью? — Утренний ветерок колышет мои волосы, направляя их мне в лицо, и я с нетерпением засовываю их за уши. Мне нужно услышать это, даже если это ужасно.

Теперь Пакс сомневается. Из-за выражения на его лице, на мое сердце падает железный груз, потому что я знаю, что все, что он мне скажет, будет неприятно. Может быть, это была плохая идея. Но я должна знать. Я хочу отступить, но не поддаюсь искушению и твердо засовываю ноги в песок.

Пакс ловит мой взгляд и, тяжело вздыхая, поднимает подбородок.

— Я такой человек, который злится, а затем остывает и делает тупое дермо, чтобы попытаться блокировать гнев. Или боль. Я не имею дела со здоровыми вещами. Я имею дело с дермовыми вещами. Такими, как наркотики или женщины. Или виски. Вчера вечером я выбрал виски и женщину. Хотя этой женщиной была не ты. Я не хотел пользоваться тобой прошлой ночью.

Он смотрит на меня, и дыхание застrevает у меня в горле. Такое ощущение, как будто он пнул меня в живот. Весь вчерашний день я ругала себя, а он с кем-то спал? Прошлой ночью я была в его постели, а ему, видимо, хватило той шлюхи.

Я ошеломлена и поэтому делаю единственное, что любая, уважающая себя женщина, сделает в этой ситуации.

Я ухожу.

— Я ухожу отсюда, — бормочу я.

Одна нога впереди другой, я ступаю по пляжу, мои ноги погружаются в песок. Мое сердце тоже тонет все больше и больше, с каждым шагом, и я сосредотачиваюсь на песке, стараясь не обращать внимания на пронзительную боль, исходящую из моего сердца. Я знаю, что нелогично расстраиваться тому, что он не пытался воспользоваться мной. Но в данных обстоятельствах это немного обидно. И это не было бы изнасилованием, потому что я хочу его.

И именно поэтому эта ситуация так противна.

— Мила, подожди! — зовет меня Пакс. Я слышу его шаги прямо за собой, и останавливаюсь, когда он хватает меня за руку. — Пожалуйста, подожди. Мне нужно кое-что объяснить. И потом, если ты не поменяешь своего решения, можешь уйти.

Я медленно поворачиваюсь, глядя ему в лицо. Мой рот плотно закрыт. Я киваю.

— Я могла уйти прямо сейчас, если бы захотела. Мне не нужно твое разрешение. Но я послушаю, что ты хочешь сказать.

Его губы дергаются, как будто он находит мое маленькое шоу независимости смешным. Я не вижу юмора. Губы сжимаю вместе, руки кладу на бедра и жду.

Похоже, Пакс пытается сдержать свой смех.

— Ну, конечно, ты можешь уйти прямо сейчас. Но ты должна будешь идти пешком, если не хочешь ждать, пока я тебя отвезу. Твой автомобиль по-прежнему в баре.

Почувствовав, что мое лицо краснеет, я начинаю злиться. Сейчас я в его власти.

Он смотрит на меня. Все следы веселья ушли с его лица.

— Мне нужно тебе что-то сказать, — говорит он терпеливо. — Можешь ли ты вернуться и сесть?

Я смотрю на пляжные кресла, на которых он, по-видимому, провел ночь и снова киваю, следя за ним обратно. Я сажусь в одно кресло и вместо того, чтобы сесть на другое рядом со мной, он садится на мое кресло, рядом с моей ногой.

Я жду.

Спустя какое-то время, он начинает говорить:

— Я никогда и ни с кем не говорил об этом, так что трудно понять, с чего начать, — говорит он мне с кривой улыбкой. — Потерпи немного, ладно?

Я еще раз киваю и тихо жду.

— Я облажался, — говорит он прямо, и я не могу не улыбнуться.

— Ну, это один из способов, чтобы начать, — говорю я ему. Он тоже улыбается, но это грустная улыбка, и мое сердце покалывает от боли.

— Я знаю. Но хочу быть абсолютно честен с тобой. Я серьезно облажался. У меня никогда не было серьезных отношений. Все, что у меня когда-либо было — это шлюхи, прости за термин. Я, правда, не знаю, как быть в реальных отношениях с нормальной женщиной. Вчера, когда ты сказала, что «мы» плохая идея, мне было больно. Я не привык к отказу. И тогда я поехал в Чикаго из-за некоторых дел с моим отцом. Это был просто дерьмовый день. Я остановился у небольшого бара в городе, и занялся сексом с женщиной. Я всегда так делаю. Блокирую какую-либо боль или гнев наркотиками и женщинами.

Он замолкает.

Я, онемев, смотрю на него.

— Ты даже не знаешь ее? — спрашиваю я шепотом.

Пакс качает головой.

— Нет. Я даже не знаю ее. Но самое странное в том, что я не мог заставить себя кончить. Все, что было в моей голове, — это ты. И вдруг, темный небольшой бар захватил меня, и я не мог выйти оттуда. Я думал о тебе все время, пока ехал домой. Потом, увидев тебя в «Bear's Den», я не мог дышать. Но ты была там с кем-то еще, и уже сказала, что не хочешь меня. Мила, когда тот парень тащил тебя к себе в машину, я увидел что-то красное. Впервые за долгое время, я заботился о ком-то, кроме себя. Не имело

значения, хочешь ты меня или нет, но я не мог позволить тому парню обидеть тебя. Это говорит мне многое о себе. И о тебе. Это говорит мне, что ты хорошо влияешь на меня, что попытка быть с тобой стоит моего времени и стоит любого ожидания, которое потребуется, пока ты не будешь готова быть со мной.

Он замолкает, и теперь его глаза застыгают на моем лице. Он ждет... реакции, или ответа, или, возможно, отказа. Мое сердце бьется так, будто оцепенелые эмоции распространились на всю грудь. Я вижу в его глазах сломленного маленького мальчика, который кричит, что он пострадал.

Я давно хочу это изменить, чтобы изменить его.

Даже если у него был просто секс вчера вечером, в каком-нибудь грязном баре.

Дерьмо. У него просто был секс вчера вечером в каком-то грязном баре.

Я сглатываю из-за этого факта и смотрю на него. То, что он сделал, возможно, было некрасиво, но прямо сейчас, с этой хрупкостью в глазах, он абсолютно красив.

Мой живот скручивается.

Против своих опасений, я почему-то верю ему. Я считаю, что это ничего не значит для него. Не знаю, что заставляет меня витать в облаках, он или нет. Все это безумие, и я не знаю, что сказать. Единственное, что я знаю — это свои чувства.

Я хочу рискнуть.

Мое сердце бьется очень сильно, и я не уверена, что смогу успокоиться.

— Ты хотя бы предохранялся? — спрашиваю я нерешительно. — Я имею в виду с девушкой.

Пакс кивает.

— Конечно.

— Я, наверное, сумасшедшая. Мы даже не встречаемся, а ты мне уже изменял.

Но

меня безумно тянет к тебе, — говорю я ему. — Находясь не с тобой, я думаю о тебе. Раньше я не привлекала таких парней, как ты. Это что-то значит, верно? Так, может быть, мы должны посмотреть, что из этого выйдет? Но мне нужно слово, что ты не будешь ни с кем, пока встречаешься со мной. Я не вынесу этого. Найди какой-нибудь способ справиться со своими проблемами. Я очень боюсь, Пакс. У тебя есть проблемы, с которыми я понятия не имею, что делать.

Пакс смотрит на меня, его карие глаза поблескивают в утреннем свете. Он медленно кивает.

— Я буду очень стараться не причинять тебе боль, — говорит он. — Я облажался. Не могу обещать, что не буду. Но обещаю, что буду стараться.

— Хорошо, — шепчу я. — Но очень сильно постараться.

Пакс смеется, низко и хрипло, и мой живот наполняется теплом от этого звука.

— И я не изменял тебе. Мы не были вместе. Ты отвергла меня, помнишь?

Он опускает голову и снова целует меня. На этот раз, этот поцелуй с обещанием.

Поцелуй наполняет меня надеждой, и я понимаю, что за последнее время это первый раз, когда я чувствую себя действительно надежно.

Это прекрасное чувство и на секунду, мне кажется, что я все-таки не сумасшедшая, потому что чувствую себя хорошо.

Отстранившись, Пакс все еще держит меня, глядя сверху вниз, и я вижу тепло в его глазах.

Это, на самом деле, тепло. Я даже не представляла, как от этого хорошо.

— Я помню, — говорю я ему. — Но это было, потому что я пыталась слушать свою голову, а не свое сердце. Моя голова, как правило, умнее сердца. Хотя, на этот раз, я собираюсь сделать сумасшедшую вещь.

Пакс усмехается.

— Я делал сумасшедшие вещи так много раз, что сбился со счета. Все они, обычно, вредили мне. Поверь, я знаю, как выглядит сумасшествие, и это не оно. Это... просто природа.

Мужчина и женщина, которых тянет друг к другу, когда этого логически не должно быть, потому что они противоположны. Но ты же знаешь, что противоположности всегда притягиваются, так что это имеет смысл.

Он говорит так по-умному, как будто эксперт в этом, и я смеюсь.

— Ладно, Доктор Фил. Мы будем просто считать, что есть общий смысл и затем просто исходить из этого.

— Куда именно мы направимся дальше, а? Как же нам войти в реальные отношения? — спрашивает он с иронией. — Потому что я, правда, не знаю.

Я вижу, что он не врет. Он смотрит в недоумении и даже не пытается скрыть это. Я считаю, что это что-то новенькое, поэтому не смеюсь над ним.

Вместо этого я просто говорю:

— Хорошо, начнем с первого свидания. Затем второе и третье. Мы будем двигаться медленно. Я не собираюсь прыгать в постель сегодня вечером, Пакс. Я имела это в виду, когда сказала, что боюсь доверять тебе, потому что ты можешь разбить мое сердце. Мне нужно некоторое время для того, чтобы доказать, что ты не будешь этого делать.

— Я согласен с этим, — говорит он мне, в его голосе веселье. — Думаю, тебе стоит подождать.

Я улыбаюсь, потом опираюсь на его руку, и мы смотрим на озеро, на то, как пенные волны скользят по пляжу, а потом отступают обратно. Солнце блестит на поверхности, как миллион призм света, и я смотрю на него.

— Уверена, это самое раннее время, когда ты тут.

Он смеется.

— Может быть. Я не уверен, но все же. Мне нужен душ. Очень сильно. Поэтому я собираюсь отвезти тебя к твоему автомобилю, затем принять душ. Когда я смогу увидеть тебя снова?

Когда он сможет увидеть меня снова?

То, как он задает этот вопрос, еще раз вызывает приступ боли в моем сердце. Это кажется таким беззащитным и нежным. Вроде бы, где-то в глубине души, за его грубой внешностью, он хрупкий. Но я не говорю этого, потому что уверена, что ему бы не понравилось такое описание. Вместо этого, я отвечаю:

— Я должна работать в «Холме», в ресторане моей семьи. Моя сестра управляет им. Я помогаю во время долгих зимних месяцев. Но если хочешь, ты можешь приехать примерно в конце моей смены, мы можем пойти на наше первое свидание. Ты любишь итальянскую еду?

Пакс улыбается.

— Я люблю итальянскую еду. И это свидание.

Он ведет меня к своей машине, а затем снова целует, вдавливая в прохладную металлическую дверь. Переплетает свой язык с моим, и я чувствую слабость от его близости. Потом я, наконец, вырываюсь, как рассудительный человек, и смотрю, как он идет к своей стороне. Я не могу не заметить, как прогибаются мышцы его спины, как он движется.

Я вздыхаю.

Он великолепен и сексуален, даже со всеми своими недостатками. И я понятия не имею, о чем думаю.

Я забыла, как на самом деле утомительно ожидание. Я здесь всего пять часов, а чувствуется, как будто всю жизнь. Я останавливаюсь около кухонной двери и потираю свои лодыжки от ударов об ножки столов.

— Уже устала? — спрашивает Мэдди с усмешкой, когда проходит мимо. Она останавливается рядом со мной, в ее руках поднос с едой. — Не беспокойся. Ночь почти закончилась.

Я выпучиваю глаза.

— Но волдыри будут всю неделю. О-о, чего я только не делаю для тебя, старшая сестра.

Она хихикает и доставляет еще дымящуюся еду, мастерски балансируя загруженным подносом.

Она находится здесь так же долго, как я, но по-прежнему выглядит безупречно. Ее светлый хвостик по-прежнему аккуратен, а макияж по-прежнему прекрасен. Ни сколько не заметно, что у нее похмелье. Я не знаю, как она это делает. И это раздражает.

Я сажусь на ближайший стул, чтобы успокоить свои усталые ноги.

— Это место занято?

Еще не посмотрев, мое сердце знает, что этот хриплый голос принадлежит Паксу.

Я поворачиваюсь и нахожу Пакса за мной. Он принял душ и оделся в брюки и рубашку.

Святой Ад. Он выглядит потрясающе. Я не ожидала его увидеть, и сразу чувствую, что нахожусь в невыгодном положении.

Я грязная и пахну чесноком. Почему я не могу всегда выглядеть так же прекрасно, как Мэдисон?

— Привет, — говорю я ему тихо. — Ты действительно хорошо выглядишь.

Он улыбается, тепло и сияюще.

— Спасибо. Я рано?

— Немного. Почему бы тебе не пойти посидеть в баре и выпить, пока я не закончу?

Он кивает, и я веду его в бар, познакомив с нашим барменом-львиная грива.

Густые черные волосы Тони стоят в беспорядке на всей голове.

— Пакс, это Тони. Он был с нами в течение многих лет, когда мои родители были еще живы. Тони, это Пакс. Можешь ли ты составить ему компанию, пока я заканчиваю свою смену?

Тони, сорокалетний истинный итальянец, выглядит заинтересованным в этом предложении.

Уходя, я слышу, как он устраивает допрос Паксу.

Я обворачиваюсь.

— Прости, — обращаюсь я к Паксу. — Я не долго.

Пакс добродушно закатывает глаза и возвращает свое внимание Тони. Я поворачиваюсь обратно, и врезаюсь прямо в Мэдди.

— Что ты делаешь, младшая сестричка? — спрашивает она сурово. — Что он тут делает?

Я смотрю на нее.

Она с суровым большая-сестра выражением смотрит на меня, и я вздыхаю.

— Он пришел сюда из-за свидания. Он спас мой зад вчера ночью. И если ты придешь, пока я переодеваюсь, мы можем поговорить об этом.

— Ох, ну конечно.

Мэдисон зовет другую официантку смотреть за столовой, а потом сопровождает меня по длинному коридору к ее офису, где я оставила свою сумку.

Пока я снимаю рубашку, пропахшую чесноком, и брызгаюсь дезодорантом, Мэдди начинает заваливать меня вопросами. С каждым словом, которое вылетает из ее рта, я сочувствую Паксу, которому, уверена, задают так же много вопросов в другой комнате.

Натянув мягкую белую рубашку с длинными рукавами и джинсы, я брызгаю духами на свою шею, и смотрю на свою сестру.

— Смотри. Я знаю, ты беспокоишься обо мне. И я, правда, не знаю, должна ли использовать этот шанс с Паксом. Но я знаю, что он заставляет меня испытывать вещи, которые я никогда не чувствовала раньше. Он

заставляет меня чувствовать себя живой и надеется, что жизнь действительно может быть удивительной, если я только попробую сильно постараться. И вчера вечером он спас меня от пьяного осла Джареда. Поэтому, пожалуйста. Просто дай мне немного свободы, чтобы попытаться понять и увидеть, куда это приведет. Это просто долбанное свидание. Мы ведь никуда не сбежим.

Мэдисон вздыхает, громко и долго.

— Я думаю, что ты сошла с ума. У парня проблемы с наркотиками. Не думаю, что ты должна давать ему шанс, а, тем более, несколько часов на свидание.

Я смотрю на нее.

— Мэдди, ты не должна судить кого-то, кого даже не знаешь. Я не думаю, что он имеет какие-то проблемы с наркотиками. Не думаю, что он использует, и, конечно, я надеюсь, он остановится. Он сделал ошибку в ту ночь, приняв слишком много. И, опять же, я надеюсь, что он остановится и никогда больше не повторит этого. Но есть в нем что-то, что кажется таким реальным и подлинным, я не могу помочь, но хочу узнать его лучше. Должно быть, это что-то хорошее. Он спас меня вчера вечером. Не должен был, но спас.

Я смотрю на нее, и Мэдди еще раз тяжело вздыхает, нервно стучая красными ногтями по своему столу.

— Я должна напомнить тебе о том, что всегда говорила наша мама. Ты не сможешь изменить человека, Мила. Никогда. Человек всегда будет таким, какой он есть. Так что не втягивайся в этот, думая, что сможешь изменить Пакса, и что его хорошие качества обгонят плохие. Так это не работает. Ты даже не знаешь его.

Я тихо расчесываю волосы и собираю их в низкий хвост.

— Нет, не смогу, — наконец, говорю я, обращаясь к ней лицом. — Но и ты тоже. Я собираюсь познакомиться с ним, потому что я взрослая, и это мое решение. Можем ли мы, пожалуйста, не говорить сейчас об этом?

Я смотрю вниз, в ее голубые глаза, а она в мои зеленые. Наконец, она вздыхает и смотрит в сторону. Я улыбаюсь, потому что она уступила.

— Спасибо, — говорю я ей, пока наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в щеку. — Просто будь вежлива с ним, ладно? Я не прошу, чтобы вы были лучшими друзьями.

Мэдди хмуро смотрит на меня, но я не обращаю на нее внимания, я спешу в бар, чтобы спасти Пакса от Тони. Подойдя к бару, я вижу, что он, кажется, не нуждается в спасении. Тони посмеивается над чем-то, что сказал Пакс, и Пакс, кажется, совершенно непринужденным.

Я расслабляюсь.

То есть, до тех пор, пока Пакс не поворачивается в кресле и не улыбается мне. У него ямочки на подбородке, которые я не замечала раньше.

Его золотистые глаза сверкают.

Мир переворачивается, и мое сердце стучит с сумасшедшей частотой в грудной клетке. Я, наверное, схожу с ума, но на данный момент меня это не волнует.

Глава 10 Пакс

Я никогда не видел ничего прекраснее того, как выглядит Мила, пока идет ко мне через столовую.

Это не только потому, что она великолепна.

Это, потому что она идет ко мне. Чтобы быть со мной. Даже если это ненадолго, на сегодня или на неделю.

Я сглатываю и улыбаюсь ей.

Она улыбается в ответ, и все в этом мире кажется правильным — странное и необычное чувство для меня.

Когда Мила находится на полпути ко мне, Тони спокойно говорит:

— Не обижай эту девушку или будешь иметь дело со мной.

Я смотрю на него, у него грубый жесткий взгляд на лице, очень отличающийся от взгляда хорошего бармена, которым он был секунду назад. Но я его понимаю. Он защищает Милу, и я должен уважать это. Я киваю.

— Я постараюсь.

Тони кивает, вытирая полотенцем рюмку.

— Сделай это.

Мила появляется рядом со мной, нарушая внезапное напряжение.

— Привет, — шепчет она, и кладет свою тонкую руку на мое плечо. Я пытаюсь побороть в себе желание посадить ее на себя и поцеловать. Это все моя странная тяга. Но она, кажется, пробуждает во мне странные вещи.

— Привет, — отвечаю я. — Ты готова к нашему свиданию?

Она снова улыбается.

— Абсолютно. Почему бы нам не заказать еды перед тем, как кухня закроется, и затем мы откроем бутылку вина. Я покажу тебе лучший столик в доме.

Она хватает меня за руку и ведет через тихую столовую за еще более тихий столик на двоих у окна. Вся задняя часть ресторана выходит окнами на озеро, которое видно через окна.

Слева я вижу итальянский дворик, который, по-моему, используется для обедов в летние месяцы.

Слишком холодно, чтобы есть там сейчас.

— Так будет хорошо, месье? — спрашивает Мила с улыбкой и преувеличенным акцентом. Я улыбаюсь.

— Французский? Я думал, что это был какой-то необычный итальянский.

Она хихикает, вручая мне меню, когда я сажусь. Я улавливаю намек ее духов, когда она движется, и вдыхаю их.

Она пахнет как небо, так же, как ее рот на вкус.

— Мы не стремимся быть необычными. Мы стремимся, чтобы это было подлинное итальянское место. Мы просто сделали кучу ремонта

прошлым летом, чтобы улучшить атмосферу и постараться вызвать ощущение, что ты находишься в Италии.

Я смотрю на грубую штукатурку стен итальянского искусства, — деревенский шарм. Кажется, как будто мы сидим в столовой старого мира. Поэтому я говорю ей, что и она сверкает. Судя по всему, это именно то, что они хотели.

— Я буду лазанью, — говорю я ей. — Она здесь хороша?

Она смотрит на меня.

— Здесь все блюда хороши. Убедись в этом, чтобы рассказать всем своим друзьям.

Я смеюсь.

— У меня их не так много. Но я постараюсь для твоего ресторана, для тебя в любом случае. Как ты относишься к более грубому типу толпы?

Мила кидает мне сухой взгляд и уносится, предположительно для того, чтобы сделать заказ еды. Она приходит через минуту с бутылкой вина, и садится на стул напротив меня. Огни свечей, мерцающих на нашем столе, бросают мягкий свет на ее лицо.

— Вино? — спрашивает она, наливая мне в стакан красную жидкость. Я киваю, и это хорошо, потому что оно уже льется.

— Спасибо, — говорю я. — Чудесная ночь, не правда ли?

Я гляжу из окна на озеро, спокойное, и темное ночью. Мила следует за моим взглядом.

— Я люблю озеро, — говорит она мне тихо. — Я знаю, что большинству людей, живущих здесь, оно нравится, но я, на самом деле, люблю его. Это так утешительно. Оно всегда одинаковое, независимо от того, какие изменения происходят в моей жизни.

Я смотрю на нее, потому что чувствую себя точно так же. Это одна из причин, почему я, присев на самый краешек, выбрал жить здесь. Озеро символизирует бесконечность. И это приятно.

Мила смотрит на меня, ее взгляд задумчив. Только теперь я замечаю, что глаза у нее самого мягкого оттенка зеленого, почти как нефрит.

— Расскажите мне о себе, — тихо просит она, когда пьет свое вино. Ее пальцы поглаживают бокал, и я понимаю, что ревную его. Я также замечаю, что на ее средний палец надето темно-красное кольцо, такого же оттенка, как вино. Я перевожу дыхание.

— Ну, мое имя — Пакс Александр Тейт. Ты знаешь, где я сейчас живу, но ты, наверное, не знаешь, что я вырос в Коннектикуте, и мы переехали в Чикаго, когда мне было семь лет. Мой отец до сих пор там. Он главный адвокат в городе. Но я переехал сюда несколько лет назад. Я люблю озера, как и ты. Я люблю тишину и одиночество. Я не самый социальный человек, и я знал, что люди в городе используют озеро для того, чтобы оставить других людей в покое. Местные жители знают, что иногда люди приходят сюда именно по этой причине, чтобы быть в одиночестве, вдали от шумного города. Вот почему я решил поселиться в Анджэл Бэй.

Мила ободряюще улыбается, как будто знает, как трудно мне говорить о себе. И, честно говоря, я не знаю, почему это так. То, что я делаю прямо сейчас, называют фактами. Это не так, когда я погружаюсь во что-то личное.

— А что с твоей мамой? — спрашивает она любопытно. — Твои родители развелись? Почему вы переехали в Чикаго?

И теперь мы ступили на очень личную территорию. Я снова вдыхаю и понимаю, что моя рука плотно сжимает моё бедро. Я расслабляю пальцы. Это просто разговор. Ничего страшного.

— Мама умерла много лет назад. Когда мне было семь лет. Папа и я переехали в Чикаго, чтобы избавиться от воспоминаний.

Мила застывает, ее прекрасные зеленые глаза приклеены ко мне.

— Я... Я... Я не знала этого, — бормочет она, наконец-то. — Мне очень жаль. В больнице, когда я рассказала тебе о своих родителях, ты мне ничего не сказал.

Я смотрю на нее.

— Я знаю. Обычно я не говорю об этом.

— Она была больна? — спрашивает Мила. — У тебя была возможность попрощаться с ней? Я думаю, что это было самым худшим, когда умерли мои родители. У меня не было возможности попрощаться с ними. Это было так неожиданно. Так шокирующее. Шок — вот это было самым худшим.

Я пытаюсь вспомнить, когда моя мама умерла, и, как всегда, не могу. У меня большой пробел. Единственная вещь, которую я когда-либо видел, стараясь думать об этом, — это кучу невнятной белизны. Никаких воспоминаний.

— Ты когда-нибудь помнила вещи по цветам? — спрашиваю я ее бесцеремонно. — Смотри, из-за того, что был маленьkim, я, видимо, перекрыл все воспоминания о смерти моей матери. Она внезапно умерла в автокатастрофе, как и твои родители. Но я ничего не помню об этом. Думая об этом, я вижу только много белизны, почти, как пустой экран.

Мила, похоже, в шоке.

— Я тоже так делаю, — шепчет она. — Я ассоциирую цвета со всем подряд. Думаю, это потому, что я — художник. Я рисую для жизни, поэтому, естественно, вижу вещи в красках. Хотя, я не знаю, как объяснить тебе.

Я улыбаюсь.

— Никто не знает, как объяснить мне, — говорю я сухо.

— Итак, ты был маленьkim мальчиком, когда твоя мама умерла, — говорит Мила медленно. — Наверное, это было ужасно для тебя. Неудивительно, что ты заблокировал все воспоминания. Как твой отец справился с этим? У вас есть другая семья?

Обычно, я бы побоялся впустить кого-то для исследования моей личной жизни. Но я знаю, что Мила не имела в виду ничего дурного. Думаю, что она просто пытается понять меня, чтобы увидеть, что делает меня таким. Я чуть не рассмеялся, потому что это почти невозможно.

— Я был маленьkim мальчиком, — подтверждаю я. — И, думаю, что это, вероятно, было ужасно. Но, как я сказал, в большинстве я об этом ничего

не помню. Я не помню ничего до того, как мне не исполнилось девять или около того. Мой старый терапевт, у которого я наблюдался, когда был ребенком, сказал, что это был способ моего мозга защищаться от травмы. Мой отец нормально с этим не справился. Это одна из причин нашего переезда. Он никогда не станет прежним. Моя мама забрала кусочек его, когда умерла. И, нет. У меня нет никакой семьи, кроме него. Мой дед — отец матери, все еще жив. Но он был очень пьян, когда мы уезжали, и перестал со мной разговаривать. Он управляет нефтяной компанией, которая обеспечивает мою жизнь. Я унаследовал акции своей матери.

Итак, я поделился с Милой большей информацией, чем с кем-либо в течение длительного времени. Думаю, я действительно не понял, каким единственным стал до этого момента. Это довольно печально. Я действительно никогда не делал такого ни для кого. До сих пор.

Я смотрю на Милу.

— Итак, теперь ты знаешь историю моей жизни. А что насчет тебя? Я знаю, что твои родители умерли. Что еще мне нужно знать о тебе?

Я тянусь за бутылкой с вином и вновь наполняю наши бокалы. У меня есть ощущение, что мы нуждаемся во времени этим вечером. Смотрю вокруг и вижу, что ресторан почти пуст, за исключением шума на кухне.

— Ну, я все еще очарована тем, что у нас больше общего, чем я предполагала, — признается Мила, ее щеки пылают от выпитого вина.

— Да, мы принадлежим к одному элитарному клубу, — закатываю я глаза. — Мы знаем, что значит потерять родителей в раннем возрасте. Повезло нам.

— Ты был намного моложе меня, — говорит она серьезно. — Я росла в колледже. Не могу себе представить, каково маленькому мальчику расти без мамы. Твоя бабушка, хотя бы была жива в это время? Присутствовало ли тогда в твоей жизни какое-то женское влияние?

Я качаю головой.

— Нет. Моя бабушка умерла до моего рождения. И, нет, никакого женского влияния, кроме учителей, пока я рос.

И тут же, на одном дыхании, Мила коснулась того, о чем я никогда не думал. А если тот факт, что у меня не было матери (или любой другой женщины) влияет на меня больше, чем я думаю? Может, из-за этого я не очень хорош в том, что касается женщин?

Судя по выражению лица Милы, она тоже задумалась об этом. Но она ничего не говорит.

В ее глазах стоит сочувствие. Я ненавижу это.

— Не надо меня жалеть, — говорю я ей. — Есть миллионы людей, которые пережили смерть своей матери. И ты тоже. Я не так уникален. Все мы проходим через это так, как можем.

Она снова уставилась на меня с задумчивым лицом.

— Итак, ты не потерял себя и не сломался, пока рос без матери?

Я закатываю глаза.

— Ты пытаешься найти какую-то причину того, почему я стал таким мудаком? Причина в том, что... я — мудак. В жизни есть некоторые вещи, которые не объясняются. Период. Придурки — это придурки. Радуга красивая. Котята милые. Девчачье кино грустное. Все это в порядке вещей, без объяснения.

И теперь она закатывает глаза

— Все так, как оно есть, но на все есть своя причина. Котята милые, потому что они крошечные комочки шерсти с приплюснутыми мордочками. Радуга красивая, потому что в ней есть все цвета мира. Девчачьи фильмы грустные, потому что девчонкам иногда просто необходимо выплакаться. А придурки... всегда придурки тоже не просто так.

Она снова смотрит на меня, ее глаза полны решимости, и я вижу, что она действительно хочет разобрать меня на части и посмотреть, что делает меня таким, какой я есть. Я вдруг чувствую себя голым от ее взгляда. Но, благодаря удаче, наша пища прибывает в этот идеальный момент, и я почти вздыхаю с облегчением.

Ее сестра Мэдисон ставит наши тарелки на стол перед нами. Лазанья для меня, и пенне для Милы. Корзина хлеба между нами.

— У вас должно быть все в порядке, — говорит она нам, но смотрит на Милу, а не на меня. — Если вы захотите, то просто отставьте ваши блюда на кухне и заприте, когда закончите, что, кстати, было бы здорово. Все остальные скоро уедут. Вам здесь хорошо?

Она поднимает бровь на сестру, и я знаю, что она, на самом деле, спрашивает Милу: «*У тебя здесь все в порядке с ним?*»

Я борюсь с нуждой, чтобы посмотреть на нее. Она та, кто оставил свою младшую сестру одну с пьяным мудаком вчера вечером. Не я.

Мила кивает и улыбается.

— Все хорошо, Мэдди. Увидимся завтра.

Мэдисон кивает и уходит, ни разу не взглянув на меня. Я смотрю на Милу.

— Твоя сестра — ледяная сучка, — говорю я вежливо.

Мила отклоняет голову назад и смеется.

— Почему бы тебе не сказать мне, что ты действительно чувствуешь, Пакс? — Она снова смеется, затем добавляет: — Мэдди просто защищает меня. Она все, что у меня есть, и она воспринимает эту роль довольно серьезно.

Я поднимаю бровь.

— Но не прошлой ночью, когда она оставила тебя наедине с придурком Джаредом.

Мила качает головой.

— Мэди плохо себя чувствует из-за этого. Она не могла справиться с ликером, поэтому совершила ошибку.

Я качаю головой, но закрываю тему, когда мы углубляемся в нашу еду.

— Это очень вкусно, — говорю я ей. — Не удивительно, что это место не выдерживает туристического сезона.

Она улыбается.

— Спасибо. Это была мечта моих родителей. И Мэдисон держит этот ресторан на плаву для них.

Мы по-прежнему едим при свете свечей, тишина удивительно удобна. Я никогда не был с кем-то прежде, не чувствуя потребность заполнить неловкое молчание. С Милой ничто не кажется неловким. С ней легко, это не заставляет меня волноваться.

Закончив с едой, мыносим наши тарелки на кухню, и Мила поворачивается ко мне, кладя тонкую руку мне на грудь. Я смотрю на нее вниз с удивлением.

— Я еще не готова сказать «спокойной ночи», — говорит она осторожно.— Не хочешь пойти погулять на пляж?

Я киваю.

— Конечно. Давай возьмем наши куртки.

Я помогаю ей одеться и следую за ней на открытый воздух, по вытоптанной тропе, ведущей вниз, к воде.

Мила берет мою руку, когда мы идем, и держит ее. От этого по-настоящему уютно.

— Я играла здесь, на этом пляже, когда была ребенком, — говорит она мне и смотрит вокруг, на замерзшую дикую траву и серую воду. — Мэдди и я бегали вверх и вниз на этом участке песка, а наши родители в это время работали в ресторане. Это было великолепное детство. А где ты играл?

Я думаю об этом, пока обвожу ее вокруг части коряги, валяющейся на песке.

— Я, правда, не помню, — говорю я ей. — У меня есть немного воспоминаний о дедушкином доме. Думаю, что моя мать, может быть, брала меня туда времена от времени. И еще, я немного помню Рождество. Но не более того.

Она снова смотрит на меня сочувственно, но ничего не говорит. У меня такое чувство, что она знает, что я не хочу сочувствия от нее.

— Как ты думаешь, Бог существует? — спрашивает она, меняя тему разговора. И это очень неожиданно. Я смотрю на нее.

— Что за вопрос?

— Это так, случайно.

Я улыбаюсь, мы продолжаем идти, и я чувствую влагу от мокрого песка, пронизывающего мои туфли. Мне жаль, я на надел мои бутсы, но они выглядели бы неуместно с брюками.

Мила вздыхает.

— Я не знаю. Это все не просто так. Просто, это время от времени, это интересует меня. Я никогда не думала об этом, пока мои родители не умерли, но теперь, этот вопрос привлекает меня все больше. Я не могу ничего с собой поделать. Сегодня мы говорили и о других личных вещах, так что я просто думала, что спрошу. Я пытаюсь узнать тебя.

Она улыбается и сжимает мою руку. От этого жеста мое сердце немного смягчается. Есть что-то в этой девушки. Я знаю, что она может спросить что угодно, а я бы, наверное, не смог не ответить.

— Я не знаю, — говорю я. — Я не знаю о Боге. Я уверен, что он где-то там. Далеко. Наверное, глядит на всех нас и интересуется, почему мы так облажались. И если он там, я уверен, что он забыл обо мне давным-давно.

В горле у Милы перехватывает дыхание, я слышу это. Она останавливается, поворачивается ко мне, ее рука на моем плече.

Она смотрит на меня, глаза ее наполнились чем-то непонятным для меня.

— Зачем ты так говоришь? — спрашивает она тихо.

Я качаю головой.

— Я не знаю. Кое-чего во мне не хватает, Мила. Этого просто нет, и я не уверен, было ли оно вообще. Я уверен, что Бог не возится с кем-то вроде меня.

По какой-то причине у меня образовался комок в горле, и я понятия не имею, почему. Я сглатываю и смотрю вниз, на нежную, красивую девушку, стоящую на песке рядом со мной. Кто-то, возможно, поджал бы хвост и убежал. Но не она. Ее ноги не двигаются, а глаза широко открыты.

Она протягивает руку и проводит по моей груди, потом по моему лицу.

— Ты ошибаешься, — говорит она мне тихо. — Во всем. Ты не видишь себя так, как тебя вижу я. Но если бы видел, то понял, что в тебе вообще ничего не отсутствует. Я думаю, что ты использовал наркотики, чтобы заглушить боль от вопросов, не дающих тебе покоя, или сомнений и страхов. Я не уверена, что это все причины. Но я знаю, что есть вещи, с которыми ты никогда не имел дела или не думал о них, и, наверное, поэтому сейчас чувствуешь пустоту. Но наступит время, и ты ответишь на все свои вопросы. Ответишь, и снова будешь чувствовать себя целым. Не будет больше дыр, не будет пустоты. Вот, что я думаю.

Мои глаза горят, когда я гляжу вниз, на эту невероятно проницательную женщину. Во мне много говна, о котором я никогда не думал. На самом деле, я пошел прочь со своего пути, чтобы не думать об этом. И, может быть, это было самым большим ущербом — не делать сумасшедшее дермо.

— Я думаю, что ты знаешь меня лучше, чем должна, — говорю я ей грубо. Она улыбается своей нежной улыбкой.

— Я не знаю тебя так хорошо, как хотелось бы, — отвечает она, обнимая меня за шею. — Но я собираюсь исправить это.

А потом она целует меня. Когда она это делает, мне кажется, что все правильно в этом мире, как это всегда бывает, пока она у меня в руках. Это, словно держать луч солнца. Я целую ее до тех пор, пока мы не начинаем задыхаться и, наконец, оторвавшись друг от друга, мы переводим дух и снова целуемся.

Звезды мерцают над головой. Озеро, находящееся с левой стороны, бесшумно и спокойно.

Впервые за все время, что я себя помню, я чувствую, что нахожусь дома.

Глава 11 Пакс

В первый раз за неделю во мне просыпается тяга к коксу.

Я не знаю, почему. Может, потому что вчера вечером было чертовски классно? Мила и я гуляли по пляжу, пока не устали. Мы держались за руки и поцеловались, затем снова держались за руки. Я проводил ее к своей машине, где мы еще раз поцеловались. Но я не пригласил ее к себе, так же, как и она.

Сейчас все слишком хорошо, чтобы испортить. Даже такой мудак как я, знает это. Если она хочет, чтобы все было медленно, то именно так я и буду действовать. Я не буду торопить ее. Я не употреблял из-за нее и не собираюсь.

Даже думая о слове «употреблять», я вспоминаю свою тягу. Ту, от которой мой нос жжет, и онемение распространяется по всему телу.

Но это всего лишь привычка. Потому что в первый раз, что я себя помню, я не хочу быть в отключке. Мила заставляет меня хотеть чувствовать вещи... с ней и для нее. Она заставляет меня хотеть быть хорошим человеком просто потому, что я могу быть рядом с ней.

Итак, я отбрасываю покрывало назад и делаю спонтанную вещь.

Я открываю крышку флакона с таблетками, вываливаю все содержимое из него в унитаз и смываю. Смотря, как исчезают таблетки, я начинаю паниковать.

Какого черта я делаю?

Я почти засовываю руки в унитаз, чтобы достать таблетки.

Но лицо Милы появляется в моей голове, и я снова успокаиваюсь.

Я делаю то, что нужно. Это нужно мне. И я могу это сделать. Я не слабак.

Я спускаюсь на кухню и нахожу свои запасные таблетки в морозильнике, бросаю их в мусоропровод и включаю его. Я слушаю, как измельчаются таблетки, позволяющие мне сбежать от реальности.

Я даже с моим сноторвным прощаюсь. Все, что может быть костылем для меня, я выкидываю. За исключением трех бутылок виски, которые стоят у меня на кухне. Я не сошел ума, черт возьми. Я пытаюсь начать с чистого листа.

Мои телефон звонит, и я вижу высыпавшееся имя Милы. Я улыбаюсь и отвечаю на звонок.

— Эй, детка.

На секунду образуется тишина, как будто моя нежность застала ее врасплох, но я чувствую улыбку в ее голосе, когда она, наконец, отвечает.

— Эй! Просто звоню, чтобы пожелать доброго утра. И поблагодарить тебя за прошлую ночь. Было действительно приятно. Я здорово провела время. Что ты сейчас делаешь? Я тебя разбудила?

Я смеюсь.

— Нет. Ты не разбудила меня. На самом деле, ты не поверишь, когда узнаешь, что я делаю.

Пауза.

Потом она смеется.

— Ну, ты собираешься сказать мне, или хочешь, чтобы я догадалась?

— Я хочу, чтобы ты догадалась, — говорю я ей. — Но если ты не хочешь напрягать воображение, то я могу просто сказать тебе. Я начинаю все с чистого листа. Я не буду утомлять тебя деталями, но, думаю, ты заметишь изменения.

Еще одна пауза.

Наконец, она отвечает:

— Пакс, что ты имеешь в виду, говоря, что начинаешь с чистого листа? О каких изменениях ты говоришь? Потому что, если это что-то значительное, я не хочу, чтобы ты это делал, только потому, что думаешь, что я этого хочу. Это не поможет. Изменения происходят если ты, на самом деле, хочешь, чтобы что-то изменилось.

Я хихикаю.

— Ты довольно умна для такой мелочи, — говорю я ей. — Но я хочу совершить это изменение. Ты была права вчера вечером. Я использовал наркотики, чтобы прикрыть эмоции — блокировать их. Только слабаки так делаают. Я могу справиться со всем, что жизнь бросает в меня. Мне не нужны кости.

— Ладно, во-первых, я не намного моложе тебя. Мне двадцать три. И, во-вторых, я очень рад за тебя, Пакс. Это удивительно. И я помогу тебе, в чем бы ты ни нуждался. Если хочешь, я могу порекомендовать терапевта. Я использовала одного, когда мои родители умерли. Он был действительно хорош и помог мне справиться с горем. Я уверена, что он может помочь с твоей зависимостью.

— К черту, — говорю я ей автоматически. — Мне очень жаль. Я не хотел, чтобы это прозвучало грубо. Я просто имел в виду, что я не наркоман. Я не нуждаюсь в помощи по избавлению от привыкания. У меня, правда, нет привычки. Но спасибо за предложение.

Пауза.

Длинная пауза.

— Хорошо, — отвечает, наконец, Мила. — Я уважаю это. Но дай мне знать, если я смогу сделать что-то, чтобы помочь. Я могу слушать, если ты захочешь поговорить, или попытаться занять тебя чем то, или все, что только нужно. Кстати, ты хотел бы сходить на второе свидание сегодня вечером? У меня есть кое-что на уме.

— В самом деле? — спрашиваю я, поднимая бровь, хотя она не может видеть этого. — И что же ты придумала?

— Ну, это включает в себя мой магазин и краски. Так мы больше узнаем друг друга, я думала, может быть, ты хотел бы увидеть, что я люблю делать.

Теперь я заинтригован, так что говорю ей, что согласен встретиться с ней в ее магазине в 19:00. Я должен принести еду на вынос.

Я улыбаюсь, направляясь в душ. Если это то, какими должны быть отношения, думаю, что смогу прожить без таблеток

Мила

Говорят, не надо желать, чтобы ваша жизнь ускорилась, но это именно то, что я делаю весь день, пока жду приближения семи часов вечера.

Закрыв магазин в 18:00, я мчусь до своей квартиры в душ, одеваюсь в джинсы, которые мне как раз в пору, и мягкий красный свитер — подарок от него. У этого свитера глубокий вырез и я не надеваю лифчик под него. Я вижу выпуклость моей груди, когда рассматриваю себя в зеркале, и румянец распространяется по моим щекам.

— Боже, ты смешна, — говорю я себе, брызгаясь духами. — Ты взрослый человек, он тоже взрослый. Ты можешь одеваться сексуально, если хочешь. Это не делает тебя шлюхой.

И теперь я говорю сама с собой.

Великолепно.

В 19:00, я прохожу свой путь назад, вниз по лестнице, делая вид, что спокойна, ожидая Пакса в своем магазине. Он как раз вовремя, слава Богу. Я смотрю, как он идет по тротуару и, честно говоря, от этого вида у меня перехватывает дыхание.

Я заметила, что снова принял душ и надел другие джинсы с черной рубашкой, которая облегает его грудь под пальто. Его тонкая талия заставляет меня жаждать обернуть руки вокруг него, поэтому я поднимаю свой взгляд на его лицо. Он подмигивает мне.

Мое сердце трепещет, когда я открываю дверь и впускаю его.

— Привет, — говорю я тихо. Он приносит с собой прохладный зимний воздух и свой чистый аромат. Я делаю глубокий вдох, затем тянусь, чтобы поцеловать его в щеку.

— Привет, — отвечает он. — Это все, что у тебя есть для меня? — Он усмехается.

Я качаю головой, закатывая глаза.

— В настоящее время, да. Будь терпелив.

— О, я очень терпелив, — говорит он. — Поверь мне.

Он останавливается в середине моего магазина и осматривается. Он такой большой, но при этом умудряется не выглядеть неуместно посреди всей этой изысканной мебели, мольбертов и красок.

— Так, каков план? Что мы будем делать?

— Ну, во-первых, я собираюсь взять твоё пальто. И тогда у тебя есть два варианта: я могу либо научить тебя рисовать, и ты можешь рисовать со мной, или я буду рисовать тебя. Ты можешь быть моей моделью. В любом случае, это должно быть весело.

Пакс смотрит на меня задумчиво, кажется, по-настоящему думая об этом.

— Ну, я не похож на художника, — наконец, говорит он. — Честно говоря, я даже не знаю, сможешь ли ты научить меня. У меня просто нет художественных способностей.

— Думаю, что смогла бы научить тебя, — говорю я ему, самодовольно. — Но если ты будешь чувствовать себя более комфортно, я буду счастлива, нарисовать тебя, и мы могли бы пообщаться, пока я буду рисовать тебя.

— Раньше меня никто не рисовал, — объявляет он. — Я могу выбрать обстановку или позу, или еще что-нибудь?

Я удивлена, что его это заботит. Но я киваю.

— Конечно. Это просто для удовольствия. Я нарисую тебя любым способом, который ты захочешь.

Он широко улыбается.

— Отлично! Я хотел бы быть обнаженным.

Я в шоке, когда смотрю на него, но, увидев блеск в его глазах, я поняла, что сама виновата.

— Это была ловушка! — я закатываю глаза. — Ты меня подставил.

Он пожимает плечами и выглядит очень гордым собой.

— Мне жаль, что ты не очень осмотрительна, — говорит он, и я думаю, что ему вообще не жаль. — Но ты уже согласилась на это. Так что, я думаю, ты будешь рисовать меня обнаженного. — Он сужает глаза. — Почему? Это тебя беспокоит? Ты беспокоишься, что не сможешь контролировать себя, когда будешь лицезреть мою сексуальность?

Теперь он играет бровями, и я хихикаю.

— О, я буду стараться, чтобы справиться, — говорю я ему. Но, честно говоря, это будет подвигом. Я не могу поверить, что втянула себя в это.

Я делаю большой глоток воздуха и осматриваюсь вокруг, пытаясь успокоить свои дрожащие нервы.

— Нам лучше сделать это в моей студии. Не думаю, что ты хочешь быть голым перед окнами. Или, может быть, хочешь, ты ведь извращенец-экстремист.

Я смеюсь, вспоминая, что у него есть целые стены окон в своем доме, которые не останавливают его от прогулок голышом. Тогда я вспоминаю, как он получал минут через одно из тех окон, и это отрезвляет меня. Мои щеки вспыхивают, и Пакс замечает это.

— Что случилось? Тот факт, что я извращенец беспокоит тебя?

Он все еще шутит и понятия не имеет, что у меня есть представление о нем и Джилл, прочно засевшее в моей голове. Я качаю головой, пытаясь избавиться от образа.

— Конечно, нет, — шучу я в ответ. — Мне это нравится.

Я поворачиваюсь на каблуках в ответ на его шокированное выражение и прокладываю путь к моей частной студии. Входя в студию, я вдыхаю знакомый запах... масляной краски, акрила и деревянного пола.

Я обращаюсь к Паксу:

— Я даю здесь частные уроки, тут я делаю свою собственную работу.

Он одобрительно смотрит вокруг.

— Это прекрасно. Я могу видеть тебя здесь, работающую.

Он указывает на картину, висящую на стене. На ней изображена женщина, опустившая голову. Она довольно абстрактна и нельзя разглядеть детали ее лица. Никто не узнает, что это моя сестра. Ее голова наклонена, потому что она плачет на похоронах моих родителей. Этот конкретный момент запечатлен в моем сердце, и я знала, что должна нарисовать его. Картина висит здесь, в моей частной студии, потому что это слишком личное, чтобы быть проданным.

— Это Мэдисон? — спрашивает Пакс с любопытством. Я смотрю на него с удивлением.

— Как ты узнал? — спрашиваю я. — Картина настолько расплывчата.

Он подходит для изучения.

— Ну, я вижу, что черты лица такие же, как у нее. Ее волосы блондинистые, поэтому я предположил, что это должна быть Мэдисон. Это красиво.

— Спасибо, — бормочу я.

Он пробегается пальцем вдоль нижнего края рамы, изучая его.

— Она плачет, не так ли? — размышляет он. Я киваю.

— Да.

Он поворачивается ко мне.

— Тебе было больно в жизни, Мила. Я знаю это. И я клянусь тебе всем, что для меня священно, что постараюсь не делать тебе больно.

Я смотрю на него, вытаскивая рабочий халат.

— Всем, что ты считаешь священным? — Я пытаюсь шутить, чтобы вытащить нас из этого серьезного разговора. Я просто не в настроении для откровений прямо сейчас. — Что именно ты считаешь священным? Джек Дэниелс? — Я смеюсь, и он, наконец, тоже смеется, что позволяет мне перевести этот разговор в другое русло. Я, молча, благодарю.

— Я уверен, ты знаешь, мисс Всезнающие Штаны, что Джек помог мне в трудные времена. Так что, да. Может быть, Джек Дэниелс является священным для меня.

Он задиристо усмехается, подначивая меня что-то ответить. Поэтому я поднимаю бровь.

— Ты можешь снять свои трусы сейчас.

Вместо этого его челюсть практически падает.

— Снять трусы?

Шок заставляет меня хихикать.

— Эй, ты хотел обнаженную картину, извращенец. Чтобы я смогла сделать это, ты должен сбросить свои штаны, а потом трусы.

Пакс восстанавливает свое самообладание и очаровательно улыбается.

— Ну, если ты думаешь, что сможешь контролировать себя...

Пакс расстегивает свои джинсы и позволяет им упасть до щиколоток. Он выходит из них, и его нижнее белье следует вниз. Я борюсь с желанием взглянуть. Он усмехается.

— О, ты знаешь, что хочешь, — он дразнит, когда снимает свою рубашку. — Идем дальше. Взгляни. Все равно, в конечном итоге, ты должна будешь это сделать.

Я тяжело сглатываю, смотря на его грудь. У него есть татуировка на каждой грудной мышце и по одной на каждом бицепсе. Я замечаю, что у него также есть какие-то слова на правом боку. Все это отлично продемонстрировано на его удивительно скульптурном теле. Святой ад.

Я борюсь с собой, чтобы не смотреть ниже пояса. Я не хочу, давать ему удовлетворение прямо сейчас, а он, конечно, ждет именно этого.

Я улыбаюсь.

— Всему свое время, мистер Тейт. Почему бы вам не пойти туда и не встать под светом?

Я двигаюсь по направлению к передней части своей студии, безопасное и почтительное расстояние от моего мольберта. Он уверенно шагает голышом на место. Я вдыхаю. Его задница, такая же скульптурная и идеальная, как и перед. Как это вообще возможно?

— Как ты хочешь меня? — спрашивает он, стоя лицом ко мне, руки болтаются по бокам. Это провокационный вопрос.

Я не могу удержаться и теперь смотрю ниже пояса, и я настолько впечатлена, дергая глаза обратно, чтобы обнаружить, что он смотрит на меня с изумлением. Мои щеки немедленно вспыхивают, горячо и быстро.

— Гм. Почему бы тебе не отвернуться немного и не посмотреть вдаль?

— Твое желание для меня закон, — он растягивает слова, отворачиваясь. Мыщцы его спины перекатываются, и я смотрю на слова на его боку. Дерзкие и черные каракули ползут по его грудной клетке. Я читаю их вслух:

— Иди спокойно против шума и суеты.

Я смотрю на него с недоверием.

— Разве это не из поэмы «Желаемое»?

Он кивает, и я ошеломлена. Я должна посмотреть на него, потому что он смеется.

— Что? Ты думаешь, я неграмотный?

Он поднимает бровь, и я смеюсь.

— Нет. Это не то, что я думаю о тебе. Безмятежно. Или спокойно. Разве это не следующая строка, что-то о мире?

Он кивает.

— И помни, что мир существует в тишине. Я чуть было не наколол и это тоже, но решил этого не делать. Достаточно того, что я знаю. Ты знаешь, что «Пакс» означает мир по-латыни? Так что это подходит.

Я тяну холст к себе и начинаю рисовать его силуэт, решив сделать это абстрактно, как картину с Мэдисон.

— Думаю, что не знала этого. Интересно. И твоя татуировка красивая. Я просто не думала, что ты выберешь именно такую надпись. Это многое говорит о тебе.

Пакс смотрит на меня задумчиво.

— Почему? Потому что это глупо? Я глупый. Иногда. Хотя большую часть времени, я просто пытаюсь блокировать реальность. Я дам тебе это. Но есть мир в том, **что**, ты знаешь.

Я смотрю на него, рисуя линию его задницы и бедра.

— Может быть. Но это не настоящий мир. Это ложное чувство мира, вызванное забвением и отрицанием. Это не реально.

Я смотрю снова, и он, кажется, обдумывает это.

— Возможно, ты права, — говорит он тихо. — Но, тем не менее, это все еще мир. Это лучше, чем ничего.

— Я думаю, что ты установил планку слишком низко, — говорю я ему.

— Ты должен стремиться к лучшему.

Я рисую край его грудной мышцы, что проходит вниз к его ребрам.

— Я буду, — говорит он серьезно. — С тобой.

Я смотрю в его глаза и пристальный взгляд, который я нахожу там, заставляет мурашки бежать по моей коже. Его карие глаза блестят, и я не могу думать.

— Во всяком случае, — он растягивает слова с усмешкой, его настроение снова поднимается, — ты держишь себя в руках гораздо лучше, чем я ожидал. Я предлагаю, поднять ставки.

Я смотрю на него нерешительно, моя рука застыла над холстом.

— Я почти боюсь спросить, — говорю я ему. — Что ты хочешь сделать?

Он рассматривает меня, стоя так высоко и гордо в своей наготе.

— Я хочу, чтобы ты была голой, когда будешь рисовать меня. Это меньшее, что ты можешь сделать, чтобы поставить меня в более непринужденное состояние. Здесь я в самом худшем положении.

Я оборачиваюсь и смотрю с удивлением, моя челюсть падает. Прямо сейчас он хуже, чем любой ненормальный человек, которого я когда-либо видела. Он гордится своей наготой и смеется над выражением моего лица.

— Ты маленькая красная курица?

Мое сердце стучит так громко, что я практически могу слышать его.

Он смотрит на меня, смех в его глазах, и против моего лучшего суждения, я кладу кисть вниз и начинаю расстегивать свои джинсы.

— Хорошо, — говорю я ему. — Если ты думаешь, что можешь справиться с этим, я буду рисовать голой. Несмотря на то, что это не совсем нормальное поведение на втором свидании. Но ты должен сосредоточиться, оставаясь на месте. Ни одна часть твоего тела не может двигаться. Сможешь ли ты это сделать?

Он смотрит, полностью очарованный, когда мои джинсы падают на пол, и я выхожу из них, пиная их в сторону. Мои черные кружевные трусики следуют за ними, а затем свитер и лифчик. Он выглядит равнодушным, как будто это не имеет ни малейшего значения для него, но движение ниже его талии раскрывает правду.

Я ухмыляюсь.

— Сможешь ли ты справиться с этим? — спрашиваю я дерзко. — Потому что ты двигаешься.

Его губы дергаются.

— О, Красная. Если ты хочешь поддать жару, то должна быть осторожна, чтобы не обжечься об него.

И, посмотрев, на золотое пламя его карих глаз, у меня возникает отчетливое чувство, что я могу получить очень, очень сильный ожег.

Глава 12 Пакс

Мой член тверже, чем был в течение долгого времени. Я знаю, что Мила видит это.

Не могу удержаться и смотрю на нее. Она так чертовски красива.

Она смотрит на меня, стоя у своего мольберта, и я могу видеть изгиб ее груди. Ее груди кремово-белые и мягкие. Я борюсь с желанием прошагать по комнате, погладить их и затянуть сосок в рот. От своего разыгравшегося воображения я чувствую, что член стал твердым, как камень. С каждым движением ее руки, я вижу изгиб и длину ее бедра. Ноги у нее идеально длинные для того, чтобы обернуть их вокруг моих бедер.

Мой пах затягивает еще больше.

Мертвые щенки, монахини, холодная рыба. Я представляю все эти вещи, но это не работает. Черт. Мой член дергается.

Мила улыбается.

— Ты не будешь обжигать меня, — уверенно говорит она мне, когда ее рука движется по холсту. — Ты пообещал.

Я сглатываю.

— Я обещал попробовать, — напоминаю я ей. — Но я не так совершенен, как ты.

Она снова улыбается, ее глаза сосредоточены на том, что она рисует. Я могу только увидеть силуэт ее бока и тонкую двигающуюся руку. Напрягаюсь, чтобы увидеть больше.

— Я не совершенна, — говорит она мне. — На самом деле, это далеко не так.

Я закатываю глаза и переношу свой вес. Удивительно трудно оставаться на одном месте без движения.

— Я как-то сомневаюсь в этом.

Она смотрит на меня сурово.

— Ты должен оставаться на месте, — делает она мне выговор. — Ты нужен мне в одном положении.

— Может быть, мне принять какую-нибудь позу? — спрашиваю я, стараясь не улыбаться. — Миссионерскую? По-собачьи? Может, откопируем Камасутру в библиотеке?

— В этом нет необходимости, — говорит она, обходя мольберт и шагая ко мне, абсолютно великолепная в своей наготе. — У меня есть один экземпляр, в моей прикроватной тумбочке.

Я втягиваю воздух и смотрю на нее, а она смеется, наслаждаясь моим шоком.

— Шучу, — говорит она, подходя ко мне. Потом останавливается напротив меня и перемещает мою руку. Ее прикосновение — хотя оно всего лишь мимолетно — оставляет мою кожу в огне. Когда она чуть-чуть наклоняется вперед, ее грудь такая мягкая и теплая, давит на мою грудь. Сейчас мой член жесткий, как камень, и он изогнут к потолку. Я борюсь с желанием схватить ее и погрузить свой язык в ее горло.

— Забавно, — говорю я сухо. А потом у меня появляется идея.

Дьявол.

— Я передумал, — говорю я ей, и она стоит так близко, что я могу чувствовать тепло ее обнаженного тела. Ее соски такие же, какими я их представлял. Розовые, наклоненные к небу. Я тяжело вздыхаю. Эта девушка жарче, чем любая из тех, кто у меня был.

— Да? — спрашивает она невинно, регулируя другую мою руку.

Я киваю.

— Да. Сейчас я хочу рисовать.

Она удивлена.

— Хочешь? Ты, вроде бы, сказал, что не художник.

Я улыбаюсь улыбкой, растигнувшейся от уха до уха. Она снова идет прямо, а я наслаждаюсь этим.

— О, я думаю, что смог бы, — говорю я ей. — Если я имею право на холст.

Она по-прежнему озадачена, и я нарушаю образ, хватая ее за руку, и веду обратно к ее мольберту, находящемуся на небольшом стенде, который держит поднос с красками. Она смотрит на меня в замешательстве. Одна бровь приподнимается, пока она ждет, когда я начну объяснять.

Я смотрю в ее глаза, что невероятно трудно сделать, так как остальная часть ее тела обнажена. Я заслуживаю медали за это шоу самообладания.

— Знаю, что ты хочешь двигаться медленно, и я уважаю это. Обещаю, что остановлюсь сразу же, как ты скажешь, хорошо?

Она выглядит неопределенной, и я борюсь с желанием посмотреть на ее грудь снова.

— Я обещаю, — уверяю я ее. — У меня есть очень интересная идея. Но, чтобы ее осуществить, я должен касаться тебя. Есть ли у тебя проблемы с этим?

Она выглядит еще более неохотно, но качает головой. Она мне доверяет. Я не знаю, как и почему, но она доверяет. Поняв это, мои кишечки сжимаются тисками.

— Нет, — говорит она тихо. — У меня нет проблем с этим.

Я улыбаюсь, и мои мышцы живота расслабляются.

— Хорошо. Мне нужно, чтобы ты стояла на месте. Художник должен сосредоточиться.

Мила закатывает глаза и стоит на месте, руки болтаются рядом с ее совершенными бедрами. Я сглатываю. Мой член так чертовски тверд, что им можно резать стекло.

Вытягивая руку вокруг нее, я зачерпываю каплю красной краски пальцами. А потом, недолго думая, прикасаюсь к ее груди, скользя малиновым цветом по ее коже. Это выглядит так, словно красная птица летит через ее грудь.

От такого контакта она задыхается, а ее глаза поднимаются ко мне.

— Пальцевая живопись, — удается выдавить ей. — Интересно. Я делала это в детском саду.

— О, не таким образом, — отвечаю я уверенно, скользя пальцами по ее мягкому боку к бедру. — Я гарантирую тебе это.

Она выглядит так, будто проглотила язык, когда я очерчиваю контур ее задницы, а затем направляю пальцы на ее стройное бедро, затем к колену. Я встаю на свое колено и целую ее спину. Она неуверенно вздыхает.

Я слышу это и улыбаюсь.

Снова тянусь к краске и выбираю черную краску, прочекиваю цветом ее спину и плечи, закручиваю и устремляюсь вниз. У меня нет конкретного изображения или слова в памяти, я просто скользжу цветом по ее безупречной коже. Я наслаждаюсь трением моей кожи против ее. Я не могу остановиться, но хочу, чтобы она была прижата ко мне.

Я разворачиваюсь и тяну ее к себе. Мои ладони находятся на ее плоском животе, когда я прижимаюсь губами к ней, скользя вниз. Я утыкаюсь лицом в верхнюю часть ее задницы. Она такая мягкая и круглая. Ее женственный аромат наполняет мой нос, и я глубоко дышу, впитывая его.

— Пакс, — шепчет она.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — спрашиваю я спокойно, но все во мне молится, чтобы она сказала нет.

— Нет, — отвечает она, и я снова дышу. — Мне нравятся твои руки на мне.

Ее голос звучит тихо и мягко, и я закрываю глаза.

Скользнул руками вокруг ее бедра, я почувствовал ее пульс. Я смотрю вокруг и нахожу отпечатки моих ладоней на ее животе.

— Я запечатлен на тебе, — говорю я ей, смеясь тихо. — Теперь ты моя.

И это правда. Теперь она моя. Она может не знать этого, но это правда.

Она сглатывает. Я могу слышать ее влажный язык в ее рту, и желаю, чтобы он был во мне. Она оборачивается вокруг и ее глаза встречаются с

моими. Я провожу пальцами по ее шее, держа ее за подбородок, и подношу свои губы к ее.

Медленно.

Болезненно медленно.

Ее губы теплые и мягкие, и она надавливает ими на меня сильнее, повернувшись, ко мне, голая и податливая. И я получаю свое желание. Ее язык погружается в мой рот, тихий и нуждающийся.

Она тает во мне, и я нажимаю ладонями на ее спину, притягивая ее к груди, держа ее там плотно.

Она стонет, и мой член вклинивается против нее, горячий и твердый.

Блять!

Я не рассчитывал на это. Мне нужен очень холодный душ. Но это еще не конец. Пока нет. У меня есть она, голая и прямо передо мной. Я не могу упустить эту возможность. Я хочу, чтобы она поняла, что тоже хочет меня.

Я скользжу руками вниз, вниз... пока они не достигают мягкости ее бедра. Я глажу там мягко, едва касаясь, пока ее глаза не закрываются. Ее дыхание быстрое и мягкое, и я улыбаюсь.

— Тебе нравится это? — спрашиваю я спокойно. — Мой вид искусства?

Она кивает.

— Ты... очень творческий человек, — прошептала она.

Я хихикаю, потом передвигаю руку в сторону самого чувственного места, между ее ног. Она задыхается, когда я придерживаю ее ноги и прикасаюсь к ней, двигаюсь вокруг ее наиболее чувствительной части. Она опирается на меня, позволяя мне поддерживать ее, когда я глажу ее.

Я склоняю голову и втягиваю ее розовый сосок в рот, мягко сосу, затем позволяю ему выскользнуть обратно. Она сладкая на вкус, как я и думал. Я массирую ее нежную кожу, вдыхая ее запах и тепло, в то время как пальцы другой руки не останавливаются ни на секунду.

Она стонет, и я почти гибну от этого звука. Я никогда не хотел ничего больше, чем погрузить себя в нее прямо сейчас. Я сглотнул. Я не могу. Но я могу заставить ее хотеть, так сильно, что, когда, наконец, это произойдет, это будет чертовски взрывоопасно.

Я наклоняюсь, прочертив контур шеи губами, а потом снова целую ее, жестко и глубоко, ускоряя движения пальцами. Сейчас она чертовски мокрая и мои пальцы плавно двигаются в ней, потирая, поглаживая, подводя ее к краю.

Она скулит.

— Я хочу тебя, — она дышит в мои губы. — Пожалуйста. Я хочу тебя.

Я сдерживаюсь так сильно, как могу, желая не отступать.

— Отпусти себя, — говорю я ей. — Прямо сейчас. Я хочу чувствовать, как ты кончишь на мои пальцы, Мила.

Ее глаза внезапно открываются, и она смотрит на меня, ее глаза наполнились раскованным удивлением, как будто никто никогда не говорил с ней так. И тогда я понимаю, что это, вероятно, правда. Я стону и опускаю

голову, целуя ее в очередной раз. Я скользжу пальцами, и выхожу, быстрее, быстрее, сильнее, а затем она задыхается, выгибаясь, сокрушаясь против меня

Я втягиша воздух, поскольку чувствую ее дрожь. Она сильно кончает, и это так чертовски сексуально.

Она влажная и дрожит, и я поддерживаю ее перед собой, завернутую в моих руках, пока она, наконец, не открывает глаза.

Мы оба теперь покрыты краской и когда она слегка отстраняется, чтобы посмотреть на меня, ее щеки вспыхивают, и она выглядит смущенной. Я улыбаюсь.

— Тебе понравился мой арт-проект? Думаю, это был шедевр.

Она закатывает глаза и слегка улыбается, наклоняясь, чтобы поднять разрозненные художественные принадлежности с пола. Я смотрю на ее задницу, так как она выставляет ее так прекрасно передо мной.

— Почему ты не трахнул меня, когда я попросила?

Звук этого слова идет из ее сладкого ротика, возвращая жизнь в мой член, и, замечая это, она поднимает брови.

Я улыбаюсь.

— Потому что ты еще не готова. Но будешь. И когда будешь, это взорвет твой разум.

— Я не сомневаюсь, — отвечает она тихо, снова наклоняясь, чтобы поднять халат, который она скинула. — Но это было несправедливо. Ты ничего не получил от этого. Я плохо себя чувствую.

Я смотрю на нее с недоверием. Серьезно? Этот маленький эпизод будет возбуждать меня в утреннем душе каждое утро с этого времени и навсегда.

— Поверь мне, — говорю я ей. — Я получил кое-что из этого. Не беспокойся об этом.

Она смотрит на меня с сомнением.

— Думаю, в это трудно поверить, но у нас большие проблемы. Куда еще можно пойти на свидание после *такого*?

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю. Ты эксперт по нормальному проведению свиданий.

Она улыбается и краснеет.

— Это не было нормальным проведением свидания, — говорит она мне. — Это было экстраординарно. Только так, ты ведь знаешь.

Я усмехаюсь, когда она подбирает свою одежду и поворачивается ко мне.

— Думаю, сейчас мы должны принять душ.

Я улыбаюсь шире, и она снова краснеет.

— Отдельно, — добавляет она быстро. — Или я не смогу доверять себе.

Я смеюсь и следую за ней, когда она выходит из студии. Мои глаза еще раз останавливаются на ее совершенной заднице.

— Очевидно, — говорю я ей. — Ты показала, что не можешь быть уверенной, в таких ситуациях.

Она поворачивается и закатывает глаза.

— О, да. Это была полностью моя вина.

Я хихикаю.

— Это ты предложила мне порисовать, — напоминаю я ей, и она смеется. Я решаю, что ее смех стал моим новым любимым звуком в мире.

— Правда, — признает она. — Но это было не совсем то, что я имела в виду. — Она смотрит на меня лукаво. — Это было лучше.

После того, как мы оба приняли душ, я должен был признаться Миле, что забыл принести еду из китайского ресторана.

— Мне очень жаль, — говорю я ей, с усмешкой. — Я не могу думать более чем об одной вещи за один раз. И я был сосредоточен только на встрече с тобой в то время.

Она улыбается и тянется к телефону.

— Все в порядке, — говорит она мне. — У меня есть их телефон на быстром наборе.

После того, как еда прибывает, я показываю ей, как использовать палочки для еды и смеюсь над ее попытками. Она заканчивает есть вилкой; ее губы надуты.

— Я освою это, — клянется она. — Когда-нибудь.

Я улыбаюсь, и мы едим, а затем она говорит мне о просмотре девчачьих фильмов. Я, честно, понятия не имею, как это произошло, но мне было очень трудно ей отказать. Фильм заканчивается, когда стрелки часов переваливают далеко за полночь, а мы лежим в обнимку на теплом и уютном диване.

— Я не хочу вставать, — говорит она мне во время титров. — Я хочу остаться здесь, с тобой. Мы можем спать так сегодня ночью?

Ее глаза большие, как будто она просит меня о самом большом одолжении в мире. Мои руки обвиваются вокруг нее, и она устраивается на моей груди, ее стройная спина прижимается ко мне. Я улыбаюсь ей сверху вниз.

— Спи, Красная. Я буду здесь утром.

Она улыбается и закрывает глаза, прижимаясь ко мне. Я засыпаю, более довольный, чем когда-либо во всей своей жизни.

А потом я думаю.

Я думаю о своей матери и даже во сне мне интересно, что все-таки случилось. Я специально не думал о своей маме, потому что это было слишком болезненно. Но сейчас я снова думаю о ней, и не могу заставить себя проснуться.

Я где-то в темноте. И я боюсь. Не знаю, почему. Я ничего не вижу, но слышу голос моей мамы. Она умоляет. Потом я слышу свое имя.

Я пытаюсь открыть глаза, чтобы проснуться, чтобы больше не слышать ее, но не могу. И в глубине души, я испытываю чувство сильного ужаса, хотя и не знаю, почему.

— Не он! — Она плачет, и я знаю, что это ее голос, потому что я никогда не забуду, как это звучит. — Не он!

А потом я вижу руки, тянувшиеся, достигающие меня, и хватаюсь за них, хотя ничего не вижу. Все черно и я испугался больше, чем когда-либо в жизни. Я плачу, и она плачет, и вдруг я понимаю, что это руки Милы.

Я смотрю и снова могу видеть. Мила покрыта светом, тысячей блестящих солнечных лучей. Она мне улыбается.

— Пакс, — шепчет она. — Я здесь. Все в порядке. Все будет в порядке.

А потом мои глаза открываются, я просыпаюсь и понимаю, что Мила действительно здесь, и она действительно шепчет эти слова для меня.

— Все в порядке, — напевает она мне, убирая волосы с моего лба. Я понимаю, что я в поту. — Все в порядке.

Я смотрю на нее, на нежность на ее лице, и мои кишкы сжимаются. Я просто подумал, что моя мать превратилась в Милу. Я серьезно облажался.

— Малыш, — говорю я ей, когда, наконец, могу говорить. — Думаю, что возьму номер твоего терапевта.

Глава 13 Пакс

Я не сплю. Я смотрю на себя, изображенного на картине, которую нарисовала Мила. Она закончила ее спустя пару дней после того, как начала. Я привез картину к себе домой и повесил рядом с кроватью. Картина просто изумительна, но она слишком личная, чтобы повесить ее в гостиной. Даже если она выполнена в абстрактном стиле, вы все равно заметите, что я голый.

Натянутые, как струна мышцы на моем теле очерчены бронзой и золотом. Мои татуировки расплывчатее, чем на самом деле. Мои глаза закрыты, а голова наклонена, как будто я думаю. Это просто невероятно. Я очень взволнован тем, что она нарисовала ее для меня. Никто и никогда не делал что-то подобное для меня.

Я изучаю картину, интересуюсь, почему я изображен таким задумчивым.

Думаю, что я был чертовски голоден.

Я скидываю ноги с кровати и прокладываю путь к кухне, чтобы захватить кусочек холодной пиццы на завтрак. Мила и я заказали ее вчера вечером после нашего третьего «официального» свидания. На этот раз мы смотрели кино в моем доме, и на этот раз, фильм был выбран мной. Это не было девчачьим фильмом. Он был полностью составлен из выстрелов и крови. Мужской фильм. Мила смотрела его как кавалерист, ударяя себя в грудь и делая вид, что выцарапывает свои воображаемые пули.

Я посмеиваюсь, вспоминая это, когда мой телефон звонит. Мой рот полон пиццы, но я отвечу в любом случае, потому что звонит Мила.

— Эй, — говорит она, и звучит немного запыхавшейся. Я сразу же представляю себе ее дыхание в моем ухе с ее обернутыми ногами вокруг моих бедер. И просто из-за этого мне адски трудно.

— Эй, — отвечаю я, регулируя свою эрекцию. — Доброе утро.

Я улыбаюсь в трубку, потому что ничего не могу поделать. Эта девушка заставляет меня улыбаться, как идиот.

— Я просто звоню, чтобы напомнить тебе о встрече с терапевтом сегодня утром, — говорит она мне. — Я подумала, что ты бы забыл. Или передумал.

Пауза.

Ебать.

Она права. Я не хочу идти. Но я готов пойти по двум причинам. Первая: я хочу перестать думать о моей матери, потому что это нахрен бесит меня. И вторая: я думаю, что это поможет Миле быть спокойной. Я знаю, что она борется с идеей близкого знакомства со мной. Она думает, что я собираюсь растоптать ее сердце. Если быть полностью честным, я боюсь, что случайно сделаю это. Поэтому я иду на эту терапию. Я могу это сделать. Я не слабак.

— Как бы ни так, — говорю я ей, закатывая глаза. — О, ты не веришь в меня. Я не забыл. Я все лишь принимал душ и все.

Она смеется.

— В самом деле? Ты имеешь в виду, что не стоишь у окна у изголовья кровати и в нижнем белье? И не ешь кусок пиццы?

Пораженный, я смотрю вниз и нахожу Милу, стоящую на моей дорожке. Она держит белый бумажный пакет и ухмыляется.

— Я принесла тебе пончики, — говорит она в трубку. — Подойди и открой свою дверь.

Я качаю головой, но, честно говоря, я рад, что она здесь. Чертовски рад. Я был разочарован, когда она, свернувшись со мной на диване калачиком прошлой ночью, не захотела спать. Она боялась, что я нарушу свое обещание и буду двигаться слишком быстро.

Это может сделать из меня слабака, но, она первое, о чем я думаю, когда просыпаюсь, и она это последнее, о чем я думаю, когда иду спать. Но я никогда, никому не признаюсь в этом.

Я стараюсь не сломать себе шею, когда спешу к двери и открываю ее. До того как Мила успевает сказать хоть слово, я хватаю ее и жестко целую, прижимая к моей груди. Я слышу, как сминается бумажный пакет между нами. Ее руки поднимаются и оборачиваются вокруг меня, тянут меня ближе. Она пахнет цветами и ванилью. И зимой.

— Я скучала по тебе, — бормочет она против моей шеи. Она холодная после улицы и я тяну ее внутрь.

— Ты видела меня вчера вечером, — напоминаю я ей, грызя ее губу. Она улыбается против меня, и я добавляю: — Но я тоже скучал по тебе.

Я действительно скучал.

И это чертовски пугает меня.

Но, конечно, я этого не сказал. Вместо этого, я просто тяну ее в мою кухню, где мы едим раздавленные пончики, расположившись на высоких стульях за барной стойкой.

Мила разглядывает их.

— Знаешь, на вкус они остались прежними, — пожимает она плечами.
— Даже если ты их раздавил.

Мила поднимает бровь и откусывает большой кусок шоколадного пончика. Она облизывает палец, что заставляет мои кишечки сжаться.

— Во сколько у меня прием? — спрашиваю я, не глядя на ее язык и, взглянув на часы.

— Через тридцать минут, — говорит она мне. — Доктор Нейт Тайлер. Он в городе. Я написала тебе адрес.

Я киваю.

— У меня еще есть время. Не волнуйся. Я собираюсь принять душ, а потом пойду.

Она смотрит на меня.

— На самом деле, я просто пришла пожелать тебе удачи. Я знаю, что ты не любишь говорить о личных вещах, но я горжусь тобой.

— Ты получила это право, сестра, — бормочу я, крутясь на своем стуле. Я оставляю поцелуй на ее щеке. — Я должен двигаться, если не хочу опоздать. Хочешь присоединиться ко мне?

Она нечестиво усмехается.

— Я могла бы. Если бы мы были на два месяца больше в наших отношениях. — Она пожимает плечами. — Но, сейчас... нет.

Я поднимаю бровь.

— То есть, ты можешь рисовать голой передо мной, но не можешь принять со мной душ?

Она слегка бьет меня по плечу, закатывая глаза.

— Теперь ты получишь за это.

Я улыбаюсь.

— Хорошо. Я просто пытаюсь до конца понять все эти правила знакомств. Это сложно. Создает путаницу.

Мила усмехается широко и блаженно.

— Это не так сложно. Мне все еще нравится смотреть, даже если я еще не готова прикасаться. Но хорошие вещи приходят к тем, кто ждет, мистер.

Я качаю головой и иду в свою спальню.

— Я надеюсь на это, — говорю я через плечо. — Моя рука начинает уставать.

Шагая в душ, я до сих пор слышу ее смех. На самом деле, я только частично шутил. Моя рука устает. Но это не останавливает меня от ее использования.

— Расскажите мне об употреблении наркотиков, — доктор Тайлер изучает меня. Он использует спокойный монотонный голос, который, по-моему, используют психиатры. Те, которые думают, что если будут говорить медленно и достаточно тихо, то будут держать психов в страхе.

Я переложил свой вес с одного бедра на другое в очень уродливом синем клетчатом кресле. Врач старше, с сединой на висках и он носит очки для чтения, хотя не читает. Я вздыхаю. Я действительно не хочу быть здесь. Я чувствую себя, как жук под микроскопом, а стекло для темного изучения этого врача, кажется, приближается ко мне.

— Мое употребление наркотиков не является проблемой, — говорю я ему. — Сны, которые мне сняться — моя проблема. Они ебнутые. Мне очень жаль, — я быстро исправляюсь. — Они испортились.

Доктор Тайлер немного улыбается, делая какую-то запись в своем блокноте.

— Почему вы считаете, что ваши сны испортились? — Он исследует, его темные глаза оценивают меня. — Вам когда-нибудь снилось это раньше?

Я качаю головой.

— Они о моей матери. И она не снилась мне с тех пор, как я был маленьkim. Став взрослым, я сделал сознательное усилие, чтобы не думать о ней. Признаюсь, я стараюсь избежать болезненных вещей.

Врач кивает, делая заметки.

— Это не необычно, — говорит он мне. — Уклонение от болезненных вещей — человеческая природа. Расскажите мне больше об этих снах.

Так я и делаю. Я рассказываю ему, как моя мать умоляла, как я боялся, но сам не понимал чего, и как она превращалась в Милу.

Врач еще раз пронизывает меня взглядом.

— Похоже, вы, так или иначе, связываете Милу со своей матерью. Ваша мать похожа на Милу хоть немного?

Я думаю об этом. С тех пор, как я видел маму последний раз, прошло очень много времени, но я все еще помню ее улыбку.

— У моей матери была красивая улыбка, — говорю я ему. — Она была очень теплой, как у Милы. Вот и все.

Врач быстро записывает.

— Что-нибудь еще?

— Не знаю, — я раздумываю. — Мила кажется мягкой и изящной. Думаю, что мама была такой же. На самом деле, мама была балериной, прежде чем я родился. Мила художник... получается, что они обе художественные натуры.

Он опять что-то пишет.

— Ваша мама очень хорошо относилась к вам? Она любила вас?

Я смотрю на него.

— Мне было только семь лет, когда она умерла. Но я предполагаю, что любила.

— А Мила очень хорошо приняла вас? — тихо спрашивает Доктор Тайлер, его ручка остановилась высоко над блокнотом. Я смотрю на него. Он мог бы нарваться на неприятности.

— Да, — говорю я ему. — По какой-то причине она была очень терпелива со мной.

— Так же, как ваша мать, — многозначительно говорит доктор.

— Да, — соглашаюсь я, мое сердце колотиться по причине, которую я не понимаю. Мои руки вспотели. Я вытираю их о джинсы.

— Расскажите мне об употреблении наркотиков, — говорит доктор Тайлер, не поднимая головы. Я снова вздыхаю.

— Вы не собираетесь отказываться от этой наркотиков, не так ли?

Он улыбается и качает головой.

— Люди употребляют наркотики по разным причинам, — говорит доктор Тайлер. — Я хотел бы узнать вашу причину.

Я стараюсь скрыть свое раздражение. Я хочу добраться до корня своей проблемы, а не копаться в чем-то ненужном. Но я делаю все, чтобы ублажить его.

— После смерти матери я начал принимать снотворное. Мой терапевт прописал их, потому что я не мог избавиться оточных кошмаров. С годами я понял, что мне понравился эффект от снотворного, приняв их, я ускользнул от реальности. Я начал использовать различные виды наркотиков. Я никогда не останавливался, до недавнего времени.

Доктор Тайлер перестает писать и смотрит на меня.

— Вы перестали их использовать? Почему?

Я киваю.

— Я выбросил все на прошлой неделе. Не хочу чувствовать сейчас онемение. Я ведь уже говорил, что не наркоман. Это не имеет большого значения для меня.

Он кладет ручку и изучает меня.

— Вы не считаете использование наркотиков большой проблемой?

Я выдохнул и начал возиться со своими руками.

— Конечно, это не является законным и это не здорово. Но я имел в виду то, что никогда не был зависимым. Мне просто ничего не было нужно с тех пор, как я бросил все коту под хвост.

Врач кивает.

— Некоторые люди имеют более сильную индивидуальную зависимость, чем другие. Она должна быть более трудной для вас, чтобы стать физически зависимым от наркотиков, чем у других. Это в вашу пользу. Но я хотел бы поговорить о том, почему вы принимали наркотики так долго, если не были зависимы. Вы только что сказал мне, что знаете, это не здорово. Так зачем вам наносить такой ущерб вашему организму, если вы можете остановиться в любой момент?

Я смотрю на пол, на ноги, на узорный ковер.

— Не знаю. Наверно, потому что хотел забвения. Потому что легче, исчезать из реальности, чем решать ее. У меня не было счастливого детства.

Мама умерла, а отец... наверно, тоже умер, потому что сбежал, когда умерла мама.

Врач кивает.

— Вы говорите так, как будто сердитесь на него, из-за его поведения.

Я думаю об этом.

— Да. Я злюсь на него. У него был маленький ребенок. Вместо того, чтобы его растить, он пренебрегал мной и тратил все свое время на работу. Я должен был быть вокруг людей, которые знали и любили меня. Но вместо этого, я ничего не получил.

— Получается, вы принимали наркотики, чтобы справиться с этим?

— Скорее всего, — отвечаю я. — Несмотря на то, что это звучит как отговорка.

Доктор Тайлер смотрит на меня.

— Это не полицейский допрос. У каждого человека свои причины. Это ваша?

— Наверно, — говорю я, и меня разрывает от осознания. Не знаю, почему. — Я принимал наркотики, чтобы справиться с пустотой, которую чувствую.

Делает ли это из меня слабака?

Доктор Тайлер смотрит заинтересовано.

— Помогло ли это? Разве это заполнило пустоту?

Я смотрю на свои руки.

— Да.

— Когда наркотики исчезали, пустота возвращалась?

— Да, — отвечаю я спокойно.

— Пустота все еще с вами? — Врач, безусловно, сейчас заинтересован, его темные глаза смотрят в мои глаза. Я смотрю в сторону, на стену, на часы.

— Да, — отвечаю я честно.

Сейчас тихо, единственный шум доноситься от ручки доктора Тайлера, царапающей страницы. У меня есть желание достать и захватить ее, чтобы переломать на две части. Но я этого не делаю. Это сводит с ума. Не знаю, откуда берется мой внезапный гнев. Я сгибаю пальцы против колена.

— Вам не нравится говорить со мной, не так ли? — Отмечает доктор Тайлер, не поднимая голову.

— Нет, я не знаю.

— Тогда, почему вы здесь?

Я думаю об этом, пытаюсь придумать вежливый ответ.

— Потому что Мила попросила меня. И потому, что я устал от запутанных снов.

Врач смотрит на меня, в его глазах доброта.

— Что именно во снах беспокоит вас больше всего? Должно быть что-то существенное, если вы пришли ко мне.

Моя нога отскакивает вверх и вниз с нервной энергией.

— Я не знаю. Наверно, это потому, что моя мама хочет чего-то, что я не в состоянии ей дать. И еще, потому что она превращается в Милу, и это волнует меня.

Врач улыбается.

— Я бы не беспокоился об этом аспекте. Многие люди связывают других в своих снах, и это не значит ничего существенного, по крайней мере, в отношении этого человека. Большую часть времени, это символизирует нечто совсем другое. Если бы мне пришлось угадывать, я бы сказал, что ваша мать превращается в Милу, потому что у вас есть глубоко посаженный страх того, что Мила собирается оставить вас, как сделала ваша мать.

Удар в меня, и я втягиваю воздух. Я не думал об этом. Хорошее предположение.

— Моя мать не бросала меня, — удаётся ответить мне. — Она умерла. Есть разница.

— Да, это так. Но для семилетнего мальчика, который был оторван от всего, что знал, существует не так много разницы. И в тот момент, когда вам было семь, эта идея была сформирована. В вашей голове она вас бросила. И совершенно нормально, чувствовать злость из-за этого. На самом деле, это одна из естественных стадий горя. Но так как вы заблокировали горе и не имели с ним дела, то вполне могли бы застрять в фазе гнева.

— Чёрт, — выдыхаю я.

— Действительно, — отвечает врач. — У вас есть кое-какая работа впереди.

Он пишет ещё немного, а я тяну за воротник, потому что в комнате, кажется, становится все жарче и жарче. К счастью, мой час закончился.

На выходе, врач пишет что-то на небольшой бумажке и протягивает мне.

— Это Ксанакс, — говорит он. — Если у вас снова появится желание использовать что-то, чтобы заглушить стресс или гнев, примите его вместе со всем прочего.

Я даю ему твёрдый взгляд.

— Я же сказал, что нуждаюсь в этом, — я начинаю отдавать листок обратно, но он поднимает руку.

— Возьмите, — призывает он меня. — На всякий случай.

Я закатываю глаза.

— Все равно, — я смял листок, засунув в карман. — Увидимся на следующей неделе.

Глава 14 Мила

Почему из всех людей, населяющих планету, именно я согласилась помочь с ленчом в «Холме»? С одной стороны, это не такой уж и срочный заказ, не в это время года. Но с другой стороны, я должна была знать, что Медди будет постоянно отчитывать меня.

— Он мне не нравится, — говорит она мне, ссылаясь на Пакса. А я снова виделась с Паксом вчера вечером. — Он не очень хорош для тебя. Он собирается разбить твое сердце и мне придется собирать эти кусочки.

Я смотрю на нее.

— Мы это уже проходили. Твое мнение было обозначено. Что-нибудь еще?

Я стою перед своим столом с руками на бедрах и надеюсь, что на моем лице сейчас видно вызывающее выражение.

Мэдисон поджимает губы, затем качает головой.

— Нет.

— Хорошо. Я собираюсь пойти и закончить свою работу, а потом ухожу на весь день.

— Ты сможешь вернуться и помочь сегодня?

Я качаю головой.

— Нет. Ты не включала меня в расписание и у меня есть планы.

Она пристально смотрит на меня.

— С нашим постояльцем-наркоторговцем?

Я оборачиваюсь.

— Он не наркоторговец, и это не твое дело.

— Ты моя сестра, так что это мое дело, — говорит она мне отрывисто.

Я не стала отвечать, я просто отправилась в столовую. Тони свистнул мне из бара, и я подошла к нему, усаживаясь на барный стул.

Я улыбаюсь его беззвучной песне.

— Тони, ты всегда такой радостный. Почему?

Он смотрит на меня, нарезая лайм.

— Почему бы и нет? У меня есть все, что нужно. Плюс привлекательная женушка дома. Моя жизнь хороша.

Я киваю.

— Хороший ответ. Эти простые вещи лучшее, что есть в жизни, правда?

Он кивает, рассматривая меня, его нож остановился на середине кусочка.

— Почему такое лицо, моя хорошая? Нужно сломать чьи-то ноги?

Мой взгляд летит к нему, и он смеется.

— Ты говоришь о Паксе? — спрашиваю я. — Мэдди пытается, перетащить тебя на свою сторону?

Тони успокаивается.

— Я на твоей стороне. И на ее стороне. Я сломаю ноги тем, кто доставит вам трудности и точка. Любой из вас. Не имеет значения парень это или девушка.

Я смотрю на него, и он кажется серьезным. Я представляю большого, грубоватого Тони, размахивающего битой. От этой картины меня пробирает дрожь.

— Что ты думаешь об «этом парне»? Ты говорил с ним в ту ночь. Каким он тебе показался?

Тони, кажется, раздумывает об этом, опираясь своими здоровенными руками на барную стойку.

— Трудно сказать. Он казался хорошим, вежливым, уважительным. Это что-то говорит о нем. По крайней мере, его джинсы не висят на заднице, как у некоторых панков его возраста. Но у него есть багаж. Но ты уже знаешь об этом. Тебя всегда привлекали вещи, которые необходимо исправлять. Помнишь ту старую бездомную собаку, которую ты притащила, когда была маленькой? — Он смотрит на меня, а потом бестактно добавляет: — Да, и, кстати, малыш здесь.

— Что? — моя голова резко поднимается, и я оборачиваюсь, чтобы найти Пакса, заходящего через двери ресторана. Я понятия не имею, как он узнал, что я здесь.

Тони улыбается и напевает, продолжая вытирая блестящую деревянную барную стойку, когда я киваю Паксу.

— Привет, — говорю я, останавливаясь перед ним. Я смотрю на его лицо, пытаясь оценить его настроение. Хорошо ли прошла встреча с терапевтом? Я не уверена, что должна спрашивать его об этом.

— Привет, — отвечает он, улыбаясь. Он кажется уставшим, но, безусловно, в порядке.

— Ты пришел на обед? — спрашиваю я. Он качает головой.

— Нет. Я пришел за тобой.

— За мной? — Мой вопрос вылетает больше как писк, и Пакс улыбается.

— Да, за тобой. Я хочу уехать из города ненадолго, чтобы очистить свой разум. Ты в игре?

Я смотрю на него, в его карие глаза. Он кажется обеспокоенным и уставшим.

— Тебе нужна компания?

— Только в твоем лице.

Мое сердце подпрыгивает.

Я киваю, зная, что согласилась бы сейчас на что угодно.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, зная, что это не имеет большого значения.

Он смотрит на меня сверху вниз.

— Озеро еще не начало замерзать. Я подумал, что мы могли бы взять мою лодку в последний раз прежде, чем я уберу ее на зиму.

Я кивнула даже, не подумав, об этом и направилась к двери.

Пакс останавливает меня, хватая за локоть.

— Возможно, ты захочешь надеть свое пальто.

Он смеется, и теперь я тоже вынуждена смеяться. Я идиотка. На улице холодно, а у воды еще холоднее. Я направляюсь в конец ресторана и беру свое пальто, не обращая внимания на замечания Мэдди о моей работе.

Возвращаясь к Паксу, я хватаю его за руку. Мои пальцы вписываютя в сгиб его локтя.

Я оставляю свой автомобиль в «Холме», и еду с Паксом к пирсу.

— Запах рвоты хорошо вычищен, — замечаю я, вдыхая воздух внутри. Здесь пахнет кожей и сосновым автомобильным освежителем. Пакс качает головой.

— Да, хорошая обработка сделала это. У меня никогда не будет возможности забыть об этой неловкой ситуации, правда?

— Наверное, нет, — отвечаю я рассеянно, смотря в окно. Зимние деревья размываются, когда мы оставляем «Холм» позади.

Всего за несколько минут мы доезжаем до пирса. В это время года он выглядит так одиноко. Большинство лодок уже были вывезены из своих гаваней на зиму. Это место кажется заброшенным.

Пакс направляется к багажнику машины и вытаскивает тяжелую синюю парку.

— На воде будет холодно, — говорит он мне. — Так, почему бы тебе не укутаться в это?

Он помогает мне вытащить его, и когда я становлюсь похожей на снежного человека, мы направляемся к большому катеру

Я решаю, что это, должно быть, стоит тысячи и тысячи долларов, но не говорю этого, когда он помогает мне подняться на борт. Я выбираю сиденье на паркетной доске, где нет ветра, и он запускает двигатель. Рев рассекает тишину, и мы быстро выезжаем из бухты.

В скором времени, лицо Пакса становится красным от ветра. До сих пор зима была мягкой, но здесь она по-прежнему суровая. Вода делает ветер пронзительно холодным.

— Нам лучше не заходить слишком далеко, — кричу я ему. — Ты замерзнешь.

Он закатывает глаза и продолжает вести нас мимо огромных одиноких буев, которые отмечают путь в залив. Когда мы выплываем в открытую воду, он, наконец, выключает двигатель и тишина кажется оглушительной.

Он падает на паркетную доску рядом со мной.

— Ты права, — говорит он, опираясь на меня. — Здесь чертовски холодно.

Я хихикаю, когда он засовывает руки в карманы, пытаясь поглотить часть моего тепла.

— Мы сошли с ума, раз находимся здесь сегодня, — говорю я ему. — Мы получим обморожение.

Он усмехается.

— Я без ума от многих вещей, но не от этого.

Остальным частям моего тела, может быть, холодно, но сердце согревается от его слов. А потом я чувствую энергию. Энергию, замораживающую холод.

Я ючусь вместе с ним, наслаждаясь тем, что мы, как будто два человека во всем мире, мы, как провод с током. Холодный воздух жалит мои легкие, но я, все же, делаю глубокий вдох, наслаждаясь оживлением.

— Ты часто приходишь сюда? — спрашиваю я.

Пакс кивает.

— Я прихожу сюда, когда хочу уйти от мира. Никто не может меня здесь найти.

Я смеюсь и опираюсь на него, а он оборачивает рукой мои плечи.

— Я должна была принести горячий шоколад из «Холма», — стону я, пытаясь согреть свои красные пальцы. — Думаю, я могу потерять руку или пальцы на ногах.

Пакс закатывает глаза.

— Немного преувеличенно, не так ли?

— Говори за себя. Мне нужны мои пальцы. — Я жестко сжимаю его руку, а затем смотрю на него.

— Как прошел твой прием сегодня? Ты рад, что пошел?

Он неподвижен, но его челюсть сжимается. Я смотрю на него и пытаюсь решить, как справиться с этой деликатной ситуацией.

Он до сих пор ничего не сказал, поэтому я спрашиваю:

— Ты вернешься?

Пакс вздыхает.

— Я не знаю. На самом деле, я не вижу в этом смысла, Он, кажется, сосредоточен на моем употреблении наркотиков, а я просто хочу понять свои сны. Довольно страшно думать о своей покойной матери все время.

— Может быть, он думает, что эти две вещи связаны, — предполагаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал легкомысленно, но на самом деле, я умираю, как хочу знать, что мог сказать доктор.

— Сомневаюсь, — отвечает Пакс. — Единственная взаимосвязь, на которую он, казалось бы, обратил внимание, была между тобой и мамой.

Это поражает меня, и я смотрю на него.

— Что? Он сравнил меня с твоей мамой?

По некоторым причинам это ужасает меня. Быть сравненной с его мамой не совсем то, как я хочу, чтобы он видел меня. Он качает головой.

— Я не знаю, о чем он думает. У него есть некоторые сумасшедшие идеи.

— Но твои сны не начинались, пока ты не встретил меня, не так ли? — спрашиваю я медленно, и я знаю ответ еще до его кивка.

— Да. Но это ничего не значит.

— Хорошо. — Мой голос затихает под краем лодки из стеклопластика. Он сжимает меня крепче.

— Не беспокойся об этом. Это я облажался, а не ты. Поверь мне, я не думаю о тебе, как о своей матери, если это то, о чем ты беспокоишься.

Я улыбаюсь немного с облегчением, и он смеется, глядя на мое лицо.

— Этим ты была обеспокоена? Я облажался. Но не так сильно.

Я расслабляюсь и опираюсь на него, а он потирает руки, чтобы согреть их. Мы видим наше дыхание. Белые струйки уплывают, когда мы говорим.

Около часа мы болтаем о пустяках: средняя школа, семья и старые животные. Он смеется, потому что я была черлидером какое-то время. А потом я смеюсь, потому что у него есть каждый, когда-либо выпущенный, эпизод «Звездных войн».

— Что? — требует он властно. — Это хорошие фильмы.

Я смеюсь и пытаюсь сделать вид, что мои ноги не превратились в глыбы льда, и что я не слышу его телефон. Он гудит каждые несколько минут. Пакс посмотрел на него один раз, затем сунул его обратно в карман и с тех пор не смотрел.

— Ты должен ответить? — спрашиваю я его, когда он снова гудит. — Тот, кто звонит, правда, хочет поговорить с тобой.

Он качает головой, явно раздраженный.

— Нет. Это не те, о ком мне нужно беспокоиться.

Я умираю от любопытства, но не подталкиваю его. Он явно не хочет говорить об этом. Но я понимаю, это первый раз, когда он превращает что-то в тайну и закрывает, это заставляет меня нервничать. Какие еще части его жизни я не знаю?

Я размышляю, замолкая, поэтому через некоторое время Пакс подталкивает мою ногу.

— Почему молчишь? Ты расстроена?

Я очень хочу сказать нет, сделать вид, что я не нервничаю, но я не хочу лгать. Ничего хорошего не может исходить от лжи, и карты уже разложены против нас.

— Когда ты что-то скрываешь, я нервничаю, — говорю я ему нерешительно. — Я не хочу думать о тебе плохо, но, когда я не знаю, о чем ты думаешь...

— Тогда ты автоматически думаешь о худшем? — прерывает он, прищурившись. — Ты автоматически думаешь, что я пытаюсь что-то скрыть, если не хочу об этом говорить? Это немного субъективная оценка, ты так не думаешь?

Я могу сказать, что сейчас он злится, потому что сжимает челюсти. Я отметила эту привычку, когда он сердился. Я вижу напрягшиеся мышцы на его щеке и сглатываю.

— Я не пытаюсь быть субъективной, — говорю я ему мягко. — Это просто то, что мы начали не с той ноги, и я пыталась продвигаться вперед с помощью доверия, и мне очень жаль. Я просто немного нервничаю. Я не в своей тарелке.

Он резко снимает руку с моих плеч и встает. Лодка качается, и я хватаюсь за борт.

— Если ты не хочешь быть со мной, — говорит он холодно, — просто скажи это. Если ты не можешь доверять мне — скажи сейчас. Я пытаюсь измениться ради тебя. Но я не хочу тратить время на это, если ты не можешь покончить с моим прошлым.

Я заморожена, но не от хлесткого холодного ветра, а из-за его слов и сердитого лица. Он, кажется, готов отказаться от меня, как будто я не достойна даже разговора. Этого достаточно, чтобы высосать весь воздух из меня.

— Ты бы сказал это просто так? — сомневаюсь я. — Я не говорила, что не могу доверять тебе. Но твой телефон взрывается в течение часа, и ты,

очевидно, не хочешь иметь дело с ним, и ты не хочешь, чтобы я знала, что это такое. Твое «прошлое» не очень далеко, так что ты должен понять, что я немного нервничаю. И ты не должен меняться ради меня. Ты должен измениться ради себя.

Пакс смотрит на меня. Сейчас в его глазах холод. Так было, когда я впервые встретилась с ним. Все следы тепла ушли, и я содрогаюсь, ненавидя взгляд на его лице и ненавидя этот разговор. Я не знаю, как все ушло под откос так быстро.

— Не сходи с ума, — говорю я ему. — Я просто пытаюсь поговорить об этом с тобой. Это то, что люди делают в отношениях.

— Люди нападают друг на друга? — спрашивает он, его голос поднимается. — Потому что именно это ты делаешь. Ты не знаешь, кто мне пишет, так что ты в безопасности. И вдруг твоя неуверенность становится моей проблемой.

Пакс серьезно разошелся. Он сжимает руки так крепко, что костяшки пальцев побелели. Я задыхаюсь и пытаюсь придумать, как успокоить ситуацию. Я ненавижу конфликты, но мне еще больше не нравится, что он неправильно меня понял.

— Я не нападаю на тебя, — начинаю я. — Мне было просто интересно, кто пытался с тобой связаться.

Он сердито поднимает бровь.

— В самом деле? Если бы тебе было любопытно, то почему бы просто не попросить посмотреть мой телефон?

Я изумлена и запинаюсь, когда говорю, потому что ветер хлещет мои волосы вокруг лица.

— Потому что в отношениях, которые построены на доверии, люди не просят посмотреть телефоны друг друга.

— Тем не менее, ты действительно хочешь увидеть мой телефон, не так ли? — Он бросает вызов, его глаза пронзают меня. — Потому что ты не доверяешь мне.

Он роется в кармане и вытаскивает свой телефон, повернув экран для меня. 57 непрочитанных текстовых сообщений.

— Вот, пожалуйста. Смотри в свое удовольствие.

— Святое дермо, — выдыхаю я. — Ты видел сколько их?

И все они с одного номера.

— Кто это? — спрашиваю я нерешительно, опасаясь, что он собирается снова кричать. Он качает головой.

— Это Джилл. Я сказал ей, что не собираюсь видеть ее снова, и что я не собираюсь поставлять ей наркотики. Но от этих сообщений ясно, что она в отчаянии, и она попрошайничает.

— Но у тебя нет ничего, чтобы дать ей, не так ли? — спрашиваю я медленно. Он сказал мне, что выбросил всю эту дрянь.

Он строго смотрит на меня.

— Я не врал, — говорит он резко. — Я сказал, что выбросил их, и я выбросил.

— Ты видел ее, с тех пор, как последний раз разговаривал? — спрашиваю я медленно. Просто кажется нормальным, что тот, кто был отвергнут, так настойчив. Если он не безумный. — Она сумасшедшая?

Он снова качает головой.

— Нет, она не сумасшедшая. Она просто отчаявшаяся наркоманка, которая нуждается в помощи. Я должен был давно ее прервать, но был слишком озабочен своим членом. И — нет. Я не видел ее.

Когда он говорит, его телефон снова загорается с еще одним сообщением. 58. Он неуверенно закатывает глаза, и я смотрю на него.

— Разве ты не должен хотя бы ответить ей?

— Нет. Она не сделает ничего хорошего. Она в отчаянии. Она не думает логически, так что не имеет значения, что я говорю. Я видел раньше ее поступки. Она впадает в истерику и с ней невозможно разговаривать. К черту это. Я не собираюсь позволить этой глупой девке вызывать у нас проблемы.

Он поднимает руку, и я вздрагиваю.

Он застывает, потом сильно трет свое лицо.

— Что, блять? Ты думала, что я собираюсь тебя ударить? — спрашивает он, его голос неустойчивый и яростный. — Неужели ты думаешь, что я когда-то сделаю тебе больно, Мила?

Он смотрит на меня, ожидая ответа, но я не знаю, что сказать. Я сомневаюсь, что все, что я скажу, поможет, поэтому я просто вяло на него смотрю. Он снова качает головой.

— Я как раз собирался избавиться от этого. Ебать, Мила.

Он бросает свой телефон в озеро. Я смотрю, как он погружается в холодные глубины, а затем обрываюсь к нему.

— Пакс, я...

— Нет, — он холодно огрызается, повернувшись ко мне спиной, чтобы сесть за руль. — Не надо. Я не могу говорить с тобой прямо сейчас.

Он запускает двигатель и дергает рычаг. Сила его бросает меня обратно на боковину, и я хватаюсь замороженными руками. Он злится, и я знаю, что бесполезно разговаривать с ним. Он должен остыть.

Мы ускоряемся к берегу и после каждого гребня волны, мы тяжело приземляемся на поверхность воды. Это сотрясает кости.

И, когда мы ускоряемся, я все больше и больше выхожу из себя.

— Почему ты думаешь, что у тебя есть право злиться на меня? — Я перекрикиваю ветер. — Мне было любопытно, вот и все. У меня есть право быть любопытной, Пакс.

Он не отвечает. Его рука просто толкает штурвал еще сильнее, и мы быстрее ускоряемся.

Я стиснула зубы.

— Не мог бы ты замедлиться? — требую я. — Ты убьешь нас обоих.

Нет ответа.

Он не замедляется.

Я снова стиснула зубы, но прежде, чем я смогла сказать еще что-то, мы попали на еще один огромный гребень. И на этот раз, прежде чем я смогла подумать или двигаться, мы тяжело опустились.

Только вместо того, чтобы сидеть в лодке, я лечу через край, прямо в холодную, взболтанную воду озера Мичиган.

Глава 15 Пакс

— Ебать!

Я едва успеваю среагировать, прежде чем Мила падает за борт в ледяную воду. Я выключаю двигатель и обворачиваюсь, сканируя поверхность неспокойной воды.

— Мила! — кричу я, мчась к борту. — Мила!

Она исчезла. Я не вижу ее. Серая вода вспенивается и кружится, создавая пенистые барашки, которые ударяются о борт лодки. Нет никаких признаков Милы в воде.

Святое дермо! Не раздумывая, я ныряю за ней.

Шок от холодной воды выбивает из меня воздух, и я мечусь, пытаясь нашупать Милу и стараясь сохранить свои легкие от автоматического вдохания воздуха. Я никогда не чувствовал такого невероятного, пробирающего до костей, холода за всю свою жизнь. Каждая клеточка моего тела, каждая частица самосохранения, пытается заставить меня выйти из ледяной воды. Но я должен найти ее.

Я погружаюсь глубже и мое тело, на самом деле, немеет. Я больше не чувствую его. Я вслепую машу руками перед собой, отчаянно нуждаясь хоть в каком-то знаке о ней. Этого не может быть. Мила не может утонуть здесь, не в озере, которое она любит так сильно. Не из-за меня. Я заставляю свои веки открыться, и холод штурмует чувствительную ткань моих глаз, но я должен смотреть. Вода настолько мутная и холодная, что я совершенно ничего не вижу.

Я по-прежнему кручуясь, пока моя рука не натыкается на что-то твердое в воде.

Я хватаю это, цепляясь пальцами за что-то мясистое.

Мила.

Пуховая куртка тянет ее вниз, поэтому она не может подняться на поверхность. Она, кажется, пытается снять ее.

Я тяну ее за собой, и мы прорываемся сквозь воду. Я убираю волосы с ее лица. Она втягивает воздух и ногтями инстинктивно цепляется за меня, пытаясь выбраться из воды.

— Успокойся, — говорю я ей быстро, толкая нас к лодке. — Успокойся, или ты утопишь нас обоих.

Я поднимаю ее на руки и перетаскиваю через борт лодки, а затем подтягиваюсь за ней. Мы оба свернулись в клубок. Она лежит в луже ледяной воды на дне лодки, ее зубы стучат, а губы синие.

— О чём, черт возьми, ты думала? — я хватаюсь за неё. — Ты с ума сошла? Почему ты не держалась?

Я сдираю с неё тяжелую, огромную куртку, потому что она вся сырья, а затем осматриваю лодку, чтобы найти хоть что-нибудь, чем можно было бы обернуть её, но ничего нет.

— Черт, — бормочу я. — У меня ничего нет, чтобы согреть тебя. Ее мокрые волосы склеились в сосульки и свисают по спине. Я начинаю растирать ей руки. — Мы должны вернуться к берегу. Оставайся здесь, рядом с краем.

Мила цепляется за борт под выступом, где она частично защищена от ветра.

— Мне ж-ж-жаль, — она стучит зубами. — Я должна была держаться к-к-крепче. Но т-т-ты не должен был в-в-вести так быстро.

— Я знаю, — говорю я ей вяло. — Мне очень жаль, Мила. Это я виноват. Мы просто доберемся до берега, и ты обсохнешь.

Я завожу лодку и поворачиваю ее к берегу так быстро, как могу. Ветер скользит через мою мокрую рубашку, отчего сосульки образуются на подоле. К тому времени, как я заплываю в свою бухту, мои пальцы фиолетовые и меня почти все время колотят.

Я еще не до конца вошел в док, но уже помогаю Миле выбраться из лодки с онемевшими пальцами. Она очень сильно запинается, потому что ее конечности тоже онемели. Поэтому я просто хватаю ее, полагая, что могу нести ее быстрее, чем она может идти.

— Я м-м-могу п-п-пройтись, — дрожа, говорит она. Я качаю головой.

— Я могу идти быстрее.

Ее пальцы сжимают мои плечи словно лед, и я снова качаю головой.

— Ты, наверное, получишь пневмонию, — говорю я ей, разблокировав автомобиль, и сажаю ее на сиденье. Впервые я хочу, чтобы моя машина была новой вместо старой классики. Новый автомобиль имеет обогреватели сидений.

Я вставляю ключ в зажигание холодными дрожащими пальцами, и мы едем в мой дом в течение нескольких минут. Вина заставляет меня ехать по льду быстрее, чем я обычно езжу.

Автомобиль только подъехал к подъездной дорожке, а я уже нажал на кнопку для открытия гаража, так что мне не приходится возиться с замком на передней двери. Я вышел из машины и прошел на сторону Милы. Потом поднял ее и понес через гараж в дом.

— Твои губы все еще синие, — говорю я ей. — Мы должны засунуть тебя в горячий душ.

— Тебе т-т-тоже нужно, — говорит она мне, ее подбородок дрожит. Я не могу решить: она просто замерзла или она все еще в шоке?

Я не ставлю Милу на пол, а просто несу ее прямо по лестнице в мою ванную. Я опустил ее на унитаз и включил воду, возвращаясь, чтобы помочь ей снять ледяную одежду. Я до сих пор едва чувствую свои пальцы. Они настолько холодные, что мне почти жарко напротив ее замороженной кожи.

— Мила, мне так жаль. Я вышел из себя и увидел красный свет в глазах, и я не должен был быть за рулем в таком состоянии. Мне очень жаль.

Она кивает.

— Я знаю. Это нормально. М-м-мы были безрассудными. Это д-д-делается сейчас. Это нормально.

Я стягиваю с нее рубашку без лишних слов, потом помогаю расстегнуть лифчик. Она не инвалид, но я знаю, как трудно пошевелить пальцами, когда они заморожены, потому что испытываю то же самое. Я ставлю ее на ноги и стаскиваю мокрые джинсы, потом и нижнее белье, затем веду ее в душ.

— Залезай, — приказываю я ей, снимая свою собственную одежду, и шагаю в пар позади нее. Сейчас она удерживает свои волосы над водой, пока горячая вода впитывает тепло в ее тело.

— Боже мой, — выдыхает она. — От этого так хорошо. Больно, но... О. Мой. Бог.

Ее глаза закрыты, но цвет возвращается к ее губам. Я вздыхаю с облегчением и становлюсь рядом с ней, под насадку слева. Она права. Горячая вода более удивительная, чем это когда-либо казалась раньше.

— Святое дермо, это озеро было холодным, — бормочу я, когда вода падает на меня. Чувство возвращается в мои пальцы тысячью болезненных игл. — Черт, мои пальцы болят.

Мила, соглашаясь, стонет рядом со мной и, честно говоря, мы просто стоим под водой в течение еще десяти минут с закрытыми глазами, не говоря ни слова, просто наслаждаясь теплом. Когда дверь затуманивается, и дрожь исчезает, я оборачиваюсь к Миле.

Она обнаженная, и мокрая, и великолепная, но мне все равно в данный момент. Сейчас меня заботит совсем другое.

— Ты думала, что я тебя ударю, — говорю я просто. Она выглядит виноватой, поворачиваясь ко мне, сейчас ее кожа здорового розового цвета.

— Нет, — тихо протестует она. — Это был просто рефлекс. Я просто отреагировала.

— То есть, ты не думала, что я собираюсь ударить тебя? — Я поднимаю бровь. — Потому что ты вздрогнула. — Она опускает голову.

— Я не знаю, что думала.

Я втягиваю воздух в ответ на ее честность, и сразу выдыхаю. Обращаясь, я поднимаю ее подбородок пальцами.

— Меня не волнует, насколько я безумен, но я никогда не ударил бы тебя. Ты понимаешь это? — Я смотрю ей в глаза. — Никогда.

Она сглатывает и смотрит на меня, и ее глаза сейчас очень широкие и зеленые.

— Мне очень жаль, — говорит она мне. — Я не знаю, почему так подумала.

И есть что-то такое в ее глазах, что заставляет меня притормозить.

— Твой отец бил твою маму?

Вопрос повисает между нами, и она смотрит на меня. А потом медленно кивает.

— Не часто. Иногда. Я видела это несколько раз. Он ударил ее, она ударила его. У них были очень страстные отношения.

— Святое дермо, — бормочу я в шоке, прежде чем тяну ее к себе. — Мила, даже один раз слишком много. Я никогда не ударю тебя. Мне нужно, чтобы ты верила в это.

Она, молча кивает, и я вижу, что она плачет. Я не знаю, плачет ли она из-за своих родителей, или из-за нашей борьбе на лодке.

Я перетащил ее более плотно к своей груди, опустившись губами ко лбу. Она прижалась ко мне сырая, но решительная. Я скользжу руками вокруг ее спины, прижимая ее крепче.

— Мила, я никогда не наврежу тебе. Не таким образом.

Она кивает и тянется ко мне, и просто так мы цепляемся друг за друга, как будто мы нужны друг другу, чтобы дышать.

Ее язык погружается в мой рот и мои руки повсюду на ее теле, двигаются вверх и вниз по гладкой влажной спине, и вниз по ее бедрам. Я всасываю ее губу в рот, потянув зубами. Она стонет, и я вдыхаю, наслаждаясь звуком.

Отчаяние в значительной степени ощущается вокруг нас. Я кружусь с ней, прижав ее к каменной стене душа, нажав на нее, погружаясь в ее рот еще раз. Я могу вечно целовать эту девушки, и все равно мне не хватит.

Она поднимает ногу и обхватывает ею мои бедра. Мои руки скользят вверх по ее бедрам, чтобы схватить ее задницу, ее удивительно прекрасную задницу, и она качается на мне, толкаясь все ближе. Мой член вклинивается против нее, и я знаю, что она чувствует это.

Жесткий.

Мокрый.

Тёплый.

— Я хочу тебя сегодня ночью, — говорит она мне на ухо. Ее зубы кусают мочки моего уха. — Пожалуйста, Пакс.

Я стоны и отрываюсь, глядя на нее.

— Я думал, что ты хочешь подождать?

Она улыбается милой и злой улыбкой.

— К черту, — говорит она. — Я хочу тебя сейчас.

Я снова зажимаю ее и накидываюсь на ее рот. Ее губы такие чертовски мягкие. Мои пальцы скользят внутри нее, и она задыхается от этого ощущения. На вкус она как солнце.

— Ты чертовски красивая, — я спускаюсь к ее горлу, потом проделываю дорожку из поцелуев до ее полной груди. — Очень красивая.

Я втягиваю ее грудь в рот и мягко сосу. Она тянется ко мне, сжимает меня, ударяясь, ее руки падают вниз к каменной стене душа. Ее дыхание сейчас тяжелое неровное и резкое. Я слышу это.

Я перехожу к другой груди и сосу ее, дразню, наслаждаясь ею. Кожа Милы влажная и мягкая, и когда она открыла глаза и посмотрела на меня, я увидел ее не сфокусированный и дикий взгляд.

Она хочет меня. Этот взгляд почти непостижим для меня. Она хочет меня так же, как я хочу ее. Я стону и зарываюсь лицом в ее шею.

Ее рука сейчас на моем члене, и он пульсирует от этого в ее руке, горячий и тяжелый. Я хочу ее так, как никогда никого не хотел. Я стону, и от этого она улыбается, скользя рукой вверх и вниз по всей длине моего члена.

— Ты такой большой, — бормочет она тихо.

Такой же большой, как мои зубы.

Я будто хищник кружу над ней, спиной толкая против плитки. Она невинна и красива. А я... нет.

Я ее не заслуживаю. Я сглатываю.

— Ты хочешь меня? — спрашиваю я ее, мои губы просто шевелятся напротив нее.

Она кивает, глаза крепко закрыты, когда она проводит руками по моей спине и вниз по бедрам.

— Теперь открой глаза и скажи это, — говорю я ей нервно. — Скажи мое имя.

Ее глаза, дрожа открываятся, и она смотрит в мои.

— Я хочу тебя, — бормочет она. — Пакс.

Мой язык закручивается вокруг ее, влажный и горячий. Я, возможно, не заслуживаю ее, но она все равно хочет меня. Мои кишечки сжимаются.

— Скажи это еще раз, — говорю я ей спокойно.

Она смотрит на меня своими огромными зелеными глазами.

— Пакс, — выдыхает она. — Я хочу тебя.

— Черт, — бормочу я и отрываюсь от нее лишь на мгновение, чтобы выбраться за дверь и вытащить бумажник из моих штанов, валяющихся на полу. Я вожусь с презервативом, а затем возвращаюсь под воду, притянув Милу к себе.

И тогда я проникаю в нее.

Вспышки взрываются под моими веками, потому что быть в ней так чертовски хорошо. В такой мокрой, такой чертовски тугой. Я мог умереть прямо здесь и никогда бы не пожалел.

Мила задыхается, поэтому я придерживаю ее, а потом она хватается за мою спину, притянув меня к себе.

— В тебе так хорошо, — в ответ она скулит мне в ухо. И тепло затягивает мою грудь.

Я стону и пытаюсь сосредоточиться на чем-либо, что не позволит мне сразу кончить, но я знаю, что это бесполезно. Ее груди бьются напротив меня, влажные и мягкие, и каждый раз, когда я проникаю в нее, трение подталкивает меня все ближе к краю.

Она тянет меня ближе и в этот момент, я знаю, что она это весь свет и добро в мире.

Ядвигаюсь внутри нее. Тепло между нашими влажными телами сводит меня с ума.

— Я собираюсь кончить, — говорю я напротив ее мокрой шеи.

Она открывает глаза и смотрит на меня.

— Тогда кончай, — говорит она просто.

А потом она погружает свой язык в мой рот, и я не могу удержаться. Мой член пульсирует внутри нее, и она сжимается вокруг меня. Я дышу неровно, прижимая ее к стене, и после, кажется, походит час, перед тем, как мы оба скользим на пол. Сейчас она у меня в руках, и вода льется на нас.

Я даже говорить не могу. Я просто держу ее, качая на своих коленях, и этот момент кажется самым значимым. Мы сидим в таком положении очень долго, пока вода не начинает становиться прохладной.

Мила поднимает голову.

— Это было удивительно, — бормочет она. Она немного отстраняется и поглаживает сторону моего лица. Я опираюсь на руку и закрываю глаза. — Ты прекрасен, — добавляет она. Мой желудок сжимается.

— Я не прекрасен, — отвечаю я. — Это далеко не так.

— Ты такой, — настаивает она. — Ты просто должен поверить моим словам.

Я качаю головой, но не отпускаю свой контроль над ней, и она снова кладет свою голову мне на грудь.

— Вода становится холодной, — говорит она сонно. Ее ноги переплелись с моими, а тело лежит на мне. Не похоже, чтобы она беспокоилась о воде, но мы оба провели достаточно много времени в холодной воде за сегодня.

Неохотно я сажусь и тяну Милу на ноги. Я вывожу ее из душа и оборачиваю в полотенце прежде, чем проводить к себе в спальню и даю футболку. Я надеваю ее через голову и смотрю на неё сверху вниз.

— Оставайся со мной сегодня ночью, — прошу я ее. — Ты устала, я устал и на улице холодно. Просто останься здесь.

Она улыбается мне.

— Таков был план с самого начала, — она лукаво улыбается. — У меня есть сумка в машине у "Холма".

Я смотрю на неё

— Ты имеешь в виду... ты собирались... сегодня ночью?

Она смеётся.

— Говори, Пакс. Это не так сложно. Да, я была готова сегодня ночью.

Я вынуждено хихикаю и качаю головой.

— Тебе нравится заставлять меня гадать? — спрашиваю я её, ведя к кровати, и сажаю на свои колени.

Она кивает, ее зелёные глаза блестят.

— Так интереснее, не так ли?

Я опускаю свои губы на ее, заставляя прекратить то, что она собирается сказать. Накрывая ее тело своим, я толкаю ее на матрас своей кровати и провожу дорожку губами по ее шее, затем вниз к ее рукам. Целую ее ладони, а потом смотрю в окно.

— Там зимой шторм дует через озеро, — говорю я ей, и она оборачивается, чтобы посмотреть на него со мной.

— Хорошо, что мы сейчас не там, — отмечает она, поскольку мы наблюдаем, как тёмные тучи строятся и кружатся над водой. Молния вспыхивает в темноте и воздух, кажется, заряжается силой бури.

Я смотрю вниз.

— Это очень хорошо. Определённо, более комфортно быть здесь голыми.

Она хихикает и тянет меня к себе, ее язык снова у меня во рту. Мои руки скользят к ее попке, в результате чего, ее нога оборачивается вокруг моего бедра.

— Твоя нога принадлежит этому месту, — говорю я ей твёрдо. Она улыбается мне в губы.

— Это может затруднить мою ходьбу, — отвечает она, проводя пальцами по моей спине.

— Мы с этим разберёмся, — рычу я и скользжу пальцами внутрь неё. Она скулит и изгибается от моей руки, тогда, как гром трещит снаружи. А потом наш разговор умирает, потому что наша собственная буря бушует в моей спальне.

Глава 16 Мила

Последнее, о чем я думаю прежде, чем погрузиться в туманный сон, что руки Пакса очень сильные и теплые. И безопасные.

Я никогда не забуду, что чувствовала, когда он нырнул в озеро за мной и вытащил в безопасное место. Дурацкая куртка тянула меня вниз, и я не могла выбраться. Он, вероятно, спас мне жизнь. Нелепо, что он так безрассуден по отношению к своей собственной жизни, но, кажется, так он защищает мою.

Я теснее прижимаюсь к нему, к его сильной груди. Мое лицо прижимается к его сердцу, и оно громко бьется около моего уха. Этот стучащий ритм успокаивает меня, и я засыпаю.

А потом мне снился сон.

Я смотрю вниз и вижу солнечный свет, окутывающий меня, мерцающий на моей коже.

Я снова в церкви.

Но на этот раз все по-другому.

Вместо черного платья, которое я надевала на похороны своих родителей, я одета в белое. Простая хлопковая рубашка, почти прозрачная. И

мой отец сидит в передней части церкви, вместо гроба. И вместо того, чтобы сидеть в сияющем солнечном свете, он сидит в тени.

Мой пульс ускоряется, потому что это первый раз, когда кто-либо из моих родителей появляется во сне. Так приятно видеть лицо моего отца. Я мчусь по проходу к нему, но мои ноги двигаются очень медленно. Это так расстраивает, потому что я хочу бежать, а ноги просто не слушаются. Но, в конце концов, я добираюсь до него.

Я стою перед ним и просто смотрю. Он одет в свою любимую полинявшую зеленую фланелевую рубашку и рваные голубые джинсы, те, в которых он привык работать во дворе.

Он улыбается.

— Привет, арахис.

— Привет, папа, — выжимаю я из себя. У меня комок в горле, поэтому я не могу глотать. — Так приятно видеть тебя.

Он улыбается той же улыбкой, что я видела миллион раз на протяжении многих лет, и вытягивает руки. Я бросаюсь в них. Папа пахнет так же, как Old Spice и мята. Я вдыхаю и плачу, крепко его обнимая.

Но через несколько минут он отстраняется.

Я смотрю на него, на крупные руки, которые держали меня тысячу раз, которые купали мою собаку, толкали мой велосипед и били мою мать. Я задыхаюсь и смотрю ему в глаза.

— Папа, почему ты ударил маму?

Он, кажется, поражен, поэтому поднимает руки ладонями вверх, к небу.

— Я не знаю, — говорит он тихо. — Потому что я не совершенен. Мы с твоей матерью должны были обратиться за помощью к семейному психологу. Мы любили друг друга, но вместе погибли. Жаль, что ты видела это.

— Как ты можешь любить кого-то, но все же делать ему больно? — спрашиваю я, и говоря это, я чувствую, как слезы текут по моему лицу. Папа тянется своей широкой ладонью и вытирает их.

— Такова жизнь, — говорит он мне тихо. — Иногда мы делаем больно тем, кого любим больше всего.

— Но ты никогда не должен был причинять кому-то боль таким образом, — говорю я ему. — Иметь такой характер — все равно, что быть трусом.

Папа смотрит на меня.

— Может быть, я и был трусом. Но я все еще был хорошим человеком, у которого просто был плохой характер. Я люблю тебя, арахис.

Я чувствую, что приросла к земле, а затем онемение сильным потоком накрывает меня. Так или иначе, по какой-то причине, что-то щелкает во мне, и я вдруг понимаю, что эти глупые сны пытались сказать мне все это время... черные и белые гробы, солнце и тени.

Жизнь не черно-белая. Не все люди хорошие или плохие. Я была так сосредоточена на смысле жизни после смерти своих родителей, что не учла

тот факт, что в глубине души — хотя я не признавала этого — мне было трудно понять отношения между ними. И, наверное, я осуждала их.

Действительно, жизнь просто смесь хорошего и плохого, различные оттенки серого, белого и черного. Думаю, я всегда боялась быть с кем-то в отношениях, потому что думала, что у меня будут такие же отношения, как у родителей или, что я сделала ошибку.

Но вся жизнь состоит из ошибок.

Я сглотнула и посмотрела на своего отца.

— Я люблю тебя, папа. — Он кивает, его глаза полны доброты и любви. — Я скучаю по тебе.

— Я знаю, — отвечает он. И, сидя на месте, он начинает исчезать, пока не пропадает, и я остаюсь в одиночестве.

Но я не одинока. Я чувствую присутствие Пакса, даже притом, что не могу его видеть. Я поворачиваюсь, но его там нет.

А потом я просыпаюсь и смотрю ему в глаза.

— Ты в порядке? — шепчет он. — Тебе что-то снилось.

Его руки обнимают меня.

— Мне просто приснился странный сон, — шепчу я. — Мне снился мой отец, впервые с тех пор, как он умер. Я спросила его, почему он ударил мою маму, а он говорил про то, что был испорчен. Но он все еще был хорошим человеком. Он и моя мама должны были пойти к семейному психологу, но так и не пошли.

Пакс смотрит на меня, его золотые глаза освещают теплом темное помещение.

— Ты права, — наконец, говорит он. — Человек может ошибаться, но он все еще будет хорошим, если у него доброе сердце. Из-за чего это происходит? Потому что я спрашивал о твоих родителях?

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю. Может быть. У меня был странный повторяющийся сон, с тех пор, как они умерли, и я думаю, что это всегда было одной из тех вещей, которые мое подсознание пыталось мне сказать. Я боролась после их смерти, я скучала по ним очень сильно, но я также возмущалась из-за их отношений. Они любили друг друга почти до безумия, но они погибали вместе. Они плохо общались.

Пакс смотрит на меня.

— Твой отец когда-нибудь бил тебя?

Я сразу качаю головой.

— Нет. Меня шлепали несколько раз, когда я была ребенком, но бить? Нет, они были хорошими родителями. Их проблема состояла в том, что они всегда подначивали друг друга, пока это не вышло из-под их контроля.

Теперь Пакс качает головой.

— На самом деле, мы ничего не можем контролировать, — утверждает он. — Не в той ситуации. Хотя, ты была права. Твои родители должны были обратиться за помощью. Мне жаль, что они этого не сделали.

Я закрываю глаза и снова прижимаюсь к нему.

— Так или иначе, я думаю, что мой сон был сообщением для меня. Что все будет в порядке, и что я должна доверять своему сердцу. Мое сердце говорит мне, что быть с тобой — это нормально. Мы с тобой не мои родители, и наши отношения не будут такими же, как у них. Никто не совершенен, и у тебя есть проблемы, с которыми нужно бороться, но мы пройдем через это, Пакс.

Он вздрагивает, я это чувствую, становясь жестким рядом со мной.

— Ты думаешь, что твой сон был сообщением от отца, что быть со мной — это нормально?

Я снова пожимаю плечами.

— Я не знаю. Может быть.

Он качает головой.

— Ни в коем случае. Не то, чтобы я не верил в такие вещи, но нет никакого способа, чтобы твой отец дал тебе свое благословение, чтобы связываться со мной. Черт, ни в коем случае. Тебе снилось то, во что ты хочешь верить. Ты просто пытаешься дать какой-то смысл вещам. Мы пробудили твои воспоминания сегодня вечером, так что это нормально.

Я не позволяю ему переубедить меня.

— Что ж, останемся каждый при своем мнении. Но сейчас давай просто вернемся ко сну.

Так мы и делаем. Пакс крепче сжимает меня, и я засыпаю в его объятиях.

Когда я просыпаюсь, он еще спит рядом со мной. Его руки все еще плотно обернуты вокруг меня. Я думаю, что мы вообще не шевелились. Я моргаю от солнечного света, который льется через окна. Мне настолько комфортно, что я не хочу вставать и закрывать жалюзи. Но если я этого не сделаю, то никогда не засну снова.

Просто я не готова начать день. Я хочу оставаться в постели с Паксом какое-то время.

Я осторожно извлекаю себя из рук Пакса и выползаю из постели, пробираясь к окнам. Ихожу веревочку, которая закрывает шторы, и начинаю тянуть. Делая это, я бросаю взгляд вниз, на лужайку позади дома и застываю.

Ледяной холод распространяется от основания моего позвоночника к шее, когда ужас бьет меня в грудь.

Кто-то лежит на газоне, на холоде и ветре. Я присматриваюсь, глядя на бледные ноги, высокие шпильки и мышиного цвета волосы.

Джилл.

Что за черт?

Моя рука отпускает шторы, и я закрываю ей рот.

Джилл не двигается, а ее тело лежит под неестественным углом. Ее лицо отвернуто от меня к озеру, но это все еще она. Ветер шевелит волосы на ее лице, и это единственное, что движется.

— Пакс! — кричу я, начиная его трясти. — Проснись. Проснись! Джилл на твоем газоне.

Он наклоняется вперед, пытаясь очистить голову, чтобы понять, что я говорю. Понимание, наконец, пересекает его лицо, и он бросается с постели, и мы оба бежим на задний газон.

Пакс, не задумываясь, бежит к Джилл, но я, должна признаться, не решаюсь поступить так же. Страх, кажется, замораживает меня на месте. Я не знаю точно, что с ней случилось, но уверена, что ничего хорошего.

Пакс становится на колени и рассматривает ее, потом быстро смотрит на меня. На его лице тяжелый взгляд.

Я должна заставить себя подойти к ним.

— Ты можешь позвонить в полицию? — спрашивает он тихо.

Я смотрю вниз и вижу, что глаза Джилл открыты. Они стеклянные и не моргают. Я знаю, что она мертва. Я отступаю, мои руки поднимаются ко рту, когда полный и абсолютный ужас наполняет меня. Я хочу кричать, но не делаю этого.

На ее рубашке и подбородке рвота. В каком-то месте она бежит вниз по ее руке. Она замерзла и сейчас оранжево-ржавого цвета. Я закрываю рот и отворачиваюсь. Пакс встает и обнимает меня.

— Пойдем, вызовем полицию, — говорит он мягко. — Не смотри больше. Тебе не нужно это видеть

— Мы не можем просто оставить ее здесь! — говорю я ему. — Холодно. Как долго пр-твоему, она была здесь? С прошлой ночи? Как ты думаешь, она пришла сюда после тех 58 сообщений?

Я смотрю на него дикими глазами, и он хватает меня за локоть.

— Мила, сейчас она не чувствует холода. Мы должны пойти позвонить в полицию. И я понятия не имею, была ли она здесь, когда писала мне.

Я не говорю, что знаю, о чем мы оба думаем. Если бы он только ответил ей, этого можно было бы избежать. Я не смотрю ему в глаза, потому что не хочу, чтобы он увидел мои мысли.

— Это от передозировки? — спрашиваю я спокойно, когда мы входим в дом.

Пакс качает головой, когда мы поднимаемся по лестнице на кухню.

— Я не знаю, но уверен, что это выглядит так.

Он смотрит на меня.

— Можешь сделать кофе, пока я звоню?

Я киваю и приступаю к поискам запасов кофе. Почему-то я чувствую себя хорошо, когда делаю эту банальную вещь, мои руки работают автоматически, когда я отмеряю кофе и наливаю воду в чашку. Аромат наполняет мой нос, и я стою там с руками, обернутыми вокруг талии, когда Пакс появляется позади меня.

— Они уже в пути. Я забыл положить твою одежду в сушилку вчера вечером, но думаю, у меня есть пара вещей, которые ты можешь позаимствовать.

Я киваю и следую за ним наверх, где он находит вещи и протягивает их мне.

— Они слишком большие, но есть шнурок. Ты в порядке?

Он смотрит на меня, и я сажусь на кровать, отвечая дрожащим голосом.
— Пакс, это мог бы быть ты. Это мог бы быть ты.

Мне трудно и я не знаю, что еще сказать. Это единственное, о чем я могу думать. Это мог быть он. Если бы я не столкнулась с ним в ту ночь на пляже, это был бы он

Пакс опускается на кровать рядом со мной и заставляет меня посмотреть на него.

— Но это был не я. И я не занимаюсь этим больше, поэтому этого никогда не будет.

Его взгляд сильный и полон решимости, и я чувствую, что мои легкие дрожат, когда я втягиваю воздух.

— Мне нужно, чтобы ты пообещал.

— Я обещаю. — Его слова тверды. И я киваю.

— Хорошо.

— Хорошо? — он поднимает бровь.

Я киваю.

— Хорошо.

Он наклоняется и целует меня в лоб. У меня появляется желание свернуться у него на груди, но я этого не делаю. Вместо этого я натягиваю одежду, и мы возвращаемся в гостиную ждать полицию. У них не занимает много времени, чтобы прибыть. Нахodka тела в нашем маленьком городе не то, что происходит каждый день.

Пакс отвечает на миллион вопросов, а затем они также немного спрашивают меня. Была ли я с Паксом прошлой ночью? Видели ли мы Джилл ночью ранее? И так далее и тому подобное.

Мы отвечаляем на все их вопросы, а затем Пакс говорит одному из них, что знает, что у нее есть два ребенка, но он не знает ее адрес или кто заботится о ее детях, когда она уходит. Эта часть удивляет меня и заставляет безумно грустить.

— Думаю, я не много знаю о ней,— признается Пакс. Он выглядит усталым. Не очень грустным, но просто очень усталым. Он хватает свою чашку кофе, когда офицеры делают заметки и задают еще больше вопросов.

Я чувствую холод, поэтому сворачиваюсь калачиком на диване и жду, пока это закончится. Через окно, я вижу, как медики из скорой помощи подкатили каталку к телу Джилл и загружают ее, укладывая в черный пакет.

Окончательность этого события врезается в меня.

Просто так она ушла из жизни. Я чувствую себя такой пустой и грустной, когда в одну секунду, вся память об этой женщине была уничтожена без уважения или поминок. Я даже не знаю ее, так что понятия не имею, почему это влияет на меня так сильно.

Кроме того, это мог быть Пакс.

И в глубине души часть меня сейчас в ужасе.

Я понятия не имею, смогу ли справиться с этим. Что делать, если следующим телом, которое я найду, будет тело Пакса? Что, если он

недооценивает свою способность отказаться от наркотиков? Я просто не уверена, что достаточно сильная, чтобы узнать.

Я чувствую, что Пакс смотрит на меня, как будто слыша мои тревожные мысли.

Я смотрю вверх и вижу его глаза неуверенные и мягкие, он поднимает брови, как бы спрашивая: «*Ты в порядке?*»

Я киваю. Да, я в порядке.

И я немного улыбаюсь, чтобы доказать это.

Но я вообще не знаю, в порядке ли я.

Поэтому моя улыбка была ложью.

Я закрываю глаза.

Глава 17 Пакс

— Это, неверное, ужасно для вас, — говорит тихо доктор Тайлер, в очередной раз записывая данные в свой глупый блокнот, — найти Джилл так, в вашем собственном дворе. Это было бы тяжело для любого.

Он делает паузу и смотрит на меня. Я здесь уже в течение тридцати минут и, честно говоря, я понятия не имею, зачем пришел. Кроме того, я не знаю, что делать со всем, что происходит в моей жизни. Я чувствую себя немного запутавшимся, словно я теряю контроль. Потеря контроля — одна из многих моих причин употребления наркотиков. Употребив их, я чувствовал, будто держу себя под контролем... даже тогда, когда это было не так.

— Конечно, это было ужасно, — отвечаю я. — В моем доме был мертвый человек. Это было страшно.

Доктор Тайлер смотрит на меня.

— В вашем доме был мертвый человек, с которым у вас были сексуальные отношения. Она пыталась связаться с вами до того, как умерла. У вас есть более, чем мимолетный интерес к этому, Пакс. Вы должны иметь дело с тем, что чувствуете по этому поводу. Можете ли вы мне сказать, что чувствуете?

— На самом деле, я зол, — я свирепо смотрю на него. — Почему она пришла именно ко мне домой, чтобы умереть от передозировки? Так она хотела доказать свою точку зрения? Я сказал ей, что между нами все кончено. Что больше нет того, что было между нами когда-либо. Мы выполнили все желания друг для друга. Вот и все. Я даже не знаю ее фамилии.

Доктор Тайлер смотрит на меня задумчиво, и я чувствую, как он пытается заглянуть внутрь меня.

— Вы действительно расстроены, потому что она умерла в вашем доме? — наконец, спрашивает он. — Или вы недовольны тем, что не были там с ней? Или тогда, когда она пыталась обратиться к вам за помощью? Вы

знаете, что она писала в своих сообщениях? Или вы выбросили свой телефон за борт прежде, чем прочитать их?

Сейчас я злюсь, потому что он прав. Я думал об этом.

— Вы подразумеваете, что я виновен в ее смерти, потому что не ответил на ее сообщения? Джилл была психом. Она была наркоманкой, нуждающейся в помощи. Я говорил, что ей нужно обратиться за помощью, но она решила этого не делать.

Доктор поднимает руку.

— Безусловно, я не говорю, что это была ваша вина, — говорит он успокаивающе. — Это не так. Она сама отвечала за свои действия. Мне просто было интересно, были ли вы в состоянии прочитать любое из ее сообщений, отправленных вам? Это может предоставить вам какие-либо объяснения, поэтому вы сможете получить ответы. Я предполагаю, что вы чувствуете свою вину и, возможно, даже вас тянет к наркотикам. Я хочу помочь вам справиться с этим.

Я качаю головой.

— Мне не нужны ответы. Девушка, которую я знал — умерла. Я не любил ее. Я прочитал несколько сообщений от нее. Она хотела наркотики, и она была в отчаянии. Я понятия не имею, где она нашла наркотики, от которых у нее случилась передозировка. Единственная вина, которую я чувствую, основана на том, что я не остановил ее давным-давно. Я помогал ее душевному состоянию, давая наркотики в течение последних двух лет. Я в ответе за это. И я не почувствовал желание использовать наркотики. На самом деле, это далеко не так. Я устал говорить об этом. Можем ли мы вернуться к нашим проблемам?

— В настоящее время, — отвечает доктор Тайлер. — Мне хочется поговорить о Миле. Как это повлияло на нее?

Я делаю паузу и чувствую, как мое сердце ускоряется. Каждый день на этой неделе с момента инцидента, на который я уже ссылался, я чувствовал панику, когда представлял выражение лица Милы в то утро. У нее был такой взгляд, словно она думал, что это была моя вина, или я, возможно, такой же, как Джилл. Она не была готова к любому из этих вариантов.

Я сглатываю, но мое горло такое сухое, что я слышу это.

— Мила — боец, — отвечаю я. — Она осталась, когда полиция задавала свои вопросы, и она волновалась о детях Джилл. У нее доброе сердце.

— Таким образом, она проводит параллели между вами и Джилл? — Слова доктора звучат сомнительно. У меня появляется внезапное желание ударить его по лицу.

— Конечно, она это сделала. Она сказала мне, что это мог быть я. И тогда я пообещал ей, что этого никогда не случится.

— И она принимает этот ответ? — Ручка доктора Тайлера останавливается.

Я тоже делаю паузу.

— Я не знаю. Вроде бы, да. Но она была такой тихой и замкнутой на этой неделе. Я не знаю, обдумывает она это или что-то еще.

— Значит, вас напугало то, что она не сможет вернуться туда, где вы были до этого происшествия?

Больше всего на свете.

Но я этого не сказал.

Вместо этого, я просто говорю:

— Да.

Доктор смотрит на бумаги и записывает. Когда-нибудь я хотел бы увидеть, что именно он пишет.

— Я хотел бы сменить тему, — говорю я ему твердо. Мы достаточно поговорили о Миле.

Я делаю стальной взгляд и смотрю на врача. Он вздыхает и кивает.

— Хорошо. Давайте сменим тему. Были ли у вас снова те сны?

Я киваю.

— Да. Несколько раз за неделю. Они по-прежнему те же самые. Я в темной комнате, и не очень хорошо вижу. Но я слышу маму. Ее голос звучал так, словно она умоляла меня. Я не знаю, как пройти этот момент во сне. Это раздражает, потому что я чувствую, что мне нужно увидеть что-то еще.

Доктор изучает меня, его пальцы крутят ручку на коленях.

— Иногда разум человека защищает себя как может. Он делает это путем создания барьеров и пресечения воспоминаний. Если бы мне пришлось угадывать, я бы сказал, что этот сон из памяти. И ваш разум не хочет, чтобы вы помнили все остальное, потому что это будет очень больно.

Я смотрю на него.

— Вы думаете, что мне снится то, что произошло на самом деле?

Он кивает.

— Я предполагаю, что это так. Я могу ошибаться. Но единственный способ это выяснить — позволить вашим снам выиграть.

Я разочарованно качаю головой.

— Этого не будет. Это происходит только до того момента, когда я нахожусь в темном месте и слышу свою мать. А потом я просыпаюсь. Обычно в холодном поту.

Доктор кивает.

— Существует еще один способ, если вы открыты для него.

Не уверен, что хочу знать, но я жду продолжения.

— Вы когда-нибудь были под гипнозом? — спрашивает доктор, и я начинаю ржать.

— Черт, нет. Нет, я не был загипнотизирован. Какую еще шарлатанскую практику вы используете?

Я начинаю вставать, но доктор поднимает руку.

— Подождите, Пакс. Гипнотерапия является очень действенным и полезным инструментом, имеющимся у нас. Это не шарлатанство. Это просто основные методы релаксации, которые позволяют пациенту интенсивно сосредоточиться на чем-то, блокируя все остальное.

Большинство психиатров и в самом деле используют его. К тому же, это моя специализация. Если вы действительно хотите знать, о чем ваши сны, то это лучший способ. Это снимет барьеры, которые ваш разум вводит в действие и позволит вам увидеть то, что вы пытаетесь скрыть от самого себя.

Ебать.

Он ведь специально так сказал, правда? Потому что он, должно быть, понимает, что я до смерти хочу узнать, что пытаются скрыть мой разум.

Я возвращаюсь на свое место.

— Как много времени это займет? — спрашиваю я неуверенно.

— Это не отнимает много времени, — успокаивает он меня. — И я думаю, что это поможет вам.

Он смотрит на меня, ожидая. Наконец, я вздыхаю.

— Хорошо, — бормочу я. — Я сделаю это. Но вам лучше не заставлять меня лаять как собака или что-то еще. Я не хочу делать это сегодня, но я сделаю это в ближайшее время.

Доктор Тайлер улыбается.

— Так происходит только в кино, — говорит он мне. — И мы можем сделать это в любое время, когда вы захотите. Я планирую в следующий раз, если вы не решите иначе.

Он строчит еще немного в своем блокноте.

— Назначить вам еще «Ксанакс»? — спрашивает он, глядя на меня.

Я качаю головой.

— Нет. Я же сказал, что это было не нужно.

— Молодец, — оценивает меня доктор. — У вас сильный характер. Это обнадеживает. Кажется, вы действительно хотите изменить что-то вокруг себя к лучшему.

Я киваю и впервые за сегодня чувствую себя хорошо из-за того, что сделал.

Доктор прав. Я действительно изменил положение вещей вокруг себя к лучшему.

Может быть, я поворачиваюсь не в ту сторону, но, по крайней мере, я поворачиваюсь.

Мила

Забавно, как дни сливаются друг с другом, когда ты не обращаешь внимания.

Прошла неделя с тех пор, как умерла Джилл. Неделя с тех пор, как опасения и сомнения закрались в меня. Неделя с тех пор, как Пакс не дал мне ни единого повода, чтобы сомневаться в нем. Он был совершенным. Удивительно и невероятно прекрасным. На самом деле, таким прекрасным, что я все жду, когда он выложит все карты на стол. Но до сих пор, этого не произошло.

Я тащусь по подъездной дорожке своих родителей, или, наверное, я должна сказать, по подъездной дорожке Мэдисон, так как теперь она живет здесь. Но, честно говоря, этот дом всегда будет домом родителей. Думаю, что Мэдисон чувствует то же самое, и я бы не стала винить ее, если бы она захотела продать его в какой-то момент и купить себе новый дом.

Я дергаю ключи из замка зажигания и проделываю свой путь по ледяному тротуару к двери. Мэдди открывает дверь, прежде чем я успеваю постучать.

— Я рада, что ты здесь, — говорит она мне, даже не поздоровавшись.
— Попробуй это.

Она толкает горячую кружку в мои руки, и я нюхаю ее, заходя в дом, сбив снег с сапог о дверной порог.

— Горячий шоколад?

Она кивает.

— Лучший горячий шоколад, который ты когда-либо пробовала, — говорит она уверенно. — Жирный итальянский горячий шоколад. Я пробую его для ресторана. Он такой густой, что в нем будет стоять ложка.

Потягивая эту гущу, ячуствую, как сливочный шоколад скользит вниз по моему горлу словно пудинг.

— Святая корова, это вкусно, — говорю я ей. — У тебя есть победитель.

Она пытается отобрать кружку, но я дергаю ее обратно.

— Никогда в жизни.

Она закатывает глаза.

— Прекрасно. Теперь о том, что ты хотела поискать сегодня? Я забыла.

Я снимаю пальто.

— Я просто хотела просмотреть сувенирный ящик мамы. Ячуствую себя немного сентиментальной и скучаю по ним. Так что подумала, хорошо бы посмотреть на ее безделушки.

Мэдисон смотрит на меня сочувственно.

— Я знаю, что тычувствуешь. Я была такой же на прошлой неделе. Я так сильно скучаю по ним...

Ее глаза становятся влажными, и она уходит в сторону кухни. Мэдисон не так много плачет. Она машет рукой.

— Ты знаешь, где их найти. Я буду на кухне.

Она оставляет меня одну, и я иду по коридору в спальню наших родителей. Мэдди не смогла заставить себя очистить эту спальню и спать в ней. Она оставила свою старую комнату, сохраняя мамины и папину точно такой же, какой она была.

Войдя, я замечаю, что тут тактихо, что это место кажется мне почти священным. Закрыв глаза, я пытаюсь сделать вид, чточуствую запах духов моей мамы, витающий здесь. Но, конечно, я не могу егочувствовать. Они умерли несколько лет назад. Ее запах давно выветрился.

Но не воспоминания о ней.

Я выдвигаю верхний ящик ее комода и, вытаскивая, отношу на кровать. Сидя на цветном покрывале, я вспоминаю, как много дней после школы проводила здесь с ней, сидя на кровати, когда она готовилась для работы в «Холме». Она сидела за своим туалетным столиком и завивала волосы, брызгалась духами и разговаривала со мной о моем дне.

Боже, я скучаю по ней.

В первую очередь я внимательно исследую фотографии в ее ящике. Они находятся в простых файлах, соединенных вместе старыми резинками. Черно-белые — из ее юности, а выцветшие — из моей. Здесь моя любимая фотография. На ней папа и я, оба поднимаем огромную рыбу, пойманную в озере Мичиган в один из прекрасных летних дней. Мне было восемь лет, и у меня на губах усы от шоколада, а он одет в свою нелепую шляпу для рыбаки.

Я улыбаюсь, вспоминая.

Это был действительно хороший день. Мама и Мэдди сидели на пляже, потому что брезговали рыбой и приманкой. Папа хлопал меня по плечу, и мы ловили рыбу в течение нескольких часов. Я чувствовала себя так хорошо, потому что у меня был сильный желудок, и я могла быть его спутником.

Я положила фото обратно в кучу и заменила изношенную резинку.

Я провела пальцем через старые любовные письма моего отца маме, и даже старые письма от моей бабушки. Моя мать держала все, и была очень сентиментальной. Сейчас я так благодарна ей за это.

Переместив вещи в ящик, я слышу катящийся звук. Я прощупываю дно и в углу нахожу кольцо. Это широкая полоска, сделанная из розового золота, и с внутренней стороны надпись: **«Любовь никогда не слабеет»**. Мою грудь затягивает. Я помню это кольцо. Это было настоящее обручальное кольцо мамы. Она вынуждена была прекратить носить его после того, как появилась Мэдди, потому что оно стало слишком мало. А потом папа подарил ей фантастический бриллиант, и она начала носить его вместо этого.

Но теперь, держа это простое кольцо в своей руке, я чувствую какую-то радость. Любовь никогда не слабеет. Какая сильная фраза. Просто удерживать холодный металл в своей руке, заставляет меня чувствовать себя хорошо, как-то связываться с моими родителями. Я надеваю его на безымянный палец правой руки. Оно идеально подходит.

Я задвигаю ящик обратно в шкаф и нахожу Мэдди на кухне.

— Ты не возражаешь, если я оставлю это себе? — спрашиваю я ее, протягивая руку. — Это настоящее обручальное кольцо мамы.

Мэдди качает головой.

— Конечно, нет. Ты дала мне ее бриллиант. Это справедливо. — Теперь она улыбается мне своей лучшей большой сестринской улыбкой, и я не могу не обнять ее.

— Я люблю тебя, ты знаешь, — говорю я ей, когда мы опускаемся в ее кухонные стулья, облокотившись локтями об стол. — Мама и папа очень были гордились тобой.

Она снова мне улыбается и потягивает свой шоколад.

— Спасибо. Они тоже были бы горды тобой. Всегда были.

Я наклоняюсь к ней и пытаюсь украсть ее чашку, но она хлопает по моей руке.

— В конце концов, как много ты перепробовала? — шутливо спрашиваю я. — Конечно, ты можешь сэкономить одну чашку для меня.

— Я уже это сделала, — отвечает она. — И у меня, наверное, было достаточно. Но возможно ли когда-либо съесть действительно слишком много шоколада? — Она дергает бровями и смеется, и мы болтаем о том, что нам всегда нравилось.

После того, как мы говорим о «Холме», Тони, моем магазине, новом автомобиле Мэдисон и собаке, которую она думает взять, она поворачивается ко мне и задумчиво смотрит.

— Как дела с Паксом?

Я закатываю глаза.

— Как будто тебя это заботит.

— Заботит, — настаивает она. — Я по-прежнему беспокоюсь, но уже меньше, чем раньше. Он, кажется, делает тебя счастливой. И я действительно хочу, чтобы ты была счастлива, сестренка.

Она кладет свою тонкую руку мне на плечо и сжимает. Я нюхаю ее.

— Ты пользовалась дезодорантом сегодня? Потому что ты, вроде как, воняешь.

Мы хихикаем, и она бьет меня кулаком. И в этот момент все кажется правильным в этом мире.

Мы сидим на ее кухне и разговариваем до темноты.

Глава 18

Мила

Мой телефон гудит. Взяв его, я замечаю, что уже 7:05 вечера.

Дерьмо. Я должна была встретиться с Паксом в 7:00. Время ускользнуло от меня.

Конечно же, я бросаю взгляд на сообщение, и оно от него.

«Эй, мисс Опоздание. Разве у нас не должно быть свидания сегодня?»

Я терпеть не могу опаздывать. Особенно так сильно. Я всегда была такой. Поэтому набираю ответ, нажимаю отправить, и натягиваю пальто, выбежав за дверь.

— Я опаздываю, Мэдди. Должна бежать, пока.

Я слышу ее смех, когда дверь за мной захлопывается.

Десять минут спустя я поворачиваю руль к дому Пакса и галопом бегу к двери, увидев меня, он высовывает голову наружу и смеется.

— Ты похожа на хромую лошадь, Красная. Успокойся, пока не упала и не сломала что-нибудь.

Я встаю на порог и целую его. Мои холодные губы прижимаются к его теплым губам. Он выглядит адски сексуально, как в любой другой день, когда он одет в джинсы, которые отлично подчеркивают его задницу, и черную футболку, которая обтягивает его грудь. Я наклоняюсь к нему, впитывая его тепло. Он пахнет мускусом, лесом и мужчиной. Я вдыхаю его запах и оборачиваю руки вокруг его шеи.

— Мне очень жаль, что я опоздала, — говорю я ему, целуя его за ухом.
— Поверь мне, нет места, где я бы хотела быть больше, чем здесь.

— В самом деле? — Он поднимает бровь. — Тогда мы сходимся во мнениях. Потому что нет места, где я хотел бы, чтобы ты была, кроме как здесь.

Я закатываю глаза на его шутку, когда мы проходим в комнату. Но потом я подталкиваю его к стене и снова целую, просто, потому что хочу этого. Он тянет меня к себе, и я задерживаюсь там, комфортно устроившись у него в руках. Святая корова! Действительно нет места, где я хотела бы быть больше, чем здесь.

Наконец, я вздыхаю.

— Так, сегодня вечером была твоя очередь планировать наше свидание. Что мы будем делать? Хочешь заказать еду на вынос?

Он качает головой.

— Я изголодался по жареным кабачкам. Поэтому подумал, что мы сами сделаем их.

Я смотрю на него.

— Ты думал, что мы попробуем сделать жареные кабачки? Гм. Надо сказать, что моя семья владеет рестораном, но я не готовлю. Много. Может, кто-то хочет цуккини?

Пакс смеется и тащит меня вверх по лестнице.

— Моя экономка делала их, когда я рос. Мне очень понравилось. Поэтому сегодня я посмотрел рецепт и пошел в магазин за продуктами. Что плохого может случиться?

— Теперь ты сделал это, — ворчу я, снимая пальто. — Ты никогда не должен задавать этот вопрос.

Десять минут спустя, мы оба неуверенно смотрим на рецепт и сковороду с маслом на плите. Все в кухне Пакса новое и блестит. Он никогда ничем не пользовался и не знает как. Я тем более.

— Я не уверена в этом, — говорю я ему, когда масло шипит и брызгается во все стороны.

Он наблюдает за этим в течение минуты.

— Думаю, что масло слишком горячее, — решает он, и совсем немного уменьшает пламя. Мы бросили нарезанные кабачки в муку и поместили их в сковороду, потом они зашипели.

Мы смотрим друг на друга.

— Выглядит хорошо, — он пожимает плечами. — Думаю, что мы все сделали правильно.

Он поворачивается ко мне.

— Итак, на чем мы остановились в комнате?

Он подходит ко мне и прижимает к гранитной столешнице. Я улыбаюсь.

— Ты, конечно, понимаешь, что смотришься действительно не к месту на кухне?

Я поднимаю бровь. Он усмехается.

— Я думал, женщины хотят мужчин, которые умеют готовить?

— Если это так, я, вероятно, не из них, — говорю я ему, прижимаясь губами к его губам. Он смеется, и смех урчит в его груди. Он поднимает меня, сажая на стол. Я автоматически оборачиваю ноги вокруг него.

— Этому месту принадлежат мои ноги, не так ли? — напоминаю я ему. Он кивает.

— Ты учишься.

— О, я хороший ученик, — говорю я ему с усмешкой, когда идея приходит мне в голову. — Хочешь посмотреть?

Я провожу пальцами вниз, к пуговице на его джинсах и расстегиваю одним ловким движением.

— Впечатляет, — говорит он, насмешливо склонив бровь. — Но, что теперь ты собираешься делать? Думаю, ты уже знаешь, как этим пользоваться.

— Может быть, — отвечаю я. — Но я не все освоила. И любому хорошему ученику нужен учитель.

Он смотрит на меня, когда я соскальзываю со стола и стягиваю его штаны, потом его нижнее белье. А потом я встаю на колени перед ним.

Его глаза расширяются.

— Ты собираешься... — его голос замолкает, когда я беру член в свою руку, двигая пальцами вниз по его длине. Его член оживает, мгновенно становясь жестким. Я улыбаюсь.

Я смотрю на него.

— Я уверена, что у меня есть своя методика, но у всех есть предпочтения, ты согласен? — Он, молча кивает, глаза застыли на мне, когда я крепко сжала его член в руке. — Поэтому я хочу, чтобы ты рассказал мне, какой именно оральный секс ты хочешь.

Он застывает, его руки безвольно лежат на моих плечах.

— Ну, ты должна начать с того, что повторишь этот вопрос, но вместо того чтобы сказать оральный секс, скажешь так: «*Скажи мне точно, как сосать свой член*». Нет, подожди. Скажи «хуй». Потому что это слово, исходящее из твоих уст, будет ужасно жарким.

Я улыбаюсь жадному взгляду на его лице. Мне нравится, что он такой большой и с татуировками, но я могу возбудить его и лишить дара речи с помощью только одного маленького слова. И, скажу прямо: это одно озорное слово возбуждает и меня.

— Хорошо, я играю. Скажи мне, Пакс. Как ты хочешь, чтобы я сосала твой хуй?

Пакс полностью застывает, а его член только становится жестче в моей руке, хотя я не знала, что это возможно.

— Язык проглотил? — дразню я, опуская голову, и провожу языком по его члену. — Это не моя методика.

Он вздрагивает, когда я провожу своим языком вокруг головки, потом спускаюсь вниз, копируя то, как облизываю леденец.

— Ты чертова лисица, — бормочет он. — Ты знаешь, что делаешь.

— Я знаю. Но скажи, что ты действительно хочешь, — я возбуждаю его, когда снова провожу по нему своими пальцами. — Я хочу знать.

Он глотает и закрывает глаза, прислонившись спиной к столешнице, его руки хватаются за края. Он толкается дальше в мой рот.

— Хорошо, Красная. Мне нравится, когда ты берешь всего меня в рот. Я хочу, чтобы ты взяла меня глубоко в горло. Если сможешь справиться с этим.

Последнюю часть он говорит вызывающе.

Я хочу улыбнуться, но не делаю этого. Он продолжает говорить, его голос хриплый.

— В то время, как ты сосешь, я хочу, чтобы ты немного сжимала мои яйца. Тянула их. Слегка. Нажми пальцами прямо на мои яйца и тяни. Слегка, не слишком сильно.

Он снова вздрагивает, когда я делаю, как он говорит. Я слегка тяну его яйца к моему рту.

Я медленно двигаюсь губами вдоль его длины, работая всем своим ртом. Я чувствую, что он практически достает до задней части моего горла, но не задыхаюсь. Я просто сконцентрирована на том, чтобы держать свои зубы подальше от него, скользя по нему.

— Черт, — стонет он, вцепившись в каменную столешницу. — Черт.

Я убеждаюсь, что мои губы образуют хороший вакуум и продолжаю сосать, скользя, двигаюсь. Я гладжу его яйца и потягишаю их, и дыхание Пакса становится все более и более неровным.

А потом я сосу его яйца, лежащие в моей руке.

Он полностью напрягается, костяшки пальцев побелели.

— Черт.

Я улыбаюсь, когда лижу их, потом сосу. Потом снова лижу.

Потом я погружаю его член обратно в рот, на всю длину. Внутрь, наружу. Он влажный.

Я увеличиваю скорость, и он, наконец, дергает меня за плечи.

— Я сейчас кончу, — говорит он мне неровно. — И я хочу, чтобы это произошло внутри тебя.

Я сдергиваю с себя одежду, и он ставит меня на четвереньки, входя в меня сзади.

Пакс наполняет меня, страстно впиваясь ногтями. Он качается во мне туда-сюда, наклоняясь надо мной, прижимая губы к моему уху.

— Скажи мне, чтобы я трахал тебя жестче, — шепчет он.

— Трахни меня жестче, — говорю я послушно, и мой голос напрягается. Трудно сформировать мысль, не говоря уже о словах, когда он делает это.

Скользя внутрь и выходя, он пробирается к моей передней части, делая круги вокруг моей самой чувствительной точки. Затем он нажимает рукой на мой живот, погружаясь глубоко внутрь. Я вскрикиваю, и он целует меня между лопаток.

— Скажи еще раз, — говорит он, губами прижимаясь к моей спине.

— Трахни меня жестче, — я понимаю, что кричу, когда он жестко врезается в меня сзади, его рука двигается внизу, сводя с ума. — Пакс! О, мой Бог.

Я стону, но он тянет меня с собой к оргазму, который собирается быть умопомрачительным. Я чувствую, как создается и нарастает желание, и его мышцы сжимаются около меня, когда он движется.

— Кончи в меня, — говорю я ему. — Я хочу чувствовать, что ты кончил.

Он движется все быстрее и так же, как я стоны от моего оргазма, потом вздрагивает от своего. Он хватает меня за задницу и держит так, качаясь, пока не канчает.

А потом я падаю на пол, и он мягко падает на меня, в то же время, поддерживая свой вес. Он целует мою шею, тяжело дыша.

— Это было чертовски жарко. Ты чертовски жаркая.

Я улыбаюсь.

— Спасибо. Ты тоже неплох.

Он посмеивается, и когда он это делает, я смотрю вокруг и обращаю внимание на дым.

— Что, черт возьми? — Я шевелюсь под Паксом и сажусь. — Черт возьми!

Дым валит к потолку. Я встаю на ноги голая и начинаю работать у плиты. В этот самый момент, дымовые пожарные сигнализации срабатывают.

Пакс пытается выключить их, и я захлопываю крышку над сковородой с сожженными цуккини, прекращая пламя.

Он бросается обратно, и мы смотрим на все это. И тогда он начинает смеяться.

— Ну, мы сказали, что это было чертовски жарко. Судя по всему, мы зажгли огонь в моей кухне.

Я хихикаю.

— Это могли быть наши скудные навыки приготовления пищи.

Весь дом пахнет гарью, поэтому я иду за освежителем воздуха в то время, как Пакс оттирает от гари испачканную кухню и заливает холодной проточной водой сковороду.

— Я думаю, что это конец моей карьеры в качестве шеф-повара, — объявляет он, когда я оборачиваю руки вокруг него сзади.

— Все в порядке, — говорю я ему. — Я думаю, что уже есть один Голый повар. Им не нужен еще один.

Он разворачивается и смотрит на меня.

— Я всегда готов быть голым для тебя, — говорит он мне, проводя руками вниз по моим бокам, прежде чем схватить мои бедра и потянуть меня к себе.

Он целует меня, легко и мягко.

— Ты заслуживаешь награду.

Я отрываюсь немного.

— Награду?

Он кивает.

— Да. За то, что ты такая хорошая ученица.

Я смеюсь.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе это понравится. Дай мне минуту.

Он улыбается и шагает прочь, оставив меня в кухне одну. И голую.

Я решаю, что это интересный поворот событий, убирайя несколько вещей, которые мы упустили. Когда я это делаю, мой разум блуждает. Я рада, что сейчас на таблетках и, что тесты на венерические заболевания у Пакса отрицательные. Так хорошо не пользоваться презервативами. А потом, когда я поворачиваюсь от раковины к ножкам, я замечаю больничный счет, лежащий на столешнице. Я смотрю на него и обращаю внимание, что этот счет с той ночи, когда у Пакса была передозировка, которая была ровно два месяца назад.

Я поражена. Я не поняла, что это было так давно. Целых два месяца. Кто бы мог подумать, что мы продержимся так долго?

Но Пакс возвращается прежде, чем я могу детальнее проанализировать это. Он хватает меня за руку, и ведет к гостевой ванной.

— Почему мы здесь? — спрашиваю я, когда мы входим внутрь.

— Потому что в моем туалете нет ванны, — объясняет он. — А после этого представления, ты заслуживаешь горячую ванну. У меня нет пены для ванны, но я использовал некоторые из твоих гелей для тела с верхнего этажа. Это нормально?

Я киваю, смотря на пар, на ванну на ножках, напоминающих львиные лапы. Она наполнена пузырьками и рядом лежит сложенное полотенце. И две зажженные свечи. Я не могу поверить, что он подумал об этом.

— Спасибо, — говорю я ему, подходя, и обнимаю его. — Это так мило.

— Это просто ванна, — бормочет он, когда я по-прежнему сжимаю его.

— Это не имеет большого значения.

Но оно есть. Никто никогда не наполнял ванну для меня, кроме моей матери, когда я была маленькой.

— Это самая милая вещь из всех, — говорю я ему, шагая внутрь. — Поверь мне.

Я опираюсь на спинку ванны и закрываю глаза.

— Я дам тебе отмокнуть некоторое время, — говорит мне Пакс, прежде чем выходит из комнаты. Я расслабляюсь, вдыхая аромат лаванды, наслаждаясь горячей водой. Каждый мускул расслабляется, пока я отмокаю. И я упиваюсь мыслью, что мой большой плохой друг наполнил ванну с пеной для меня.

Только когда кожа на моих пальцах начинает сморщиваться, он снова входит через дверной проем. Сейчас на нем нижнее белье, но его грудь по-прежнему голая.

— Привет, — говорит он, становясь на колени позади меня, дотянувшись и пробегаясь пальцами по моим плечам. — Как ванна?

Он наклоняется и целует мою шею, и я склоняюсь к нему.

— Это было удивительно, — отвечаю я. — Спасибо. То, что нужно.

— Хочешь узнать кое-что? — шепчет он мне на ухо. — Ты самая красивая из всех, кого я когда-либо видел. И я люблю тебя.

Я застываю, мое сердце колотится. Я могу буквально услышать свой пульс, стучащий в ушах.

Я поворачиваюсь в воде, мои мокрые руки хватаются за край ванны.

— Ты только что сказал то, что я думаю?

Он кивает. И на этот раз, нет ни грамма веселья на его лице. Он совершенно серьезен.

— Я люблю тебя. Мне нравится, что ты такая милая, невинная и добра к людям, но ты такая лисица в мешке. Мне нравится, как ты смотришь на меня. Я люблю твою улыбку. Я люблю в тебе все.

Я совершенно неподвижна, в шоке смотря на него.

Он большой. Огромный. Я знала в течение нескольких недель, что люблю его, но не хотела напугать его, говоря об этом. Но он сказал это первым. Сегодня вечером. Это удивительно. И неожиданно.

— Ты не собираешься ничего говорить? — спрашивает он, и на самом деле выглядит нервным, будто бы я могла отвергнуть его. Мое сердце болит.

— Я тоже тебя люблю, — я говорю ему быстро. — Уже несколько недель.

И я высказываю из ванной. Вода выплескивается на пол, когда я бросаюсь в его руки. Скорость сбивает его на пол, и я нависаю над ним, капая водой.

— Я люблю тебя, — говорю я ему снова.

— Я вижу, — он смеется, целуя меня. — Простых слов хватило бы. Ты не должна сбивать меня с ног.

Я хихикаю.

— Заткнись и поцелуй меня.

Так он и делает.

Глава 19 Пакс

Я знаю, что сейчас я слабак.

Но, смотря на самую красивую девушку — Милу — я не могу удержаться, потому что знаю, что никогда никого не любил так, как люблю ее. Это правда. Не могу поверить, что она любит меня. Это ошеломляет... эта красивая девушка хочет меня. Я постоянно ожидаю, что как-то испоганю все. Но до сих пор все в порядке, и она все еще здесь.

Сейчас она целует меня. Ее губы мокрые после ванной, а мои руки движутся по ее обнаженной спине.

— Ты сморщеный чернослив, — говорю я ей, посмеиваясь. Я поддерживаю полотенце, и она подходит к нему. Я оборачиваю ее плечи, а затем хватаю еще одно, чтобы вытереть ее.

— Ты слишком хорош для меня, — объявляет она.

— Невозможно, — отвечаю я.

Боже. Я слабак.

Она бежит наверх, чтобы надеть одну из моих футболок, а я зажигаю камин. Мы сворачиваемся калачиком на диване перед огнем и общаемся около часа, наблюдая за рябью на озере, освещенном серебристой луной.

— Это было идеальное свидание, — бормочет она, наполовину свернувшись на моих коленях. — Даже если мы почти сожгли твой дом.

Я хихикаю.

— Слава богу, что я застрахован.

Ее смех прерывается широким зевком. Смушенная, она хлопает рукой по рту.

— Извини! Думаю, сегодня ты истощил меня. Готов к постели?

Я киваю, гашу огонь и следую за ней наверх. Удивительно, как комфортно быть с ней здесь. Она заставляет меня чувствовать себя как дома. Не знаю, почему, но это пугает меня. Поэтому я делаю то, что всегда делал в таких ситуациях. Я отбрасываю и блокирую все непонятное.

Я свернулся калачиком за Милой, обернул свои руки вокруг нее и начал засыпать, зарываясь лицом в ее волосах.

Но потом мне снится сон.

Ебать.

Даже сейчас, находясь во сне, я знаю, что сплю. Но я не могу заставить себя проснуться. Это то же самое, что было в течение нескольких месяцев.

Я маленький и задыхаюсь. Здесь едва заметен свет, но я слышу маму.

— Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста, — умоляет она.

Она умоляла меня?

Я не знаю, и это чертовски убивает меня.

Я стараюсь позвать ее, но мои губы заморожены. Я слишком напуган, чтобы крикнуть.

Почему я боюсь? Что будет, если я что-то скажу?

Я ничего не знаю.

Она снова умоляет.

Я слышу, как меня зовут.

А потом я просыпаюсь, задыхаясь.

— Пакс, — трясет меня Мила.

Мила была единственной, кто произнес мое имя. Она разбудила меня ото сна.

Я сажусь, пытаясь приостановить свое чертово сердце, делая глубокие вдохи. Что за черт?

— Ты весь мокрый, — говорит Мила тихо, убирая мои волосы со лба своей прохладной рукой. — Тот же сон?

Я киваю.

— Вроде бы. Не знаю. Черт!

Мила гладит меня по спине и тянет вниз, чтобы я лег рядом с ней. Она переплетает свои пальцы с моими, потом поднимает мою руку к губам. Целует шрам на моей руке, потом кладет ее обратно наверх рядом с моей грудью.

— Мы должны выяснить, что это такое, — говорит она мне тихо.

— Я знаю, — отвечаю я. — Но мы не будем выяснять это сегодня ночью. Вернемся ко сну, малыш. Я сожалею, что разбудил тебя.

— Не жалей, — говорит она тихо. — Я просто не хочу видеть тебя расстроенным.

Она прижимается к моей спине, поглаживая мою руку. Но это до того времени, пока ее пальцы не падают брезвально около меня, и дыхание превращается в мягкое и ровное. Она спит.

Мне очень нравится тепло ее тела, прижатого ко мне, и я стараюсь заснуть. Я считаю овец. Я вспоминаю тексты песен. Я смотрю на луну. Ничто не работает.

— Черт, — бормочу я. Я встаю с кровати так аккуратно, как могу, стараясь не разбудить Милу. Я смотрю на нее сверху вниз. Она не шевелится. Ее губы немного выпячиваются, когда она дышит. Я улыбаюсь, прежде чем спокойно уйти.

В доме тихо, когда я прокладываю свой путь вниз на кухню. Я не знаю, что, блять, со мной не так. Может быть, это способ моего организма вывести из себя тяжелые наркотики. Но этого не может быть. Я ничего не принимал кроме виски в течение двух месяцев.

Виски.

Появилась идея. Если я когда-либо и нуждался в нем, то это сейчас.

Я хватаю из шкафа бутылку и стакан. Потом решаю отказаться от стакана. Я несу бутылку с собой на диван, где тяжело падаю и смотрю из окна на воду, движущуюся под лунным светом. Я делаю глоток Джека. Потом второй. Потом третий.

Я посмотрел на бутылку и понял, что половина уже пуста.

Я закрываю глаза.

И, наконец, засыпаю.

Проснувшись, я замечаю, что уже утро, а гостиная наполнена светом.

Мила сидит у моих ног, свежая и совершенная. Она уже одета, и ее волосы аккуратно собраны лентой. Она держит чашку кофе, сидя на диване передо мной.

— Я принесла тебе кофе, — говорит она, смотря на полупустую бутылку виски. — Я подумала, что ты, возможно, нуждаешься в нем.

Я закрыл глаза, чтобы блокировать свет.

— Спасибо, — бормочу я. — Я не мог заснуть. Думал, виски поможет.

— Я уверена, что твоя голова будет благодарна тебе сегодня, — отвечает она с усмешкой.

Я хрюкаю в ответ и натягиваю подушку на голову.

— Что доктор Тайлер сказал о твоих снах? — спрашивает она серьезно.

— У него должно быть какое-то объяснение.

Я лежу молча, пытаясь заставить свою голову не болеть. Это не работает. Такое ощущение, что она разделяется на две части.

— Он хочет загипнотизировать меня, — наконец, признаюсь я, бросая подушку вниз к моим ногам. — Он думает, что мой разум пытается защитить меня от чего-то, что я не хочу вспоминать. Он сказал, что гипноз может помочь мне вспомнить, и тогда, возможно, я смогу справиться с этим.

Мила задумчиво смотрит на меня. А потом кивает.

— Я думаю это хорошая идея. Ты должен это сделать. Могу я пойти с тобой?

Я в шоке смотрю на нее.

— Ты бы хотела?

Она качает головой.

— Конечно. Не хочу, чтобы ты проходил через это в одиночку. Я хочу помочь тебе пройти через эту боль, давящую на тебя через сны. Давай прогоним эти сны, Пакс.

Мое сердце буквально переполняется любовью к этой девушке.

И мне все равно, делает это из меня слабака или нет.

Мила

Пакс так ничего и не сказал с тех пор, как забрал меня из магазина. Сегодня его будут гипнотизировать, и я знаю, что он этому не рад. Сейчас он за рулем с сжатой челюстью и серьезным лицом. Я тянусь к нему и хватаю его руку, переплетая наши пальцы.

— Ты в порядке? — спрашиваю я тихо. Он смотрит на меня.

— Мне очень жаль. Я знаю, что был не веселый в последнее время.

— Ты не спал, — указываю я. — Этого достаточно, чтобы любого сделать раздражительным. Но я имела в виду не это. Ты в порядке сейчас... так как мы на пути к доктору Тайлеру? Ты точно не против, что я иду?

Я не знаю, почему нервничаю по этому поводу. Наверное, я немного волнуюсь, что он расстроен именно потому, что я напросилась пойти с ним. Я не хочу лезть или совать нос не в свое дело. Но я чувствую, что Пакс это мое дело. И меня убивает то, что что-то мучает его так сильно. Я просто хочу, чтобы он понял, что мы можем это исправить.

Пакс снова смотрит на меня.

— Конечно, хорошо, что ты идешь. Я просто не знаю, чего тебе ожидать. В течение последних двух визитов, доктор Тайлер частично подготавливал меня к гипнозу, но сегодня этого не будет. Сегодня я буду полностью под гипнозом и, видимо, я не будут знать о моем реальном окружении. Если это сработает, я буду полностью погружен в свои воспоминания. Поэтому, пожалуйста, расскажи мне после, если он заставит меня делать что-то тупое, типа крякать как утка или что-то такое.

Я смеюсь и качаю головой.

— Уверена, доктор Тайлер не будет этого делать. Я даже не знаю, смеялся ли этот человек с 1985 года.

Наконец, Пакс улыбается, и я вздыхаю с облегчением.

— Вероятно, ты права, — соглашается он, подъезжая к обочине. — Не думаю, что он вспомнит шутку, даже если ударить его по лицу.

Мы вылезаем из машины и по снегу идем к зданию. Судя по всему, в дополнение к отсутствию чувства юмора, доктор Тайлер также не любит прогулки в метель. Хотя сегодня он как раз вовремя и встречает нас в своем стандартном желтовато-коричневом твидовом пиджаке.

— Приятно видеть вас, Мила, — говорит он, пожимая мою руку. — Было время. У вас все в порядке?

Я улыбаюсь и киваю.

— У меня все идет отлично. Спасибо, что спросили.

— И, Пакс, — говорит доктор Тайлер, поворачиваясь к Паксу. — Как вы себя сегодня чувствуете?

— Разочаровано, — признается Пакс, его челюсти сжимаются. — Я не спал.

— Ну, давайте посмотрим, что мы можем сделать, чтобы привести вас в порядок, — говорит доктор успокаивающе, открывая свои записи. — Разрешите ли вы записать этот прием, в случае, если мы захотим посмотреть его позже?

Пакс кивает.

— Да. Это прекрасно.

Доктор Тайлер улыбается.

— Отлично. Хорошо, мы обсуждали на прошлой неделе, что Мила не может быть с нами в комнате, потому что может отвлекать. Она может сидеть в соседней комнате и наблюдать за нами на мониторе. Хорошо?

Пакс снова кивает, и я поднимаюсь на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку.

— Все будет хорошо, — говорю я твердо, сжимая его руку. Он улыбается, чтобы скрыть свою нервозность.

— Спасибо, Красная. Только не забудь следить за шарлатанством. — Доктор Тайлер делает вид, что не слышит этого, выводя меня из комнаты, и приглашает присесть в комнате по соседству.

Я потягиваю воду из бутылки, и смотрю по телевизору, как Пакс и доктор Тайлер устраиваются в своих креслах. Пакс раскинулся в своей

обычной манере, а доктор сидит со скрещенными ногами, его блокнот балансирует на колене.

— Пакс, вы готовы?

Пакс кивает, смотря на красную лампочку на камере, и это похоже на то, как если бы он смотрел мне в глаза. Я вижу тревогу на его лице, хотя он и пытается ее скрыть. Мне действительно жаль, что я не могу сидеть рядом с ним, чтобы держать его за руку, чтобы в каком-то смысле утешить его, но это невозможно. Поэтому я сижу в своем кресле и смотрю, а мои руки сжаты вместе.

— Я собираюсь пройти с вами через некоторые мысленные образы с использованием словесных команд и повторения, как мы делали последние два раза. Ничего не будет отличаться, мы только собираемся продлить это чуть дольше сегодня. Мне нужно, чтобы вы расслабились и глубоко дышали. Можете это сделать?

Я замечаю, что доктор Тайлер изменил свой голос. Сейчас он еще более успокаивающий, глубокий и медленный. Думаю, что он уже начал процесс.

Пакс кивает.

— Мне комфортно. — Он наклоняет голову на спинку сиденья и устраивает ноги поудобнее.

— Хорошо. Теперь я хочу, чтобы вы закрыли глаза и глубоко дышали. Глубокий вдох, глубокий выдох. Разрешите воздуху пройтись над языком и мимо ваших губ, как будто вы дышите через трубочку. Вдох, выдох. Глубокий вдох. Подумайте о времени, когда вы поднимались слишком долго, и вы дошли очень уставшим. Вы, на самом деле, устали. Ваши глаза тяжелые, очень тяжелые и все, что вам нужно делать, это спать.

Голос доктора гладкий и спокойный, и даже я чувствую себя сонной. Я удивлена.

— Я хочу, чтобы вы сделали еще несколько глубоких вдохов. Вы устали, очень устали. — Он делает паузу и смотрит на Пакса. — Вы устали?

Пакс кивает.

— Да.

— Хорошо. Теперь, я хочу, чтобы вы подумали о том месте, которое вам снится. Там темно. Я хочу, чтобы вы вспомнили, как туда попали. Когда вы начнете вспоминать, проговаривайте свои воспоминания вслух, чтобы я мог их услышать. Вы сейчас там?

Я смотрю на Пакса и вижу, как он смягчается, его челюсть расслабляется. Его глаза все еще закрыты, но я вижу, как они двигаются за веками. Жаль, что я не могу увидеть все то, что видит он.

— Я иду по коридору.

Его голос настолько неестественен и резок, что поражает меня. Монотонен. Он больше не похож на себя. Я смотрю на него с болезненным интересом, когда он продолжает говорить.

— Солнце светит на пол. Я вижу частички пыли, кружасиеся в свете.

— Это хорошо, — уверяет его доктор Тайлер. — Вы делаете все очень хорошо. Что еще вы видите?

— Я переступаю через игрушечный самосвал с журналами в нем. Я чуть не споткнулся на коврике, но не упал. На стене висят фотографии. Это мой дом.

— Хорошо. Приятно вернуться домой? — спрашивает доктор Тайлер. Я совершенно очарована этим процессом. Я никогда не испытывала ничего подобного в своей жизни. Это удивительно.

— Нет. Там шумно. И страшно. — Пакс говорит почти как ребенок.

Он захватывает ручки кресла, его пальцы закапываются в синей ткани. Доктор Тайлер успокаивающе отвечает ему.

— Все в порядке, Пакс. Ничто не может причинить вам вред. Вы здесь в безопасности. Слушайте внимательно. Вы знаете, что пугает вас?

Пакс останавливается, как будто прислушиваясь.

— Моя мама плачет. Я никогда не слышал ее криков раньше, так что это меня пугает. Сейчас я бегу весь путь до конца зала к ней в спальню. Но ее дверь закрыта.

Доктор Тайлер делает заметки, а затем поднимает голову. Он выглядит очарованным, как и я.

— Вы можете открыть дверь, Пакс? Помните, сейчас ничто не может причинить вам вред.

— Хорошо, — Пакс, кажется, нервничает. — Я открываю дверь.

Сейчас он поражен, и его лицо становится белым, когда он вздрагивает.

— Что вы видите, Пакс? — быстро спрашивает доктор Тайлер.

— Моя мама сидит на кровати и ее рубашка разорвана. Из ее носа течет кровь, она забрызгала ее рубашку. Рядом с ней стоит человек. Он нацелил пистолет в ее сторону. У него желтые зубы.

Доктор продолжает.

— Они вас видят?

— Да, — отвечает Пакс своим странным монотонным голосом. — Моя мама велит мне бежать. И говорит: «*Не он, не он*». Но человек схватил меня. Он держит меня за руку так сильно, что я не могу больше чувствовать свою руку. Я не могу двигаться. Я не могу убежать.

— Человек говорит с вами? — медленно спрашивает доктор Тайлер.

— Да, — отвечает Пакс. — Он просто сказал: «*Луки здесь, малыш. Ты можешь заставить свою маму работать? Ты поможешь ей быть хорошей девочкой?*»

Пакс молчит минуту. Даже его нога, которой он стучал по стулу, остановилась. Он сглатывает.

— Я хочу сказать ему, что она итак хорошая девочка, — говорит Пакс.

— Но я знаю, это плохой человек, поэтому не говорю. Мама до сих пор плачет и у нее на лице черные полосы.

Это, должно быть, тушь, думаю я. И я ошеломлена, что Пакс видел нечто подобное. Что за человек с его мамой?

У него желтые зубы.

— Что говорит ваша мама? — спрашивает доктор Тайлер. Даже его тихий голос кажется сейчас очень громким в их комнате. Можно услышать, как пролетит муха. Поскольку я совершенно неподвижна, в моей комнате еще тише. Наверное, я могу даже услышать свой собственный пульс.

— Она говорит: «*Оставьте его в покое. Пожалуйста. Я сделаю все. Только не делайте ему больно*». Этот человек урод и у него воняет изо рта. Он просто сказал: «*Ну, что? Теперь ты будешь хорошо себя вести?*»

Мое сердце колотилось с такой силой, что было почти больно. Что хочет этот человек, от мамы Пакса? Я не уверена, что хочу знать, чувствуя большой страх, зарождающийся в моей груди.

— Моя мама кивает и говорит: «*Но, пожалуйста, отпустите моего сына. Я не хочу, чтобы он видел*». Она грустная, но этот человек смеется. Он дергает меня за руку и толкает в мамин шкаф. Я стою на коленях, но все еще могу видеть сквозь планки.

О, боже нет. Я хочу кричать, чтобы маленький мальчик Пакс отвернулся, чтобы не смотрел на то, что вот-вот произойдет, но, очевидно, это невозможно. Что бы он ни собирался увидеть, этот след останется навсегда. Мои руки дрожат, когда я жду.

Доктор Тайлер громко глотает, и я могу это слышать. Его рот сухой. Он, наверное, тоже не решается, чтобы услышать это.

— Что делает человек? Вы можете видеть это, Пакс?

Пакс медленно кивает, все еще сжимая стул.

— Человек расстегивает штаны, и они падают на пол. У него татуировка на бедре. Это свернувшаяся черная змея. Там говорится: *Не подходи ко мне*. Он держит пистолет у головы мамы и говорит: «*Сделай это. Или я убью твоего сына, а ты будешь смотреть*».

Святой ад!

О, Мой Бог!

Пожалуйста, Боже, нет!

Сейчас я полностью наполнена страхом, и моя кровь превратилась в лед. Я хочу броситься к Паксу, чтобы утешить его, чтобы остановить эту цепочку событий, но я знаю, что не могу. Потому что, пока он не вспомнит, мы не сможем ему помочь. Я хватаюсь за ручки своего кресла, когда он продолжает, мой живот болит, и слезы капают на рубашку.

— Что происходит сейчас, Пакс? — тихо спрашивает доктор Тайлер.

— Пожалуйста, помните, что вы в безопасности. Человек не может причинить вам вред.

— Человек повернут ко мне спиной, и я вижу свою маму не очень хорошо, но я знаю, что она все еще там. Я вижу, как она движется. Ее голова движется вверх, потом вниз. Вверх, вниз. Она все еще плачет, и я вижу, как трясутся ее плечи. Человек сильно ее ударил. Он просто сказал: «*Перестань реветь, ты, чертова сука. Минет никогда никого не убивал!*»

Сейчас слезы спускаются вниз по моему лицу. Я не могу поверить, что Пакс видел это. Он, должно быть, был в ужасе. Это заставляет мое сердце

разрываться и болеть, чтобы исправить это для него. Но как, увидев подобное, мо остаться нормальным человеком?

— Никто никогда прежде не вредил моей маме, и я хочу помочь. Но я боюсь. Все-таки я один дома. Мой папа еще на работе, и я знаю, что он хотел бы, чтобы я был храбрым. Я его маленький мужчина и я должен заботиться о доме, когда он уходит. Так что я встаю и выбегаю из шкафа.

— Я прыгаю на человека с пистолетом, и он поворачивается, когда я хватаю его за руку. Пистолет холодный и металлический. Я чувствую его в своих пальцах, а затем грохот, такой громкий, что мои уши закладывает. Моя мама падает на кровать и там много крови.

Я полностью заморожена.

О, мой Бог.

О, мой Бог.

Пакс нажал на курок?

О. Мой. Бог.

— Человек кричит: «*Что, блять, ты сделал?*» И трясет меня, потом кричит громче. «*Ты убил свою мать!*» Моя мама не двигается, а глаза открыты, глядят на меня. Но она не видит меня. Человек прав. Я убил свою маму.

Мои глаза широко открыты, и я жажду ввалиться в их комнату, чтобы поддержать Пакса. Его глаза водянистые и слеза, наконец, вырывается и скользит по его щеке. Мне больно. Я очень хочу подойти к нему, и доктор Тайлер, должно быть, знает это, потому что он поворачивается и смотрит в камеру на меня.

— Мы должны узнать, — говорит он тихо. Спокойно. Он говорит со мной.

Ебать.

Я сажусь на край своего стула, мой кулак прижат ко рту, поскольку они продолжают.

— Что дальше, Пакс? — спрашивает доктор Тайлер. — Помните, что вы в безопасности. Он не может навредить вам.

— Я плачу и человек бьет меня. Он снова кричит. «*Ты чертов ребенок. Этого не должно было случиться. Ты чертов мелкий сопливый ребенок. Я не собираюсь в тюрьму за это. Нет чертова выхода. И есть только один способ убедиться, что этого не произойдет*». Он хватает меня за шею и пихает на кровать рядом с мамой. Я смотрю вниз, и ее кровь на моей рубашке. Я хватаю ее за руку и держу. Человек говорит мне закрыть глаза. Пистолет издает щелчок. Я закрываю глаза крепче. Но ничего не происходит.

Теперь я понимаю, что затаила дыхание. Этого не может быть. Этого не может случиться. Это слишком нелепо, слишком нереально. Неудивительно, что Пакс испорчен. Нет. Ебаного. Чуда.

Я онемела, когда доктор спрашивает Пакса, что происходит дальше.

— Человек говорит мне, что не может убить ребенка. Он говорит, что просто не может это сделать. Он берет меня за руку и крепко держит. Он сжимает ее слишком сильно, но я больше не плачу. Он достает большой нож

из штанов и режет им мою руку. Он делает крест. Затем снова погружает нож в кровь и проводит над разрезом, и говорит: «*Поклянись кровью своей матери, что никогда не скажешь, как я выгляжу. Этот крест, чтобы напомнить тебе, что я тебя отметил. Я всегда смогу найти тебя, в любое время, в любом месте. Если ты когда-нибудь кому-то расскажешь обо мне, я убью тебя так же, как твою маму.*»

— Потом он говорит: «*Это ты убил ее. Они тебя тоже заберут. А плохие люди в тюрьме делают плохие вещи с маленькими мальчиками, которые убили своих матерей. Они будут делать тебе больно снова и снова, каждый день.*»

Слезы Пакса текут по его щекам, как и у семилетнего мальчика, которым он является в настоящее время в своей памяти. Я буквально ною. Я смотрю на доктора, и чувствую свои слезы.

— Пожалуйста, — прошу я. — Выведите его оттуда.

Я знаю, что доктор не может услышать меня. Но я все равно не могу перестать просить. Для Пакса. Для маленького мальчика, который не должен больше это видеть.

Наконец, доктор кивает. Он, должно быть, решил то же самое.

— Пакс, вы в безопасности. Когда я скажу вам проснуться, вы проснетесь. И вы будете помнить все, что сегодня рассказали мне. Вы понимаете?

Пакс кивает.

— Проснитесь.

Пакс открывает глаза, и они встречаются с моими через экран телевизора. Его наполнены ужасом, который я никогда не видела прежде, и я надеюсь, что больше никогда не увижу. Я спрыгиваю с места и врываюсь в их комнату, опустившись на колени рядом с ним, поглаживая его спину, сжимая плечи, держа его крепко.

Человек с желтыми зубами оставил на нем больше, чем один шрам. Ему не нужно было резать его руку, чтобы сделать это. В его сердце навсегда останутся шрамы. Честно говоря, я не представляю, как Пакс когда-либо сможет преодолеть хоть один из них.

Мысль заставляет меня плакать.

— Ты в порядке? — шепчу я ему, заставляя посмотреть на меня. На самом деле это глупый вопрос. Конечно, он не в порядке.

Он смотрит на меня.

— Я не знаю, — говорит он честно. — Я просто не знаю.

Глава 20 Пакс

Я онемел. Совершенно заморожен, поскольку наблюдаю, как доктор выписывает еще один рецепт Ксанакса и передает его Миле. Она обещает

использовать его в случае, если я буду в нем нуждаться. Он говорит ей, что я не должен быть один, и она соглашается. Она говорит, что не оставит меня.

Я не могу себе представить, почему она не ушла после того, что услышала сегодня. Я всегда говорил ей, что облажался. Но это... это пиздец.

Доктор проводит дополнительный час, разговаривая со мной после того, как я проснулся, но я не помню ничего из того, что он говорил. Это были слова, размытые очертания и шум. Статический. Это не имеет значения. Нет ничего, что он может сказать, чтобы помочь. Он должен знать это.

Мила хватает меня за локоть.

— Готов?

Я киваю, и мы молча идем к машине. Мои ноги словно деревянные.

— Хочешь, чтобы я повела? — спрашивает она, смотря на меня.

— Я в порядке, — говорю я ей, автоматически открывая свою дверь. Сейчас я на автопилоте. Я двигаюсь, но не чувствую этого. Мила садится в машину и снова смотрит на меня. Не знаю, чего она ждет. Я закрываю дверь.

Я пристегиваюсь и сижу еще секунду, глядя на снег перед нами.

Передо мной все как в тумане. Размытые движения, размытые формы. Цвета, кровоточащие друг в друга. Ничто не имеет смысла.

— Пакс, — шепчет Мила. Я чувствую ее взгляд на себе, ожидающий чего-то. Чего, блять, она ждет? Но я не спрашиваю. Она наклоняется и обнимает меня, оборачивая руками мои плечи и утыкаясь лицом мне в шею. Я не чувствую ее тепла. Я слишком онемел.

— Все будет хорошо, — наконец, шепчет она, отстраняясь. Она вытирает слезы, и я удивляюсь, почему не плачу. Это я должен плакать, но моих эмоций, кажется, нет. Я ничего не чувствую.

Я завожу машину и еду. Между Милой и мной стоит тишина. Я держу свои глаза на дороге, не в состоянии сосредоточиться или сконцентрироваться. Я чувствую онемение, такое же, как я чувствовал, когда нырнул в озеро за Милой. Мое сердце, словно кусок льда. Заморожено, приостановлено.

— Пакс, — бормочет она, глядя на меня. Я чувствую ее взгляд, ее мягкое выражение. Я не хочу видеть ее, поэтому не смотрю. Я не заслуживаю ее. Я не заслуживаю ее доброту.

— Мы должны поговорить об этом, — ее голос мягкий, но настойчивый.

Она кладет руку мне на ногу. Ее пальцы холодные. Обычно, я бы схватил ее, держал, положил бы в свою руку, чтобы согреть. Но не сейчас. Я не заслуживаю того, чтобы прикоснуться к ней теми же руками, которые убили мою мать. Поэтому я держу свои руки сжатыми на руле и смотрю на шрам. Он зубчатый и глубокий, его края белые.

Я пометил тебя.

В моей голове, я помню этого человека с желтыми зубами, прочертившего кровью моей матери разрез. Кровь моей матери буквально на моих руках. Она укоренилась в моей коже навсегда. Я пометил тебя.

Я сглатываю.

— Я убил свою мать. Тут больше не о чем говорить. В моих снах я все время думал, что она умоляла меня сделать что-то. Но — нет. Она умоляла за меня. За мою жизнь.

Кажется, что все приближается ко мне, и я вдруг чувствую невероятный жар. Я глубоко дышу, всасывая воздух. Белый снег и небо, кажется, закручиваются вокруг меня, и я не вижу дорогу. Я съезжаю на обочину и открываю свое окно, а затем смотрю вдаль, пытаясь контролировать свое бьющееся сердце, дыхание, мысли.

Мила молчит.

Думаю, она не знает, что делать.

— Пакс, — пытается она. — Я хочу сказать, что это не твоя вина. Это он был с пистолетом, и он насиловал твою маму. Это был не ты. Я люблю тебя. Я сделаю все, что тебе нужно. Просто скажи. Мы можем пройти через это.

Ее слова исчезают, и я смотрю на тихий зимний день.

Я не могу поверить, что все в мире идет так же, как это было сегодня утром, как будто ничего не случилось. Вороны сидят на соседнем дереве, и я могу услышать их карканье. Я удивляюсь, почему они не улетели на юг, но, на самом деле, мне похуй. Люди на тротуаре укутались в куртки, спасаясь от холодной зимы. Холодно. День, ветер, комок в горле.

Я сглотнул, но комок не уходит вниз.

Я качаю головой и снова завожу машину, уезжая в свой дом. Дорога позади нас в сером тумане.

После остановки шин на снегу на моей подъездной дорожке, я обращусь к Миле:

— Я не собираюсь быть хорошей компанией сегодня. Думаю, наверное, мне следует просто побывать в одиночестве.

Она сразу качает головой.

— Никогда в жизни. Я не буду тебя беспокоить, Пакс. Но доктор сказал, что ты не должен быть один. Таким образом, ты будешь делать все, что хотел. Ты будешь думать об этом, обработаешь все, как тебе хочется, но я останусь. Я просто съезжу в город и получу лекарство по рецепту. Я скоро вернусь.

Я коротко киваю, и иду в дом. Я не оглядываюсь назад, хотя чувствую, что Мила уставилась на меня.

Я брезвально стою в середине гостиной. Я не знаю, что делать. Я не знаю, как справиться с этим. Как с этим вообще можно справиться?

А потом, я внезапно подумал о моем отце, и сильная ярость прошла через меня, преодолевая онемение.

Он знал об этом. Он знал все эти годы, но не сказал мне. Он сделал так, что все воспоминания о том дне испарились. Он должен был знать, что это сделает со мной.

Но сейчас все обретает смысл. Неудивительно, что он подолгу оставался на работе после смерти мамы. Он не хотел меня видеть. Как он мог

смотреть мне в лицо, зная, что я убил его жену? Даже если он не понимал, какую роль я играл во все этом, то он знал, что я не спас ее.

Но даже если и так. Я был ребенком. Мое логическое мышление подсказывает мне, что Мила права. Это была не моя вина. Но я был там. Это моя рука нажала на курок. А отец сделал так, что я забыл обо всем на все эти годы.

Я набираю его номер на домашнем телефоне, но, конечно, он не берет. Я оставляю ему голосовое сообщение.

— Я знаю, что случилось с мамой, — говорю я холодно. — Позвони мне.

Я вешаю трубку и бросаю телефон в стену. Он рассыпается на куски. Думаю, если он захочет позвонить, то ему придется позвонить на мобильный.

Волна ненависти проходит через меня, смешиваясь с гневом, который я чувствую по отношению к своему отцу. Внезапно я теряюсь в таком большом количестве эмоций, что не знаю, что делать со всем этим. Это подавляет. И это чертовски больно.

Я направляюсь на кухню и хватаю бутылку виски. Я смотрю в шкаф и вижу, что у меня есть еще две. Слава богу, я пополнил запасы на днях. Я залпом выпиваю несколько стаканов, затем еще несколько. К счастью, знакомая дымка скоро окутывает меня, тихое онемение, которое мне так сильно нравится. Но этого не достаточно.

Боль все еще во мне.

Ебать.

Я в два счета поднимаюсь по лестнице и переодеваюсь в штаны, трикотажную рубашку и кроссовки. Не думая ни о чем, я вылетаю из задней двери, бегу по дорожке к пляжу. Песок плотный и замерзший. А жесткие волны, омывающие его, вредят моим ногам.

Я не волнуюсь. Я заслуживаю это.

Я бегаю в быстром темпе, всасывая холодный воздух, от которого горят мои легкие.

Я не волнуюсь. Я заслуживаю это.

Озеро плещется и обрушивается на берег справа от меня, пока мои ноги сердито стучат по жесткому пляжу. Ледяной и влажный ветер дует с воды, и я вдыхаю его, наполняя оцепеневшее тело. Капли ледяной воды ударяют меня по лицу и капают на мою рубашку, замерзая там.

Я смотрю вдаль, не замечая, как пляж пропадает под ногами. Я даже не знаю, как далеко я бегу, пока, наконец, больше не могу дышать. Мои гребаные легкие так болят и еще этот чертов комок в горле сидит так плотно, что никакое количество глотков, или бега, или тяжелого дыхания не заставят его переместиться.

— Ебаааать!

Я поворачиваюсь и кричу на берегу озера, кричу так громко, как могу. Вибрация от этого рвет мои голосовые связки, повреждая их на холода.

Но мне все равно. Я, блядь, это заслужил. Я кричу снова и снова, пока мой голос не становится хриплым. А потом я падаю на пляж, прислонившись

к большой коряге. Я слабый и выдохшийся. Мой лоб потный, хотя на улице холодно. Холодный ветер дует на него, заставляя меня дрожать.

Но мне все равно.

Я, блять, это заслужил.

Я заслуживаю получить пневмонию и умереть здесь от холода.

Сейчас я безучастно смотрю на озеро, пытаясь настроиться на рациональное мышление, или логику, или воспоминания, или эмоции. Не представляю, как долго я здесь нахожусь или сколько времени проходит, прежде чем я вижу, как кто-то идет вниз на пляж. Я вижу вспышку красного цвета и длинное пальто.

Мила.

Я вижу лишь воротник ее красной водолазки под тяжелым пальто. Она плется вдоль пляжа, ее тонкая фигура сгибается против ветра. Она увидела меня, потому что ее темп ускоряется, и всего через минуту она добралась до меня.

— Пакс, — кричит она. — О, мой Бог. Слава Богу. О чём ты думаешь? Здесь холодно. Ты получишь воспаление легких.

Я смотрю на нее. Это самое странное чувство, но я просто не забочусь ни о чём. Меня не волнует, получу ли я пневмонию. Это вообще не будет беспокоить меня.

Она наклоняется и хватает меня за руку, тянет на ноги.

— Давай, — говорит она мне. — Мы возвращаемся домой. Ты даже не надел пальто.

А я не волнуюсь. Но я не скажу этого Миле. Я просто позволяю ей вести меня в дом, вверх по лестнице на кухню.

— Ты холодный, — говорит она, обращаясь ко мне. У нее страдальческое выражение на лице, когда она снимает свое пальто и бросает его на стул. — Я собираюсь набрать тебе горячую ванну. Тебе нужно согреться.

Она уходит по коридору, а я по-прежнему безвольно стою на месте.

Ничто не имеет значения.

Больше нет.

Теперь я знаю, что за пустота всегда была во мне. Именно это. Это ужасное знание. Несмотря на то, что мой разум скрывал это, в глубине души в скрытом месте, я знал. Вот почему я всегда чувствовал себя пустым, поэтому я всегда приветствовал забвение.

Только теперь, пустоты нет. Она наполнена подавляющей болью и чувством вины. И я не знаю, что с этим делать. Я чувствую, что тону.

Мила возвращается и, кажется, удивлена, что я двигался. Она смотрит на меня неуверенно, ее зеленые глаза влажные. Однако она ничего не говорит. Она просто хватает меня за руку и тащит в ванную. Она снимает мою одежду и кидает ее в кучу на пол.

— Садись, — говорит она мне твердо. — Твоя кожа ярко-красная.

Я послушно шагаю в ванну, хотя я не использовал ее с тех пор, как был маленьким. Горячая вода покалывает тысячью игл мои конечности, но мне все равно. Я устраиваюсь в ванне и закрываю глаза, блокируя все.

— Пакс, — начинается Мила. Но потом она передумывает. — Ничего. Я проверю тебя скоро. У меня есть твое лекарство, но так как ты выпил столько виски, я не думаю, что ты должен принимать его.

Я ничего не говорю.

Открыв глаза мгновение спустя, я понимаю, что она ушла, а потом закрываю их снова.

Проблема в том, что закрыв глаза, я вижу лицо моей матери.

Ее глаза широко открыты, и смотрят на меня. Мертвые. Я сделал это с ней. Это был я. Парень не собирался убивать ее — я нажал пальцем на спусковой крючок.

Это была моя вина.

Боль разрезает меня, и я вскакиваю на ноги, пробиваю плиточные стены. Я даже не чувствую боли — боль в груди затмевает ее. Я хватаю полотенце и вытираюсь, натягиваю нижнее белье.

Я должен что-то сделать.

Я не могу так жить.

Мила

Пока Пакс отмокает, я наливаю немного воды для чая. В этот момент на столешнице звонит его сотовый. Я смотрю на него и вижу имя Пола Тейта. Я нерешительно тянусь к телефону. Должна ли я отвечать? Моя интуиция говорит — да.

— Алло? — Я все ещё не определилась.

— Здравствуйте, — удивлённо отвечает Пол Тейт. — Пакс рядом? Это его отец.

— Секундочку, — говорю я ему. Я хочу сказать гораздо больше, но не говорю. Я просто поднимаюсь по лестнице в ванную и открываю дверь, только, чтобы увидеть, что комната пуста. Ванна по-прежнему наполнена водой, но Пакса здесь нет.

Чёрт.

— Его нет там, где я думала, — говорю я его отцу. — Мне нужно найти его.

Я начинаю идти по коридору, но Пол прерывает меня.

— Подождите, — говорит он. — Как он? Я получил от него голосовое сообщение. Он сказал, что вспомнил, что случилось с его матерью.

Гнев проходит через меня. Этот человек скрывал подробности случившегося от Пакса в течение многих лет. Он должен был знать, что это рано или поздно всплынет в его памяти. Его это не волновало? Его не волновало, что все это сделает с Паксом?

— А вы как думаете, как он? — спрашиваю я жестоко. — Не хорошо. Никто не смог бы воспринять это хорошо.

Громкий вздох на другом конце.

— Я всегда боялся этого дня, — признаётся Пол. Его голос отдаленный и грустный. — Я не знал, что сделать, чтобы это предотвратить.

— Вы не могли предотвратить это, — говорю я ему недоверчиво. — Пакс совершил кое-что трагическое и разрушительное. Он должен был разобраться с этим с помощью терапевта несколько лет назад. Было непростительно позволить эму забыть это. Мне очень жаль. Я вас не знаю и жаль, что осуждаю, но я знаю его. Он этого не заслужил. Ничего из этого.

Долгая тишина. Наконец, Пол снова говорит:

— Вы не понимаете. После смерти Сусанны, Пакс отказался говорить об этом. Я нанял ему психотерапевта, но Пакс и с ним отказался говорить. Ему снились кошмары, но он никогда их не описывал и не говорил мне, о чем они. Я не мог помочь ему, потому что он не позволял мне это сделать.

— Он не говорил вам, потому что человек, который убил вашу жену, угрожал Паксу. Он сказал ему, что будет следить за ним и убьет, если только он кому-нибудь расскажет о нем, что Пакс отправится в тюрьму за убийство своей матери. Вы можете себе представить, он не справился хорошо с этим. Со всем.

— Вы думаете, мне стоит приехать? — говорит неуверенно Пол. Я поражена и шокирована. Если бы я была на его месте, и Пакс был моим ребёнком, я бы приехала сюда немедленно. Я никогда не стала бы спрашивать, я бы не приняла нет как ответ. Но Пол Тейт колеблется. Не могу поверить.

— Делайте то, что вы чувствуете, — говорю я ему сердито, прежде чем повесить трубку. Я знаю, что создала о себе не лучшее первое впечатление для отца Пакса, но мне все равно. Как он может быть таким эгоистом?

Собираясь с мыслями, я слышу стук, громкий и частый.

Бум.

Бум.

Бум.

Я закрываю уши и следую на шум. Он идёт снизу, из подвала. Интересно. Я тихонько спускаюсь вниз по деревянной лестнице и вижу Пакса в нижнем белье, бьющего боксерскую грушу, которая висит на стороной балке. Я даже не знала, что она была здесь. Но в то же время, раньше у меня никогда не было причин бывать здесь.

Он вспотел, и его мышцы выпирают и выгибаются, когда он несколько раз бьёт по груше. Снова и снова, со всей силы. Он даже не замечает, что я стою здесь, наблюдая за ним. Он сосредоточился исключительно на груше.

Бум.

Бум.

Бум.

Моё сердце разрывается, и я втягиваю воздух. Я не знаю, что делать. Я не знаю, как ему помочь. Я на цыпочках поднимаюсь по лестнице и съезжаю

на пол, прислоняясь к стене. Я все ещё слышу его удары. Снова, и снова, и снова. Боюсь, он разобьет руки или порвет мышцы. Но я знаю, что он не остановится, даже если я попрошу.

Я сижу ещё, по крайней мере, час. Мои локти на коленях, моё лицо на руках. А затем стук останавливается. Тишина, а потом шаги по лестнице.

Я смотрю, как появляется Пакс.

Он смотрит на меня сверху вниз, потом наклоняется и захватывает меня.

Он потный, но мне все равно. Я склоняю своё лицо к его груди.

Он несёт меня вверх по лестнице и в спальню, где снимает своё нижнее бельё и подходит ко мне. Я удивлена, что снова в его объятиях. Если это то утешение, которое ему нужно, то так тому и быть. Я сделаю все, чтобы забрать себе его боль.

Его губы жёстко опускаются на мои. Я целую его в ответ, но быстро понимаю, что это не будет таким же, как наш обычный секс. Это будет жёстко и первобытно. Мучительно. Он опускает меня на кровать и скользит в меня без прелюдий. Я немного вздрагиваю, но не проходит много времени, как я уже мокрая.

Он скользит внутрь и наружу; жёстко, грубо, быстро.

Он хватает мою задницу и толкается в меня сильнее.

Мои руки вцепились в одеяло на кровати, и я смотрю на него. Пакс на самом деле не здесь сейчас, не со мной. Это не он. Он просто пытается все заблокировать. Я знаю это, даже если он этого не говорит.

Не проходит много времени, прежде чем он вздрагивает напротив меня; напрягаясь, толкая.

Он падает со мной на кровать, и когда я смотрю на него через секунду, это снова Пакс. Его глаза открытые и широкие.

— Мне очень жаль, — говорит он мягко, сжимая меня. — Мне очень жаль. Мне очень жаль.

Я не знаю, перед кем он на самом деле извиняется, передо мной или даже перед своей мамой. Я просто не знаю. Но мне все равно. Я гладжу его по спине, когда его трясет, пока он, наконец, не успокаивается. Он лежит так в течение долгого времени, прежде чем поднимается и закрывает за собой дверь спальни.

Я не следую за ним. Я знаю, что он хочет побывать один. И клянусь своей жизнью, я не знаю, как ему помочь.

Глава 21 Пакс

Часы превратились в дни.

Я не знаю, сколько сейчас времени, да и мне похуй. Я знаю только то, что не могу отключить свои эмоции и не могу не видеть воспоминания, которые крутятся в моей голове.

Отец пытается дозвониться, но я не разговариваю с ним. Мила берет трубку и поворачивается ко мне, но я отворачиваюсь. Я не хочу его слышать. Черт с ним.

Доктор Тайлер тоже пытается дозвониться. Но с ним я тоже не буду разговаривать. Мила что-то спрашивает, потом отворачивается, что-то мягко говоря доктору. Но мне похуй. Они могут говорить о чем угодно.

Мила.

Ебать.

Мой желудок сжимается при мысли о Миле. Я причиняю боль и ей тоже. Потому что не могу быть человеком, в котором она нуждается прямо сейчас. Я не могу поехать обратно к доктору и сидеть с ней, когда мы обсуждаем мои чувства. Вместо этого, я веду себя как мудак. Потому что я и есть мудак. Быть мудаком получается у меня лучше всего. Некоторое время я старался делать вид, что не такой, но сейчас проявляются мои истинные качества.

Я чертов хер.

Но даже после того, что я сделал, она меня не бросила.

Я не хочу разговаривать, я чертовски много пью, почти не сплю. Однажды я даже бешено ее трахал. Она не ушла. Она просто смотрела на меня с таким пониманием и мягкостью, и сказала, что хочет помочь мне, чем сможет.

Какого хуя?

Мой желудок сжимается. Я зол, как никогда в жизни, потому что не хочу причинять ей боль.

Сейчас я обращаюсь к ней. Она читает, свернувшись калачиком на диване.

— Мила, ты действительно должна уйти, — говорю я ей резко. — Я не подходящая компания. Думаю, было бы лучше, если бы ты ушла к себе домой, пока я разбираюсь с этим дерьямом.

Она уязвлено смотрит на меня. И мой желудок снова сжимается. Я знаю, что должен это сделать. В любом случае я причиню ей боль когда-то потом. Я мог бы сделать это одним махом. Поэтому нужен полный разрыв. Она начинает протестовать, но я ее прерываю.

— Лучше оставь меня. Я сам пройду через самое худшее. У тебя есть своя жизнь, к которой нужно вернуться, есть работа. Твоя сестра нуждается в тебе. Пожалуйста. Мне нужно побывать в одиночестве. Ты можешь позвонить мне сегодня вечером.

Она в смятении и мое сердце болит от этого.

Пиздец, как я это ненавижу.

Но я заслуживаю это. Я не заслуживаю такого человека, как она.

Она встает, подходит, касается моего лица. Я закрываю глаза на минутку, но потом моя решимость крепнет, и я снова их открываю.

Я смотрю на нее сверху вниз и убираю ее руку. Ей больно, я вижу это.

Это к лучшему.

Она, наконец, кивает.

— Хорошо. Если это то, что тебе нужно, — говорит она неуверенно. — Но позвони мне, если тебе что-то понадобится. И я вернусь вечером после того, как закрою магазин и увижу сестрой.

Я киваю и ухожу, так и не остановив ее.

Я слышу, как отъезжает ее автомобиль, и бросаю свой стакан с водой в стену. Он разбивается, и я заменяю его бутылкой Джека.

Я заслуживаю это.

Я чувствую, как сжимается моя грудь и борюсь, чтобы глотать. Так много вещей, с которыми нужно разобраться. Я не знаю, с чего начать. Поэтому похуй.

Я хватаю бутылочку Ксанакса с тумбочки и опускаюсь на диван с моим виски. Падаю и открываю бутылочку с таблетками, принимая несколько и запивая их Джеком.

Выпиваю оставшуюся часть бутылки.

Я закрываю глаза, и на этот раз не вижу ничего, кроме темноты. Вздыхаю с облегчением, и, наконец, засыпаю.

Проснувшись, я понимаю, что уже утро.

Я понял это, потому что утренний солнечный свет льется через окна.

Я морщусь и сажусь, потирая виски.

Я спал всю ночь. Без кошмаров, без мыслей о моей матери. Я улыбаюсь, мои губы туго растягиваются. Вдруг все становится ясно. Я не могу справиться с этим самостоятельно. Мне нужен мой старый друг Джек. И мой новый друг Ксанакс.

Крест на руке напоминает о кошмарах.

Я беру телефон и просматриваю. Три пропущенных звонка, три голосовых сообщения и двенадцать sms сообщений. Все от Милы.

Ты в порядке?

Пакс, ответь на звонок.

Пожалуйста, возьми трубку.

Я беспокоюсь о тебе, Пакс. Это не справедливо. Возьми трубку.

Во всех sms говорится об одном и том же. Поэтому я отвечаю одним сообщением.

Не волнуйся. Я в порядке.

Взяв новую бутылку виски из кухни, я кладу три таблетки в рот. Затем добавляю еще две.

Немного погодя, чернота возвращается. Я приветствую ее с распростертыми объятиями. Я пою для нее, мурлычу ей. Я убаюкиваю ее в своих объятиях. Я делаю все, что, черт возьми, хочу сделать, потому что это — чернота, самое темное время суток, и она не волнуется. Если я один в темноте, ничто не имеет значения. Я не могу никого обидеть, кроме себя, и я чертовски это заслужил.

Я закрываю глаза. Пусть тьма укачивает меня. Она даже может меня трахнуть. Мне все равно.

Мила

Я не могу нормально думать. Я случайно не беру денег с клиента в магазине. После этого я сдаюсь и поворачиваю табличку «Закрыто».

Я сижу у окна своего магазина, глядя на счастливых людей, идущих по тротуару. Они не знают, как им хорошо. Их жизнь такая легкая.

Я снова пытаюсь написать сообщение Паксу, но, как и четыре дня ранее, нет никакого ответа. Я ездила туда, стучала в дверь, звонила, даже попадала на его голосовую почту.

Нет ответа.

Только один раз: «***Не волнуйся, я в порядке***»

Он не в порядке. И никто, кажется, не волнуется, кроме меня.

Я думала вызвать полицию, чтобы они проверили его, но сомневаюсь, что они это сделают. Он не сделал ничего противозаконного, так что они могут сделать? Пить до потери сознания не запрещено. И единственное, что есть у него в доме, насколько мне известно, это Ксанакс. Я еще раз удивляюсь мудрости назначения этого лекарства Паксу.

Когда я спросила доктора Тайлера об этом, он объяснил, что прописал его, потому что Пакс не наркоман.

— Он не пристрастился ни к какому наркотику, — сказал доктор. — Он просто не сформировал надлежащие механизмы для снятия стресса. Если он чувствует, что не может справиться, я бы предпочел, чтобы он принимал Ксанакс какое-то время, пока мы работаем над этими вопросами, а не искал наркотики. Кроме того, вы будете с ним. Все будет хорошо, Мила.

Но я больше не с ним. И все не в порядке.

Я вижу образ открытых, мертвых глаз Джилл и содрогаюсь.

Это мог бы быть Пакс. И я в ужасе от осознания того, что если кто-то что-то не сделает, то это будет Пакс.

Дрожащими пальцами я беру телефон и делаю единственное, что могу сделать.

Я звоню его отцу.

Глава 22 Пакс

Я падаю, падаю, падаю.

Тут темно. Я не вижу, не могу думать, не могу чувствовать. Но мне это так нравится. Если я не могу чувствовать, то ничего не болит. Поэтому я оставляю все как есть.

Проснувшись, я снова напиваюсь и засыпаю благодаря Ксанаксу. И немного погодя, я снова оказываюсь в темноте, бессмысленно дрейфую, сплю без кошмаров.

Только темнота.

Я вздыхаю.

Я принадлежу этому месту, где-то в темноте, вне времени.
Тут нет боли.
Свет — это боль. Свет, где я вижу ее лицо и знаю, что потерял ее.
Я останусь далеко от света.
Навсегда.
Оно того не стоит.
Я начинаю закрывать глаза, но понимаю, что они уже закрыты, поэтому улыбаюсь.
Я принадлежу этому месту.

Глава 23 Пакс

Я сонно открываю глаза, пытаясь сосредоточиться. Осматриваю комнату. Я в гостиной, и, кажется, в той же одежде, которую носил в течение некоторого времени. Что меня разбудило? Сейчас темно, так что это было не солнце.

Я хватаюсь за виски, но вижу, что бутылка пуста.
Ебать.
Это означает, что мне нужно выйти. Я должен буду съездить в город.
А потом я понимаю, что разбудило меня. Стук кулаком в дверь.
Мое сердце замирает. Я знаю, что это, вероятно, Мила. Она была здесь сто раз на этой неделе, пытаясь заставить меня открыть дверь, но я ни разу не встал с дивана, чтобы сделать это. Ей не нужно видеть меня таким. Она не заслуживает быть здесь.

Стук становится громче, намного громче.
Ебать. Теперь она злится. Я впечатлен тем, с какой силой она ударяет в эту дверь.

А потом громкий треск и что-то ломается.
Какого черта?
Я встаю, и комната вращается. Я не был на ногах в течение нескольких дней. Я выравниваюсь и снова открываю глаза. Сделав это, я вижу, что мой отец стоит передо мной. Он чист, выбрит и одет в джинсы.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я его. — Ты только что сломал эту чертову дверь?

Отец сжимает челюсти.
— Вот, что происходит, когда ты не отвечаешь в течение недели. Твоя подруга позвонила мне, потому что волновалась. Иди в душ. Нам надо поговорить.

Я бросаю на него сердитый взгляд.
— Пошел ты. Нам надо было поговорить много лет назад. На самом деле, у тебя было огромное количество шансов на протяжении многих лет, чтобы говорить. Но ты этого не сделал. А сейчас я не хочу говорить. Смирись с этим.

Я стараюсь проскользнуть мимо него, пройти на кухню, но он хватает меня за руку.

Его хватка сильна и решительна.

— Прими душ, — говорит он медленно и сознательно. — Ты пахнешь мочой. Надень чистую одежду и возвращайся сюда. Нам надо поговорить. Сейчас. Сегодня.

Я смотрю на него, и он смотрит на меня. Он не отступает. А я пахну мочой. Наконец, я отворачиваюсь.

— Все равно мне нужен душ.

Я, не оглядываясь, выхожу из комнаты. Вхожу в душ ипускаю воду. Поток холодной воды окатывает мою гребаную голову. Я не могу вспомнить, как вообще выпил всю воду на этой неделе. На самом деле, я многое не помню об этой неделе. Каждый раз, просыпаясь, я просто принимал больше таблеток и пил еще виски.

Я моюсь, бреюсь и одеваюсь.

Потом иду в кухню, где выпиваю две бутылки воды. Даже после этого, мой рот все еще сухой, так что я, должно быть, был сильно обезвожен. Я беру еще одну бутылку воды с собой в гостиную, где отец ждет меня.

Он убрался, пока ждал, подобрав пустые бутылки виски с пола. Сейчас он сидит в кресле.

Он смотрит на меня, когда я вхожу.

Он мрачен и трезв, и я вдруг понимаю, что не хочу начинать этот разговор.

— К черту, — говорю я папе. — Мы не говорили об этом ни разу за последние годы. Я не вижу оснований говорить об этом сейчас. Ущерб нанесен.

Отец смотрит на меня.

— Ущерб был нанесен, — соглашается он. — Но нет никаких причин, чтобы сделать его хуже. Давай поговорим.

Я сажусь и делаю глоток воды.

— Прекрасно. Почему ты не заставил меня рассказать о том, что случилось?

Если мы собираемся говорить, то могли бы сократить это разговор.

Отец смотрит на меня, потом его взгляд падает на пол.

— Потому что так было легче. Я водил тебя к психотерапевту, но ты не разговаривал. Я сам пытался заставить тебя рассказать об этом, но ты отказался. И тогда я решил, что, может быть, я действительно не хочу знать, что произошло. Это оставило такой сильный след на тебе, поэтому я не был уверен, что смог бы иметь с этим дело. Таким образом, я перестал пытаться. А потом терапевт сказал мне, что, по его мнению, ты на самом деле подавляешь воспоминания, что, казалось, даже лучше.

Я наливаю себе еще. Мой язык кажется опухшим от обезвоживания.

— Они поймали его?

Меня передергивает, когда папа качает головой.

— Нет. У них нет описания, чтобы двигаться дальше. Никто из соседей ничего не видел, они не видели, чтобы кто-то приходил или уходил. У полиции нет никаких зацепок, с которыми можно было бы работать.

Ебать. Еще одна причина, почему я чувствую себя виноватым. Я мог бы дать им характеристику.

— Что произошло в тот день? — спрашивает отец. — Мне нужно знать. На твоих руках остались следы от пистолета. У тебя был порез. Но полиция не могла определить, что произошло, за исключением того, что твоя мать не подверглась сексуальному насилию. У нее были эпителиальные клетки во рту, но никаких следов спермы. Там не было никаких образцов ДНК, чтобы сравнить их с базой данных полиции. Я знаю, как тяжело об этом думать или говорить. Но, все-таки, что ты видел?

Я закрываю глаза, сильно зажмуриваясь, прежде чем снова их открыть. Папа по-прежнему смотрит на меня, все еще ожидая ответов.

— Я слышал, как мама плакала. Я увидел в вашей комнате парня с пистолетом, направленного в сторону мамы. Парень заставил ее делать ему минет. Я пытался помочь, но наткнулся на пистолет и он выстрелил. Она мертва, потому что я пытался помочь. Если бы я этого не сделал, она была бы сейчас здесь.

Отец слегка задыхается, и я стараюсь проглотить этот чертов комок, который сформировался в горле. Он смотрит на меня.

— Неужели ты думаешь, что он бы оставил ее в живых? — наконец говорит папа. — Подумай об этом, Пакс. Она знала, как он выглядит. Если он сказал тебе, что не убил бы ее, он лгал.

— Он оставил меня в живых, — говорю я ему безвольно. — Может быть, он оставил бы ее тоже.

Папа качает головой, его щеки покраснели.

— Нет. Он бы этого не сделал. Он, вероятно, не мог заставить себя хладнокровно убить ребенка и чувствовал себя достаточно уверенно, думая, что, напугав, заставил тебя молчать. У твоей мамы не было шансов, Пакс. Не было ничего, что бы ты мог сделать.

Он отворачивается, глядя в окно.

— Но есть кое-что, что ты можешь сделать прямо сейчас. Теперь, когда ты вспомнил, пойдем со мной. Давай полетим в Коннектикут прямо сейчас, и поговорим с детективом, который вел это дело. Ты можешь дать ему описание того человека?

Я чувствую, как холод пробежал по мне, представив насмешливое лицо того парня.

— Он был худой, с серым хвостом и желтыми зубами. Действительно желтые зубы. Он был одет в синюю полосатую рубашку.

Отец застывает.

— Я знаю, о ком ты говоришь. Это был наш почтальон. Я никогда не забуду его серый хвост и те ужасные зубы. Пакс, начинай упаковать сумку. Мы собираемся в Коннектикут.

— Почтальон? — спрашиваю я скептически. — Я вообще не помню никакого почтальона.

— Ты бы не понял, верно? — спрашивает отец. — Тебе было только семь. Я дразнил твою мать, что он ищет глупые причины, чтобы принести почту к двери, а не оставлять ее в ящике. Я шутил над ней, что у него что-то с ней есть. Мы смеялись над этим. Мы думали, что он был немного странным и одиноким. Я понятия не имел...

Голос папы замирает, он смотрит в сторону в течение минуты и обнимает себя руками, прежде чем посмотреть на меня.

— Собирай вещи, Пакс. Этот больной ублюдок должен заплатить.

Идея, что я мог бы найти только немного освободившись, подталкивает меня, и я встаю с дивана и иду упаковать сумку. Засовывая свою зубную щетку в ночной футляр, я вижу кольцо, лежащее на полке. Я поднимаю его. Должно быть, его оставила Мила.

Обручальное кольцо ее матери. Я надеваю его на свой мизинец и заканчиваю паковаться.

В спешке, я оставляю свой сотовый телефон дома, и не понимаю этого, пока мы не удаляемся от него в направлении Чикаго.

— Не волнуйся, — говорит пapa. — Если тебе понадобится телефон, ты можешь воспользоваться моим. Так или иначе, мы не пропадем надолго. Может быть, на пару дней. Это прогресс, Пакс. Этот гребаный парень, наконец, получить то, что заслуживает. Все, что им нужно, — это сделать анализ его ДНК. Это прогресс.

Пapa более оживленный, чем я когда-либо видел. Жизнь горит в его глазах. Я смотрю на него.

— Пapa, почему ты думал, что будет лучше, если бы я никогда не вспомнил? Что ты имел в виду? Лучше для меня? Или лучше для тебя?

Пapa смотрит на меня спокойным взглядом, прежде чем вернуть глаза на дорогу.

— Может быть, для нас обоих. Я знал, что воспоминания разрушат тебя. И после того, как они обнаружили остатки пороха на твоих руках, не думаю, что я хотел бы знать, что случилось. Я не мог себе представить, но я был в плохом состоянии. И если бы я узнал, что ты приложил руку к ее смерти, даже случайно, не знаю, смог бы я так отпустить это.

— Но я был ребенком, — выдавливаю я. — Я пытался помочь ей.

— Да, — говорит пapa, возвращая взгляд на меня. — Ты был ребенком. Я рад, что ты понимаешь это. Но я был в плохом состоянии. Горе делает это с человеком. И поэтому я справился единственным способом, который знал. Я бросился в работу. И когда это не остановило боль, я собрал наши вещи, и мы переехали через всю страну.

— Это остановило боль? — спрашиваю я его.

Он смотрит на меня.

— Нет.

Я смотрю на свои руки и вижу кольцо на пальце. Я беру его, верчу в руках, разглядывая со всех сторон. На внутренней части что-то написано. Я присматриваюсь, чтобы прочитать. «Любовь никогда не слабеет».

Я задыхаюсь.

Иногда любовь слабеет. Я, безусловно, доказал это. Я всех подвел. Мне не удалось помочь маме. Мне не удалось помочь отцу, когда я заблокировал воспоминания и никому не мог рассказать, как выглядел убийца. И я, конечно, подвел Милу. Я знаю, что разбил ей сердце, и сомневаюсь, что когда-нибудь смогу снова его собрать.

Я закрываю глаза, чтобы успокоить жжение в них.

Я сплю в аэропорту, пока наш самолет не взлетает, потом засыпаю в самолете. Я думаю, что нужно попытаться позвонить Миле, но решаю, что лучше этого не делать

Это не телефонный разговор. Мне нужно увидеться с ней лицом к лицу. В то же время, у меня есть кое-что важное, что нужно сделать.

Приземлившись в Хартфорде, мы останавливаемся в отеле. Наш ужин в шикарном ресторане отеля проходит в тишине.

Я смотрю, как отец рассеянно крутит виски в стакане в течение длительного времени, прежде чем я, наконец, говорю.

— Это не твоя вина, папа.

Он смотрит на меня.

— Нет? Пакс, мы шутили о том парне. Ебаный почтальон. Я думал, он был шуткой. Но он забрал мою жизнь. Или он мог бы иметь такую же. Небольшая шутка. Я думаю, он смеялся последним.

Горькая агония на лице отца очевидна, как и моя злость на него, потому что я не могу помочь, но в тоже время чувствую себя ужасно за него. Я не могу представить, как он должен себя чувствовать.

— Папа, — я пытаюсь снова. Но он прерывает.

— Пакс, ты не понимаешь. Ты не можешь себе представить, сколько раз за эти годы я задавался вопросом... что, если бы я ушел с работы в начале того дня? Что, если бы я не остановился на заправке? Что, если бы я остановился на один красный свет меньше? Если бы любая из этих вещей произошла, может быть, я мог бы остановить его. Постоянное незнание было ужасно. Но теперь, когда известно, что чертов почтальон забрал ее жизнь... моя вина в десять тысяч раз хуже, чем когда-либо. Если бы я воспринял его всерьез, если бы я увидел в нем извращенца, которым он был, твоя мать была бы сейчас жива. Это бесспорный факт.

Я выпиваю всю свою воду прежде, чем ответить.

— Пап, мама даже не поняла, каким дерьямом он был. Ты сказал, что вы оба шутили об этом. Это означает, что он очень хорошо это скрывал. Ты не можешь чувствовать себя виноватым за чужое психическое заболевание. Не было никакого способа, чтобы ты распознал его.

Отец не поверил мне, и мы закончили есть в тишине. Если честно, я думаю, мы оба рады побывать наедине со своими мыслями.

После бессонной ночи, с утра, первым делом мы идем в полицейский участок. Детектив более чем счастлив, услышать от нас эту информацию.

— Этот случай преследовал меня в течение многих лет, — признается он мне, его губы сжаты. — Я никогда не видел ничего подобного. Я никогда не забывал это, или вид вашего личика. Ваши глаза были настолько большими и грустными. Вы будто видели невообразимое. Я рад, что вы выросли таким хорошим.

Таким хорошим. Ха. С этим можно поспорить.

Он берет мое официальное заявление и уверяет, что они попросят ордер на сбор образцов ДНК нашего старого почтальона, как только смогут получить записи почтового отделения. Я ощущаю сильное удовлетворение, когда мы идем вниз по ступеням метро и наружу в оживленный, свежий воздух.

Правосудие, может быть, наконец, восторжествует. Моя мама, может быть, наконец, будет оправдана. Спустя семнадцать лет.

— Где она похоронена? — спрашиваю я отца, когда мы возвращаемся в машину. Он смотрит на меня.

— Давай остановимся, купим немного цветов, и я покажу тебе.

Так мы и делаем. Останавливаемся и покупаем по два десятка роз каждый и едем на красивое, тихое кладбище. Деревья выстроились и сосульки висят на их ветвях, сверкающие в зимнем солнце. Тут спокойно. Думаю, это место очень хорошее, чтобы быть тут похороненным.

Когда мы ходим среди могил, я чувствую, как будто я был здесь раньше, и я знаю, что это так. У меня есть мимолетные проблески ее похорон, как гроб опускали в землю. Я помню сильное чувство грусти, которое я ощущал, наблюдая за этим.

Я сглатываю.

Впереди я вижу статую ангела и узнаю ее. Он находится на плитах, рыдая в свои руки, и я знаю, что он сидит рядом с могилой моей матери. Я помню это.

— Твой дедушка привез эту статую, — говорит отец, кивая на нее.

— Она кажется подходящей, — отвечаю я. И это так.

Рядом с надгробием моей матери сидит ангел, изготовленный из белого мрамора. Он блестящий и яркий. Я обращаюсь к отцу.

— Кто-то заботится о нем.

Он кивает.

— Конечно. Я плачу кое-кому.

Конечно.

Я смотрю вниз.

Сusanна Александра Тейт

Любимая жена и мать

Она ушла красивой.

Она спит спокойно.

Холодный ветер нежно касается моего лица и в горле снова образуется комок. Меня накрывает поток вины за то, что я ни разу не посещал ее могилу в течение стольких лет. Я становлюсь на колени, чтобы положить цветы на ее могилу и в первый раз за все время, что я себя помню, я чувствую, как слеза катится по моей щеке. Я вытираю ее.

— Как думаешь, как она? Спокойна?

Отец смотрит на меня.

— Сын, ты и есть ее спокойствие. Ты принес ей столько мира и радости с самой первой минуты, как только она взяла тебя на руки, поэтому она назвала тебя Пакс. Твоя мать любила тебя больше всего на свете. Она с удовольствием отдала бы свою жизнь, чтобы сохранить тебя в безопасности. Все, что тебе нужно сделать — просто жить хорошей жизнью ради нее. Она так надеялась на тебя. Перед смертью все, чего она хотела для тебя — чтобы ты был счастлив.

Теперь слезы текут потоком, и отец обнимает меня. И просто так, два взрослых мужчины стоят, обнявшись, перед одиноким надгробием.

Через несколько минут он отстраняется, и я вижу, что он тоже плачет.

— Я тоже тебя люблю, Пакс. Надеюсь, ты знаешь это.

Я киваю, слишком подавленный, чтобы говорить. Я чувствую, как будто кто-то взял мои кишечки в руки и засунул их обратно через горло в неправильное место. Все болит. Но в первый раз, это нормальная боль. Боль чувствуется хорошо, как будто я должен ее чувствовать. Она не похожа на боль от позора, которую я чувствовал ребенком, когда не мог спасти свою маму.

В моем сердце больше нет той старой пустоты. Она заменилась пониманием. Моя жизнь это то, что есть. Моя мама умерла насилиственной смертью, и я наблюдал за этим. Я должен пройти через это и двигаться дальше. Она хотела бы, чтобы я это сделал.

Стоя здесь, перед ее могилой, в этом безмятежном месте, я понимаю, что не смог бы спасти ее. Мне было семь лет. Отец прав. Насильник все равно убил бы ее. Это изначально было его планом, иначе он бы не принес пистолет.

Мы едем в аэропорт в тишине.

Наконец, отец говорит:

— Ты должен позвонить Миле. Она очень беспокоилась о тебе.

Я смотрю на него с удивлением.

— Она разговаривала с тобой?

Он кивает.

— Она — причина, по которой я пришел в твой дом, помнишь? Она позвонила мне, иначе я не узнал бы, что все было так плохо. Она любит тебя, Пакс. И если есть что-то, что тебе нужно взять из этой ситуации, так это то, что вам нужно жить сегодняшним днем. Завтра вам не обещали.

— Я ее не заслуживаю, — говорю я ему честно. — Я был мудаком. Я причинил ей только боль.

Отец смотрит на меня с сомнением.

— Если бы это было правдой, она бы так тебя не любила. Она ждет тебя. Она проверяла тебя сто раз и задала мне миллион вопросов, но я не знал, что ей ответить. Только ты. Ты должен ответить на эти вопросы. Ради нее.

— На какие?

— Такие, как, вернешься ли ты? В порядке ли ты? Держишь ли себя в руках? Ты не говоришь об этом, поэтому я не знаю, что ей ответить. Ты не можешь и дальше продолжать прятать свои проблемы в наркотиках и виски. Ты знаешь это.

Я киваю. И это больно, потому что это правда.

— Я облажался, — говорю я просто.

— Да, — мой отец соглашается. — Но не во всем?

Я не ответил. Я углубился в свои мысли и продолжил вертеть кольцо Милы на пальце.

Когда мы идем через аэропорт, папа поворачивается ко мне.

— Я собираюсь рассказать твоему деду, **что** ты вспомнил. Это одна из причин того, почему он перестал разговаривать с нами. Он не соглашался со мной, когда я не заставлял тебя думать об этом, потому что он хотел найти убийцу твоей матери. Когда я отказался от попыток заставить тебя, он не мог смириться с ложью, которую я сказал тебе, — что твоя мать погибла в автомобильной катастрофе. Это моя вина, что его нет в твоей жизни... Вина лежит на моих плечах. И мне очень жаль.

Я киваю. Я подумаю об этом позже. Это последнее, о чем я беспокоюсь прямо сейчас. В моей голове только одно лицо. Оно красивое, мягкое и имеет широкие, зеленые глаза.

Наш самолет приземляется в Чикаго, и отец отвозит меня домой.

— Я надеюсь, что теперь все изменится для нас к лучшему, Пакс, — говорит он мне по дороге, и я вижу, что он искренен. Я киваю.

— Я тоже надеюсь, — отвечаю я. Я уверен, это займет некоторое время. Мы не можем исправить годовые повреждения наших отношений за минуту. Но, по крайней мере, это только начало. Если мы будем держаться вместе, может быть, однажды снова будем в порядке.

Он уезжает. Я смотрю на его машину до тех пор, пока его красные задние фары не исчезают из зоны видимости и набираю опасную скорость для города. Я могу думать только об одной вещи.

О ней.

Я врываюсь в дверь ее магазина, и она удивленно смотрит, стоя у прилавка. Мила одна и, кажется, изучает портфолио. Когда я вошел, она узнала меня и подпрыгнула. С радостью.

Но она быстро приходит в себя, и я чувствую укол прямо в центре моего сердца. Я сделал это с ней. Я научил ее охранять и защищать себя от меня, потому что я мог раздавить ее. Это убивает меня.

Я иду по магазину, не останавливаясь, не стесняясь. Делаю шаг вокруг прилавка и прижимаю ее плотно к себе.

— Пожалуйста, — говорю я ей. — Пожалуйста, прости меня. Мне так жаль, что я сделал тебе больно. Мне так жаль, что я был таким мудаком и отгородился от тебя. Я не знал, как обращаться с вещами без саморазрушения. Уничтожения всех, кого я знаю. В глубине души, я чувствовал, что заслужил это.

Я делаю паузу и смотрю вниз. Она смотрит на меня своими великолепными, ясными глазами, и мои кишкы сжимаются.

— Дай мне еще один шанс, — отчаянно прошу я. — Я сделаю все, что хочешь, если ты просто скажешь мне, что мы можем начать все заново. Знаю, я не заслуживаю этого, но все равно прошу. Я не знаю, смогу ли дышать без тебя. Пожалуйста. Я люблю тебя, Мила. Пожалуйста, скажи, что мы можем решить это.

Я смотрю в ее глаза. Она кажется неопределенной, и я чувствую панику.

— Я не хочу начинать сначала, — говорит она медленно. — Мне нравилось то, что у нас было. Я не хочу начинать сначала. Я люблю тебя, Пакс. Но я не знаю, смогу ли справиться, если ты снова оставишь меня. Ты закрылся от меня, и я не могла тебе помочь. Люди не делают так, когда любят друг друга. Ты разорвал мое сердце и растоптал его.

— Я знаю, — соглашаюсь я. — Я знаю это. Ты понятия не имеешь, как мне жаль. Я просто не так хорош в отношениях. У меня не было никакой практики. Но если ты останешься со мной, если ты останешься... Я обещаю, что никогда не оставлю тебя снова. Я никогда больше не уйду. Я буду работать и исправлять то, что не работает. Обещаю.

— Я хочу верить тебе, — говорит она медленно, все еще удерживая глаза на мне. — Но я слишком боюсь, Пакс. Ты меня напугал. Сильно. Как я узнаю, что ты снова не закрылся от меня? Как я узнаю, что следующая проблема, с которой мы столкнемся, не отправит тебя в другое падение, и я найду тебя на заднем дворе, в таком же положении, в каком как мы обнаружили Джилл?

Она делает паузу. Ее глаза умоляют, желая, чтобы я сказал что-то, желая, чтобы я спорил с ней. Но я не знаю, права ли она. Поэтому ничего не могу сказать.

— Два младенца Джилл сейчас в приемных семьях, Пакс. Вся жизнь разрушена. Я не знаю, смогу ли доверить тебе себя. Вдруг ты сделаешь это со мной. Я не спала несколько дней, а когда засыпала, мне снились ужасные кошмары. Я разрушена, Пакс. И я не хочу, проходить через это снова. Я просто не думаю, что смогу.

Ее слова пугают меня, и я снимаю кольцо, держа его дрожащей рукой.

— Любовь никогда не слабеет, Мила. Так считали твои родители. И из-за тебя, я сейчас думаю так же. Ты была со мной и любила меня, когда я этого не заслуживал. Я хочу лишь шанс, чтобы доказать, что я могу быть достоин тебя. Твои родители облажались, как и я. Они никогда не обращались за помощью, которая им необходима. Но я это сделаю. Я обещаю. Буду работать. Я буду учитьсяправляться с болезненными вещами,

и я никогда снова не оставлю тебя. Просто скажи мне, что ты останешься со мной.

Я смотрю на нее, ожидая, затаив дыхание.

— Пожалуйста, — шепчу я.

Наконец, она берет кольцо из моей руки и поднимается на цыпочки, тихонько прижав свои губы к моим.

— Я так люблю тебя, — шепчет она. — Я так тебя люблю. Но я не могу. Не сейчас.

— Я знаю, — я говорю ей, честно. — Я понимаю.

И я понимаю.

Правда такая грубая и искренняя, что мне больно. Но я не дал ей повода остаться, поэтому нет никаких причин, которые ей нужны. Есть только одна вещь, которую я могу сделать... дать ей кое-что.

Я сглотнул, надеясь, что комок в горле пропадет.

— Я дам тебе причину, — говорю я ей, мой голос дрожит. — Я обещаю. Если ты дашь мне шанс, я дам тебе причину быть со мной.

Она снова целует меня, и я борюсь с желанием не вдыхать ее запах, чтобы не прижать ее к своей груди и не отпускать, чтобы заставить остаться.

— Я рассчитываю на это, — бормочет Мила, отходя на несколько шагов. — Мне просто нужно немного времени Пакс. Времени для тебя, чтобы показать, что ты серьезно относишься к этому, что начнешь работать. Это все, что мне нужно.

Я знаю, что для нее это так же сложно, как и для меня. Я ненавижу себя за то, что сделал это с ней. Я ненавижу то, что эта боль на ее лице из-за меня.

Я медленно киваю, и даже это движение кажется болезненным.

— У тебя есть столько времени, сколько нужно, Мила. Я буду ждать вечно, если придется.

Слеза скользит по ее щеке, и она смотрит в сторону. Мое сердце сжимается, когда я большим пальцем вытираю ее слезы, потом поднимаю ее подбородок.

Я поцеловал ее в щеку.

— Я люблю тебя, — бормочу я ей на ухо.

И тогда я использовал каждую частичку своей силы, потому что только так можно уйти от нее.

Глава 24 Мила

Теперь ночи кажутся слишком длинными, очень темными и холодными.

Я снова поворачиваюсь в своей одинокой постели, натянув одеяло до подбородка, пытаясь очистить свой разум от мыслей о Паксе. Как будто это произойдет. Мое сердце сжимается при воспоминании о том, через что прошел Пакс.

С тех пор, как он ушел от меня на прошлой неделе, когда я увидела, как на его лице отразилось непринятие моих слов, боль и тоска, — я прокручивала этот момент снова и снова в своей голове. Сожалея по этому поводу, истязая себя из-за этого. Но я ничего не могла сделать.

Он должен знать, что каждое действие имеет последствия. И хотя он говорит, что изменится, что понимает, что нуждается в изменениях, я уверена, что на самом деле ему нужна лишь причина. Если я приму его обратно после того, какую боль он мне причинил, у него не будет веских причин.

За исключением того, что вся его жизнь вдруг взорвалась, идиотка, говорю я себе. У Пакса есть все основания, чтобы измениться. Есть причины, которые даже не включают меня. Если бы только он был достаточно силен, чтобы увидеть их.

Против своей воли, я хватаюсь за телефон. Прошла неделя с тех пор, как я видела его или говорила с ним. Мое сердце просто хочет услышать его, чтобы знать, что он в порядке. Может быть, тогда я могу спать.

«Я думаю о тебе. Надеюсь, ты в порядке»

Я посыпаю сообщение и жду с телефоном в руках. Нет ответа. Хотя, наверное, я это заслуживаю.

Моя уверенность колеблется. Мэдди согласилась, что у меня не было другого выбора, кроме как отправить его прочь, когда он пришел в мой магазин. Но часть меня, все более настойчивая часть, сомневается. Я люблю его. Я люблю его больше всего на свете. И разве это не любовь — пройти с ним сквозь огонь и воду?

Любовь никогда не слабеет. Я задыхаюсь.

Но опять же, иногда любовь должна надеть боксерские перчатки и быть жесткой, чтобы выжить. Иногда, ты должен сделать трудную вещь — должен сам разобраться со своими проблемами.

Я засыпаю со слезами на щеках и телефоном в руке. Когда я просыпаюсь, меня ждет сообщение.

«Я тоже думаю о тебе. И у меня есть успехи»

Его слова заставляет мое сердце улыбаться. И теперь мне легче встать и начать мой новый день.

— Мне кажется, что ты теряешь вес, — объявляет Мэдди, когда идет через мой магазин в своих новых сапогах, таща бумажный пакет.

Я смотрю на свою картину с изображением ночного неба и закатываю глаза.

— Во-первых, мне кажется, ты говорила, что мы должны затянуть пояса этой зимой? — спрашиваю я с приподнятой бровью, многозначительно смотря на ее ботинки.

Она выглядит робкой.

— Это была правда. Но теперь все оживляется, начинается весна.

— Февраль не весна, — с сарказмом говорю я ей. Она закатывает глаза.

— Всего лишь формальность. Конец февраля. Почти весна. Теперь, когда люди не занесены снегом — бизнес растет. Но ты отвлеклась. Ты питаешься не правильно. Бьюсь об заклад, ты потеряла десять фунтов, а ты не должна была их потерять, Худышка.

Я бы ответила что-нибудь, но у меня нет силы, чтобы стоять на ногах. Она права. Я потеряла вес, но не должна была его потерять.

— Ты принесла мне поесть? — спрашиваю я вместо этого. Она кивает, бесцеремонно бросая бумажный пакет на мою картинку.

— Жареный сыр и миска супа с овощами. Тони сказал, что, если ты съешь все это, то получишь десерт. Он также сказал, что ты получишь куриные ножки.

Я качаю головой и не могу удержаться от улыбки. Тони любит нас своим грубым способом. Я не удивлюсь, если идея, чтобы еду принесла Мэдди — его рук дело.

— Я видела автомобиль Пакса, припаркованный перед офисом доктора Тайлера, — говорит Мэдди, крутясь на гладком красном стуле. — Он часто там бывал в последнее время. Ты говорила с ним?

Я жую бутерброд и тяжело глотаю, заставляя его спуститься вниз.

— Нет. Не в этом месяце. Он был в «Холме»?

Мэдди качает головой.

— Нет. И я ни разу не видела его машину у бара. Он был вне поля зрения, за исключением времени, когда он с доктором Тайлером.

Она смотрит на меня.

Я игнорирую это.

— Ну? — требует она, наконец, ее синие глаза уставились на меня. — Он уважает твоё пространство и прикладывает все усилия, чтобы вы могли двигаться дальше. Не кажется ли тебе, что это — то самое время, чтобы ты взяла инициативу в свои руки и поговорила с ним?

Я почти роняю свой бутерброд.

— Кто ты и что ты сделала с моей сестрой? — требую я. — Тебе не нравится Пакс. Ты никогда не любила Пакса. Ты говорила мне сто раз, что он не стоит моего времени, что он никогда не будет хорошим бойфрендом.

Я в шоке от нее.

Мэдди награждает меня робким взглядом.

— Я не знаю, — признается она. — Я не могу объяснить, почему чувствую себя по-другому. Я просто так чувствую. Мое сердце говорит мне, что он заслуживает второго шанса. Я действительно думаю, что он пытается, Ми. Если честно, я не только не видела его машину в баре, но еще, когда я была там на днях, чтобы выпить, то спросила Микки видел ли он его. Он не видел.

Она снова тяжело и долго смотрит на меня. Я вздыхаю.

— Мэдисон, то, что он не был в «Логове Медведя» не означает, что он перестал пить. Или делать вещи и похуже. Все мы знаем, что он скрывается в своем доме с виски и наркотиками. Мы не знаем, что он делает.

Образуется пауза, во время которой Мэдисон ерзает.

— Ты не знаешь, что он делает, — наконец, говорит она неуверенно. — Потому что ты не разговаривала с ним. Но я разговаривала.

На этот раз я роняю свой бутерброд прямо в суп.

— Что? — спрашиваю я, а мой желудок в это время падает в ноги. — Ты солгала? Ты сказала, что не разговаривала с ним.

По какой-то странной причине, мои пальцы сжимаются, когда я жду ее ответа, а сердце громко бьется в груди.

Теперь Мэдисон выглядит неопределенной.

— Я не врала. Я сказал, что он не был в «Холме». И он не был. Но он позвонил мне пару недель назад. По-видимому, он присматривал за тобой, и заметил, что ты все еще работаешь много смен, и хотел помочь.

— Он, что? — визгливо спрашиваю я, пытаясь провернуть через свой разум этот новый поворот событий. Моя ледяная сестра разговаривает с Паксом за моей спиной?

— Он хотел помочь, — повторяет она. — Он сказал мне, что знает, как много «Холм» значит для нас, так как это было мечтой наших родителей, и он хотел убедиться, что мы не потеряем его. Он выплатил наш кредит за ремонт, а затем прислал одного из своих бизнес-консультантов, чтобы поговорить со мной. Мы сели, и составили обновленный бизнес-план и теперь «Холм» снова в строю. Похоже, я должна была кое-что поменять, и я поменяла. А также, по-видимому, я должна была поменять кое-что в своей личной жизни. Я не знала, Пакс. Я не имела права говорить тебе держаться от него подальше.

Я ошеломлена ее словами. Я чувствую, как будто что-то лежит на моей груди, сжимая мои легкие, смотря на свою сестру. Я не могу дышать.

Я хватаю воду и выпиваю ее, потом еще раз.

— Пакс это сделал? — Мне, наконец, удается проквакать. Мэдди кивает.

— Но я должна была поклясться хранить все в тайне. Он не хочет, чтобы ты знала, что он сделал. Он был очень твердо уверен, что, когда ты, наконец, дашь ему еще один шанс, это будет, потому что он заслужил его собственными заслугами, а не из-за этого.

— Ты знаешь, что он делает? — шепчу я. — Он в порядке?

Мэдисон кивает.

— Я ходила к нему домой, чтобы встретиться с его бизнес-консультантом. Он и я немного поболтали. Его главной заботой была ты. Он хотел убедиться, что ты в порядке. Он чувствует себя такой задницей за то, что сделал тебе больно, и боится, что никогда не сможет искупить свою вину. Но с другой стороны, он в порядке. Он выглядит здоровым и видится с доктором Тайлером два раза в неделю. Он даже сказал, что он и его отец вместе работают над некоторыми вещами. Думаю, что это огромный успех, Ми.

Так и есть. Она действительно понятия не имеет. Она не была там, и не видела выражение лица Пакса, когда он узнал, что его отец скрывал все в

течение многих лет. Проявившееся предательство, которое отражалось в его глазах. Я действительно не была уверена, что он когда-то сможет простить отца.

— Я не знаю, что должна делать, — наконец, признаюсь я ей шепотом, падая на стул рядом с ней. Она оборачивает свою стройную руку вокруг меня.

— Ты любишь его? — спрашивает она, глядя мне в глаза. Недолго думая, я киваю.

— Он стоит душевной боли и усилий?

Ее лицо серьезное и мрачное, когда она убирает волосы с моих глаз.

Я снова киваю.

— Пакс стоит чего угодно.

Мэдисон улыбается.

— Я думала, что ты так скажешь. Мой тебе совет, сестренка, — поговори с ним. Он очень старается. Я восхищаюсь этим. Я обязана уважать его. И я знаю, что он любит тебя.

Я застыла. Я в ступоре. Я практически могу чувствовать, как мое сердце бьется в ушах.

— Чего же ты ждешь? — нежно спрашивает меня Мэдди, толкая в плечо. — Иди.

Так я и делаю.

Дорога до дома Пакса еще никогда не была такой долгой. Но даже теперь, я сижу в машине в течение нескольких минут после того, как повернула на его подъездную дорожку. Денжер припаркован напротив меня, поэтому я знаю, что он дома. Я беспокойно вдыхаю воздух и ужасно волнуюсь, идя по грязному снегу к его двери.

Что делать, если он больше меня не хочет? Что делать, если я ждала слишком долго, чтобы прийти к этой точке? Что, если уже слишком поздно?

Я делаю несколько глубоких вдохов, стоя на крыльце Пакса.

Глубокий вдох, глубокий выдох.

Повторить.

Я звоню в дверь, а затем стучу. На меня вдруг накатывает необходимость посмотреть на его лицо, чтобы увидеть его здоровым и сильным. Я хочу видеть его глаза без боли в них. Мой желудок сжимается снова и снова, пока я жду. Кажется, прошла целая вечность, и когда дверь, наконец, открывается, я задыхаюсь.

Впервые за месяц, Пакс стоит передо мной, заполняя дверной проход.

Он такой красивый в джинсах и черной рубашке. Никто не может выглядеть в обычной одежде так, как он.

Мои колени кажутся слабыми.

Его глаза расширяются, когда он видит меня, но потом он сглаживает выражение своего лица. Сейчас он обычный, дружелюбный. Но осторожный. Очень осторожный.

— Привет, Красная, — говорит он тихо, наблюдая за моим лицом. Ожидая, что я что-то скажу. Я пришла к нему, в конце концов. Я сглатываю. Я должна держать себя в руках.

— Привет.

О, мой бог. Я хочу сказать тысячу вещей и все, что я говорю, это привет? Я сумасшедшая.

— Я могу войти? — добавляю я быстро. Пакс улыбается и жестом приглашает меня.

— Конечно. В любое время. Ты знаешь это. Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? Воды, может быть?

Почему он так официален? Мое сердце сжимается от боли. Я ждала слишком долго? Неужели он переключился на кого-то другого?

Мысль практически парализует меня, но мне до сих пор удается откататься от воды и следовать за ним в гостиную. Я осматриваюсь вокруг, садясь. Он никак не изменил свой дом. Это по-прежнему легкий и воздушный, современный дом, идеально опрятный и чистый. Часть меня в глубине души освобождается. Если он не изменил свой дом, может быть, он не изменил свои чувства ко мне.

Даже я знаю, что эта мысль адски нелогична. Но, наверное, я хватаюсь за соломинку.

— Как дела? — спрашиваю я, глядя на него. — Ты в порядке?

Он стучит своими длинными пальцами по бедрам, обтянутым в джинсы. Он все еще усердно тренируется. Это очевидно. Я вижу жесткие мышцы через ткань. Я задыхаюсь.

Он улыбается.

— У меня, правда, все хорошо. Хотя, не буду врать. Было адски трудно, провернуть свой разум через все это. Но это дало мне перспективу. И в прошлом месяце, я, вроде бы, изолировал себя и сосредоточился на вещах, которые должен изменить. Я хотел убедиться, что дам тебе повод хотеть быть со мной.

Он делает паузу.

И мое сердце останавливается, когда он смотрит на меня. Его золотые глаза настолько теплые и яркие. Как я могла когда-то думать, что они были холодными?

— Я много думал, Мила. И ты была права, когда отшила меня месяц назад. Ты действительно была права. Я провел много времени, волнуясь, что совсем облажался с тобой, что ты никогда не простишь меня. Или, что я сделал тебе так больно, что ты никогда не захочешь посмотреть на меня снова.

Я начинаю прерывать его, но он поднимает руку.

— Пожалуйста. Просто позволь мне закончить. Я думал о том, что скажу тебе, сто раз. Я так счастлив, что имею возможность сказать это.

Я закрываю рот и киваю. Он мягко улыбается.

— Мила, я говорил об этом раньше, но ты самая красивая из всего, что я когда-либо видел. Ты красива внутри и снаружи. Я не заслужил встретить тебя. Я не заслужил тебя в любом случае. Но нет ничего, что я хочу больше, чем быть с тобой. Чтобы просыпаться рядом с тобой всю оставшуюся часть своей жизни. Я так благодарен, что ты застряла со мной так надолго. И все, что я хочу сейчас знать, что я могу сделать, чтобы ты снова была со мной? Скажи, и я это сделаю. Все, что угодно.

Он ждет, глаза прикованы ко мне, и я чувствую себя эмоционально разбитой, абсолютно не имея слов.

— Я не ждала слишком долго? — наконец, удается сказать мне. Пакс выглядит удивленным.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает он растерянно. — Конечно, нет. Я сказал, что буду ждать тебя вечно. Я имел в виду именно это.

Слезы текут по моим щекам, когда я бросаюсь в его руки. Мы сжимаем друг друга, и я зарываюсь у него в груди. Он пахнет так же, как улица и свежий воздух. Я вдыхаю его запах, а потом он поднимает мой подбородок и губы встречаются с моими.

Теряясь в его поцелуе, я знаю, что нигде не хочу быть сильнее, чем здесь, завернутая в руках Пакса.

Я принадлежу этому mestu.

Глава 25 Пакс

Мила спит, свернувшись на моих коленях. Мы проспали весь день, свернувшись калачиком на диване, и теперь уже вечер. Ее голова покоятся на моей груди, и поэтому я с особой осторожностью беру свой телефон, стараясь не толкнуть ее и не разбудить.

Говоря тихо, я заказываю доставку огромного количества китайской еды. Глядя на Милу, я быстро добавляю десерт к нашему заказу. Она нуждается в еде. Она похудела. Изгибы, в которые раньше прекрасно вписывались мои руки, стали слишком тонкими.

Вешая трубку, я чувствую себя виноватым. У нее было много стресса из-за меня.

Глядя вниз, убираю волосы с ее лба, наблюдая, как ее губы выпячиваются с каждым вдохом. Эта ее черта такая адски милая. Она кажется такой невинной, как ребенок. Мила выбирает именно этот момент, чтобы открыть глаза. Они расширяются, когда она понимает, что я не сплю.

— Привет, — бормочет она, садясь. Мои руки продолжают обнимать ее.

— Привет, — говорю я ей с улыбкой. — Ты хорошо спала?

Она виновато кивает, как будто стыдится, что проспала весь день.

— Тебе нужен сон, — говорю я ей. — Ты совсем не заботишься о себе.

Она выглядит робкой.

— У меня были проблемы со сном, — оборонительно отвечает она.

— Я знаю, — говорю я ей тихо. — У меня тоже. Но теперь мы будем спать лучше, обещаю.

Она смотрит на меня.

— Твои кошмары прекратились?

— Это удивительно, но да, — отвечаю я. — По большей части. Они были пару раз после гипноза. Даже притом, что было больно все вспоминать, это действительно было освобождением. После того, как я начал говорить и обдумывать это, я смог заставить некоторые из моих проблем уйти.

— Ты, должно быть, талантлив, — говорит она мне, повторяя мои слова из прошлого. — Иногда проблемы не хотят уходить.

Я улыбаюсь.

— Ты права. Некоторые проблемы, вроде бессонницы, словно ад. Но мои методы пока работают. Будем надеяться, что так и будет продолжаться.

— Я уверена, что так и будет, — утвердительно отвечает Мила. — Потому что ты талантлив. Ты расставишь все на свои места.

Она прижимается к моей шее, и я притягиваю ее еще ближе.

— Не думаю, что когда-нибудь отпущу тебя со своих колен, — говорю я ей. — Надеюсь, тебе удобно.

Она хихикает.

— Это ты **сейчас** так говоришь, пока твои ноги не устали.

— И это ты хочешь, чтобы меня это волновало, — говорю я ей. — Ты весишь пять фунтов. И, кстати, к нам выехала еда. Ты съешь все.

Она снова хихикает.

— И это **ты** хочешь, чтобы меня это волновало.

Но после того как приезжает парень с едой, и я позволяю Миле слезть с моих колен, она, в конечном итоге, съедает все, что я положил ей на тарелку. Я пытаюсь заставить ее передохнуть секунду, но она отказывается. Я оставляю все, как есть. Отдал бы сейчас все на свете, чтобы накормить ее.

— У меня для тебя кое-что есть, — говорю я ей, когда мы ставим нашу посуду в посудомоечную машину. Она выпрямляется.

— Да? Но мне ничего не надо. У меня есть все, что нужно.

И она имеет в виду меня. Мое сердце разрывается.

— У меня тоже есть все, что нужно, — уверяю ее. — И ты теперь никуда не денешься, поэтому я хочу дать тебе это.

Она смотрит на меня с любопытством, и я веду ее на второй этаж, останавливая перед закрытой дверью.

— Ты даешь мне гостевую комнату? — Она поднимает бровь и поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Ты больше не хочешь спать со мной?

— Просто открой дверь, Нахальные Трусики.

Она улыбается и поворачивает ручку, открывая дверь, а потом задыхается.

Я превратил комнату для гостей в студию для нее. Вся стена состоит из окон, открывая вид на озеро, наполняя комнату светом. Два мольберта;

встроенные полки, заполненные всевозможными предметами искусства, которые ей могли бы понадобиться; зона отдыха. Я даже установил мансардные окна, что заняло много ночных, когда Луна висела над головой.

Мила застыла.

— Ты не собираешься ничего говорить? — спрашиваю я. — Язык проглотила?

Она улыбается медленно, озорно.

— Я думала, мы уже решили, что кот совершенно точно не откусывал мой язык.

Воспоминания о ночи на моем кухонном полу, создают дискомфорт в паху, и я быстро думаю о других вещах. Мертвые щенки, монахини, холодная рыба.

После того, как мой пах находится под контролем, я еще раз тяну ее за руку, ведя от полки к полке.

— Я хотел, чтобы у тебя было все необходимое, чтобы рисовать здесь, — говорю я ей. — Я ничего не забыл?

Она вращается вокруг, разглядывая все это.

— Это удивительно, — выдыхает она. — Ты не забыл ни одну вещь. Но ты, должно быть, работал над этим очень долго. А что, если бы... что, если бы мы не разобрались с нашими проблемами?

Я обнимаю ее сзади.

— Не было такого варианта, — отвечаю я. — Это никогда не было вариантом. Любовь никогда не слабеет, Мила. И я никогда больше не подведу тебя. Обещаю.

Я поворачиваю ее так, чтобы теперь она смотрела на меня своими великолепными зелеными глазами.

— Мила, тот день в твоём магазине чуть не раздавил меня. Когда ты сказала, что не вернешься ко мне, я не был уверен, смогу ли пережить это, но знал, что должен сделать. Я знал, что должен измениться, для себя и для тебя. И, думаю, у меня получилось. Я все еще работаю над этим... и буду продолжать. Я готов продолжать. Всегда, если это потребуется. Поэтому... я снова собираюсь попросить тебя, детка. Останься со мной. Останься со мной здесь, в моем доме. Это всего в пяти минутах езды от твоего магазина, когда он открыт. И ты можешь использовать эту студию для своего творчества. Я обещаю постараться не храпеть. И опускать сиденье от унитаза. Большую часть времени. Просто останься со мной. Пожалуйста. Я не хочу больше быть вдали от тебя.

Мила смотрит на меня, ее глаза блестят.

— С одним условием.

Я чувствую, как выдох останавливается на моих губах.

— Назови его.

— Я смогу рисовать тебя в стиле ню в любое время, когда захочу.

Смешок грохочет в моей груди, и я хватаю ее, прижимаясь своими губами к ее.

— В любое время, — бормочу я ей в губы. — На самом деле, ты можешь делать вообще все, чтобы связано со мной. Обнаженным или нет.

Она смеется, и я поднимаю ее. Ее ноги оборачиваются вокруг моей талии... место, которому они принадлежат и ее пальцы проходятся по моим волосам.

— Да, — говорит она мне, затаив дыхание. — Да. Я останусь с тобой.

Мы опускаемся на пол, держа друг друга, дыша друг в друга. Язык Милы скользит в мой рот. Ее дыхание сладкое и теплое. Ее руки хватаются за меня, тянут меня все ближе и ближе.

Ее ноги обернуты вокруг меня, и я стону, когда она гладит меня. Потом мои губы на ее шее, ключице, груди. Через несколько жарких минут, она тянет мое лицо обратно к себе.

Она прижимается своим лбом к моему и шепчет:

— Я люблю тебя.

Я улыбаюсь ей в губы.

— Я знаю.

Я быстро переворачиваюсь с ней на руках, и нависаю над ней, прежде чем скользнуть рукой между ее ног. Она задыхается в течение минуты и зовёт меня по имени в течение двух.

Я снова улыбаюсь и, когда она тянет меня к себе, я вхожу в нее медленно и сладко.

Я стону от чистого, искреннего удовольствия.

Количество любви в этой комнате невероятно; оно плотное и почти осозаемое. Это шокирует меня. Раньше я никогда не занимался любовью ни с одной женщиной. Это всегда было первобытным траханьем. Это никогда не было так... так болезненно сладко.

До сих пор.

С каждым толчком, который я делаю, тепло растёт в моей груди, пока я не чувствую, что больше не могу сдерживаться. Я мягко держу Милу, не желая отпускать ее даже на мгновение. И, наконец, кончив в нее, я обнимаю ее своими руками, и мы так и остаемся запутанными, липкими и мокрыми, кажется, навсегда.

— Это было прекрасно, — говорит она мне сонно, ее пальцы играют с моим.

— Ты прекрасна, — отвечаю я, закрыв глаза. Я даже не беспокоюсь о том, что это звучит, как слова киски. Это правда.

Мила прижимается к моему боку и кладет голову на мою грудь. В конце концов, ее дыхание становится размеренным, когда она засыпает, и через несколько мгновений я сам засыпаю.

Последнее, о чем я думаю, — Мила сделала то, что обещала. Она прогнала мои кошмары. Это из-за нее, даже только потому, что я пошел на прием к доктору Тайлеру. Если бы я этого не сделал, я бы никогда не вспомнил того, что случилось с моей матерью. А если бы я не вспомнил, то никогда бы не заполнил эту пустоту в своем сердце.

Я никогда бы не был целым.

Мила сделала это.

Я никогда не скажу ей этого, потому что она просто махнет рукой и скажет мне, что это я решил проблемы и работал над ними. Она никогда не принимает похвалу. Поэтому я буду просто любить ее каждый день своей жизни в качестве благодарности. Достаточно того, что я знаю правду.

И я никогда больше не буду скрываться от истины.

Она больше не может причинить мне боль.

Эпилог Мила

Двенадцать месяцев спустя...

Письмо, которое я держу в руках, старое, пожелтевшее и драгоценное. Слезы размывают мое зрение, когда я читаю его. Я медленно их вытираю, стараясь не размазать макияж. Потом откладываю его в сторону и смотрю на сестру.

— Так много всего произошло в этом году, — мягко говорю я. Мэдди кивает в знак согласия.

— Да, — соглашается она со смехом. — Кто бы мог подумать, что я на самом деле полюблю Пакса?

Я закатываю глаза.

— Как можно не любить его? Он великолепен. Он сделал все, что обещал.

И он, правда, сделал. Не нарушая своего обещания, Пакс продолжал посещать доктора Тайлера. Он приложил так много сил ради изменений, поэтому я не могу не гордиться им, и наши отношения не могли бы быть более здоровыми или безупречными. Он великолепен, внутри и снаружи. Он полностью отказался от виски и наркотиков. Единственное, к чему он сейчас прикасается — это вино за обедом со мной.

— Не могу поверить, что он отказался от Джека Дэниелса, — с сарказмом говорит Мэдисон, покачивая головой. — Это поразило меня. Особенно, когда проходят все эти юридические дела об убийце его матери. Это было так напряжено. Но он даже глазом не моргнул. Он не сорвался ни разу. Должна сказать, я впечатлена им, сестренка. Правда.

Я рассеянно киваю, думая о том, как трудно было для Пакса иметь дело с этими «юридическими делами».

Лерой Эллисон — имя почтальона, изнасиловавшего Сусанну Тейт. Анализ ДНК доказал это с 99.90% точностью и Пакс опознал его среди всех подозреваемых, в дополнении к татуировке змеи на бедре Лероя.

Сейчас Лерой находится в тюрьме, в ожидании суда. Семейные адвокаты Тейт не думают, что суд продлится долго, так как доказательства весьма убедительны.

— И потом, его дедушка вернулся и попытался загладить свою вину... у Пакса было столько давления со всех сторон. Я была уверена, что он сорвется. Но он этого не сделал, — говорит Мэдисон, глядя на меня.

Должна признаться, я тоже немного нервничала. Когда Уильям Александр появился в доме Пакса у озера и хотел поговорить, я думала, что все виды дерьяма собираются обрушиться на нас. Но он и Пакс прогулялись и поговорили обо всем.

И в прошлом году, когда голова Пакса стала яснее и менее омрачена его прошлой болью, он решил начать интересоваться семейной компанией. Когда-нибудь, когда его дед умрет, он примет управление на себя.

В то же время, он работает в домашнем офисе на берегу озера. Он учится бизнесу и встречался с дедом несколько раз.

В одну из этих встреч, его дед дал ему старую коробку писем, написанных матерью Паксу, начиная со дня его рождения.

Мэдди кивает на письма, сидя рядом со мной.

— В любом случае, что это за письмо?

— Судя по всему, — объясняю я, — когда Пол перевез Пакса в Чикаго, он оставил кучу вещей Сусанны в их старом доме. Он просто не мог заставить себя выбросить их. Дед Пакса, разбирался с ними за него, и делая это, он нашел коробку писем в шкафу Сусанны.

— Думаю, когда она была беременна, у нее играли эмоции и гормоны, и она решила начать писать Паксу письма для особых случаев в его жизни, в случае, если с ней что-то случится. Пол сказал, что дразнил ее из-за этого, но она все равно это сделала. Оказалось, ее предчувствие было хорошей идеей.

— О, мой бог, — выдыхает Мэдди. — Из-за этого у меня мурашки бегут по коже. Это удивительно.

Я киваю.

— Я знаю. Уильям хранил их для Пакса все эти годы.

— Почему Пакс захотел, чтобы я принесла одно из них тебе сегодня утром? — с любопытством спрашивает Мэдди.

Я переворачиваю его и держу так, чтобы она увидела. Она, очевидно, не смотрела, когда несла его мне.

Конверт помечен:

Для Пакса в день его свадьбы.

Его день свадьбы сегодня.

Глаза Мэдди расширяются.

— О, ничего себе. О чём там говорится?

Мои пальцы сжимаются, когда я читаю письмо еще раз, на этот раз вслух для Мэдисон. Я изо всех сил стараюсь не заплакать, потому что эти слова такие красивые.

Для моего прекрасного сына,

Глядя на тебя сейчас, когда ты ковыряешься в моем саду, собирая гусениц, я не могу представить себе день, когда ты вырастешь, когда станешь мужчиной. Я не могу представить себе день, когда твои маленькие

пухлые ручки вырастут в большие, стройные, как у твоего отца и, что в один из дней ты станешь достаточно большим, чтобы найти женщину, которую полюбишь.

Но я знаю, что этот день придет, потому что такие дни всегда приходят. Ты будешь большим, сильным и красивым, а твоя жена будет счастлива с тобой. И ты тоже будешь счастливым, потому что она у тебя есть. Потому что любой, кто зацепит твое сердце, — будет также прекрасен и удивителен. Вы будете подходить друг другу во всех отношениях. Это — моя надежда на вас.

Если ты это читаешь, — значит, я не с тобой. Но я хочу, чтобы ты знал, что мое сердце там. Моя любовь там. Моя любовь всегда будет жить в тебе. И когда ты будешь держать своих детей и внуков, моя любовь придет через тебя к ним, потому что любовь никогда не заканчивается. Она продолжается дальше и дальше.

Мой прекрасный сын, я люблю тебя. Я надеюсь, что твоя семейная жизнь полна чудес, смеха, и любви. Ты заслуживаешь всего этого, и даже большего. Пожалуйста, знай, что я очень горжусь человеком, которым ты стал. Я знаю это даже сейчас, даже, когда ты еще мальчик. Я знаю это, потому уже вижу потенциал в твоих глазах.

Пакс, не расстраивайся, что я ушла. Я верю в небеса, в прекрасное место, полное прощения и любви. Поэтому я знаю, что однажды снова увижу тебя. До этого дня, твоя жена будет делать тебя счастливым, верным и любимым.

Со всей моей любовью,
Навсегда,

Твоя мама.

Мои слезы капают на хрупкую бумагу, и я вытираю их. Я не могу разрушить это письмо. Его следует убрать и сохранить, чтобы наши дети смогли однажды прочитать его.

Любовь никогда не слабеет.

Эта фраза стала обетом для Пакса и для меня. На самом деле, это написано на наших свадебных кольцах, которыми мы обменяемся сегодня. И эту самую совершенную из фраз, повторила его мама. Его мать, женщина, которая отдала свою жизнь, чтобы защитить своего сына, потому что любила его очень сильно.

И я тоже.

Я признаю, что это правда, когда откладываю письмо в сторону и поправляю фату в зеркале. Я люблю Пакса больше жизни. Как и его мать, я бы защитила его ценой своей жизни. Где бы ни была Сусанна Тейт, я надеюсь, она знает это.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает Мэдисон, когда я вытираю маленько пятнышко под глазом. Я киваю.

— Я в порядке. Это просто красиво. Я надеюсь, что доживу до ее ожиданий в отношении меня.

Мэдисон улыбается и поправляет мое платье.

— Конечно, ты дожила. Ты удивительная, точно такая, как она и представляла.

Тепло разливается во мне и, когда я обнимаю сестру, Тони засовывает голову в дверь. Он одет в смокинг... он проводит меня по проходу вместо папы.

— Вы готовы? — спрашивает он, протягивая свой локоть.

Я киваю, и Мэдисон становится на колени, чтобы собрать мой длинный, белый подол.

Конечно, я готова.

Я никогда не была более готовой.

Когда мы останавливаемся в задней части церкви, — церкви, которую я так много раз видела в своих снах, — я наполнена надеждой и безграничной радостью. В ней проходили похороны моих родителей. Проводя свадьбу тут, мы еще раз доказываем, что жизнь полна хорошего и плохого. Пакс и я прошли через это, и мы будем продолжать идти, потому что именно так устроена жизнь.

Я смотрю на Пакса и вдруг, чувствуя спокойствие. Как и для его матери до меня, сейчас он мой мир.

Его глаза встречаются с моими, и он улыбается красивой и сияющей в лучах утреннего солнца улыбкой, ожидая меня впереди. Он такой красивый, такой высокий и сильный, что от него у меня перехватило дыхание.

Я перевожу дыхание.

Начинается музыка.

Каждый шаг, который я делаю, приближает меня к нему.

И когда я, наконец, дохожу, его пальцы переплетаются с моими.

Я смотрю в его глаза, желая стать *его*.

Повторяю свои обеты после священника и заканчиваю:

— Я буду любить тебя всю жизнь.

И я знаю, что сделаю это.

Потому что настоящая любовь никогда не слабеет.

Она никогда не умирает.

Она просто идет дальше, дальше и дальше.

Всегда.

От автора

Я написала эту книгу по нескольким причинам.

Во-первых, кое-кто, кого я люблю, употреблял наркотики, чтобы справиться с жизненными проблемами. Он не был наркоманом, но, как и Пакс, балансировал на грани. Если бы он не обратился за помощью и не научился быправляться с проблемами правильным способом, то ступил бы на темный убийственный путь, который кончился бы для него трагически. Я всегда буду благодарна ему за то, что он обратился за помощью, за то, что он признал проблему и много работал над собой, чтобы все исправить.

Во-вторых, несколько лет назад, в газете я наткнулась на статью, которая преследовала меня с тех пор, как я ее прочитала. Там говорилось о молодой матери, ребенке и преступнике. Они были в том же положении, что Пакс и его мама в этой книге, но, так или иначе, реальной матери и ребенку удалось спастись. Я думала об этой истории в течение многих лет, когда мой писательский ум блуждал в поисках новых героев. Я подумала о том, что случилось бы с мальчиком, если бы преступник убил его маму. Я решила, что он хотел бы жить в забвении. Там, где было бы безопасно и тепло. И вот так родилась история Пакса.

Эта история, на самом деле, о человеке, находящимся на грани. Возможно, в конце концов, он выбрал бы темную или светлую сторону. И он выбрал свет, даже при том, что свет более тверд, и требуется большей работы над собой. Мое сообщение через эту книгу для тех, кто находится в том же положении, балансируя на этом жутком выступе. Свет всегда побеждает, хотя это трудно. Оставайтесь сильными и живите в свету.

Слова: "Любовь никогда не слабеет" для меня очень много значат. Эти слова выгравированы на моем обручальном кольце, так же, как у Пакса и Милы.

Мои бабушка и дедушка были женаты в течение шестидесяти лет. Они были самыми мудрыми, нежными, самым и удивительными людьми, которых я когда-либо знала. Бабушка всегда мне говорила: "Любовь никогда не ослабнет, милая". Этого никогда не случится.

И, знаете, что? Она была права. Настоящая любовь никогда не ослабнет. Она будет идти все дальше и дальше. Человек может уйти, но любовь останется навсегда.

Любовь сильнее всего на свете. Вы поймете это через вещи, которые ничего не значат. Поэтому положитесь на нее, облокотитесь на нее. Охватите ее. Рассчитывайте на нее.

Любовь терпима, любовь милосердна. Это не зависть или хвастовство, это не высокомерие или грубость. Не настаивайте на своем, не будьте раздражительным или обиженным. Любовь не радуется проступкам, она радуется правде. Любовь все покрывает, всему верит, на всё надеется, всё переносит. Любовь никогда не слабеет.